This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

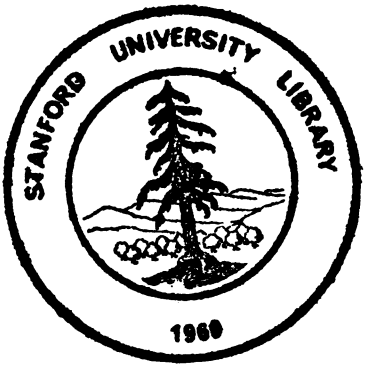
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

RUSSKAIA KRITICHESKAIA LITERATURA O PROIZVEDENIAKH N.V. GOGOLIA

PT. 1

L8


STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
1960

* * *

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1968 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

* * *

Zelinskii, V. A.
11

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

о произведеніяхъ

Н. В. ГОГОЛЯ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1829-1842.

составилъ
В. Зелинскій.

БИБЛІОТЕКА АЛЕКСАНДРОВСКАГО
1850

МОСКВА.
Типографія А. Гатцука, Никитскій бульваръ, собственный домъ.
1889.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Предлагаемый „Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей о произведеніяхъ Н. В. Гоголя" служитъ продолженіемъ серіи раньше изданныхъ мною сборниковъ критическихъ статей о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Некрасовѣ, Пушкинѣ и Толстомъ.

О цѣли, значеніи и формѣ моего литературнаго предпріятія, по собиранію и изданію критическихъ статей о произведеніяхъ лучшихъ нашихъ писателей, я довольно обстоятельно объяснялся съ читателями въ предыдущихъ выпускахъ сборниковъ, особенно въ предисловіяхъ къ первому и второму выпускамъ статей о Тургеневѣ и къ первымъ частямъ сборниковъ о Пушкинѣ и Толстомъ.

Въ составъ настоящей первой части сборника критико-библіографическихъ статей о сочиненіяхъ Н. В. Гоголя вошло 29 статей, появившихся въ печати въ періодѣ времени отъ 1829 года по 1842 годъ включительно. Впрочемъ, критическія статьи 1842 года вошли сюда не всѣ,—почти половина ихъ отнесена во вторую часть настоящаго сборника, имѣющую выйти изъ печати въ непродолжительномъ времени.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Отъ составителя.

Два отзыва 1829 года . . . 1

Ганцъ Кюхельгартенъ. Отзывъ изъ „Сѣверной Пчелы“ 1

Тоже. Отзывъ изъ „Московскаго Телеграфа“ . . . . . —

Критика тридцатыхъ годовъ... 3

1831 годъ . . . . . —

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Изъ „Московскаго Телеграфа“ 3

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Изъ „Телескопа“ . . 6

Тоже. Статья В., изъ „Сѣверной Пчелы“ 9

1832 годъ 13

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Изъ „Московскаго Телеграфа“ 13

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Изъ „Телескопа“ . . . 16

1835 годъ 17

Арабески.—Миргородъ. Статья В. Бѣлинскаго, изъ „Молвы“ . . 17

Арабески. Изъ „Библіотеки для Чтенія“ 19

Миргородъ. Изъ „Библіотеки для Чтенія“ 24

Арабески. Изъ „Сѣверной Пчелы“ . 25

Миргородъ. Статья П. М—скаго (Юркевича), изъ „Сѣверной Пчелы“. 30

Стр.

Миргородъ. Статья С. Шевырева, изъ „Московскаго Наблюдателя“ 33

Арабески и Миргородъ. Статья В. Бѣлинскаго, изъ „Телескопа“ . 42

1836 годъ 55

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. — Миргородъ. — Арабески. Замѣтка изъ „Русскаго Инвалида“ 55

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Отзывъ А. Пушкина, изъ „Современника“ 55

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Изъ „Сѣверной Пчелы“. 56

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Изъ „Библіотеки для Чтенія“ 58

Ревизоръ. Статья Андросова, изъ „Московскаго Наблюдателя“ . . 59

Ревизоръ. Изъ „Библіотеки для Чтенія“ 66

Ревизоръ. Статья В., изъ „Современника“ 77

1841 годъ 87

Ревизоръ. Библіограф. замѣтка изъ „Отеч. Записокъ“ 87

Ревизоръ. Статья Н. В. Гоголя, изъ „Москвитянина“ 87

Римъ. Изъ „Современника“ . . . 92

1842 годъ 95

Стр.

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Статья П. Полеваго, изъ „Русскаго Вѣстника“ . 95
Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Изъ „Отечественныхъ Записокъ“ 117
Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Статья М. Сорокина, изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 133
Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Статья Масальскаго, изъ „Сына Отечества“ . 150
Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Статья С. Шевырева, изъ „Москвитянина“ . . 176

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

разбираемыхъ произведеній, критиковъ, критическихъ статей и изданій, изъ которыхъ перепечатаны статьи.

„Арабески“—17, 19, 25, 42, 55.
Андросовъ—59.
А. Б. (П. А. Болтинъ)—86
„Библіотека для Чтенія“—19, 24, 58, 66.
Бѣлинскій, В.—17, 42.
„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“—3, 6, 9, 13, 16, 55, 56, 58.
В. (псевдонимъ)—9, 77.
„Вѣстникъ“ (Русскій)—95.
„Вѣдомости“ (С.-Петербургскія)—133.
„Ганцъ Кюхельгартенъ“—1.
Гоголь, Н. В.—87
Годы:
1831—3.
1832—13.
1835—17.
1836—55.
1841—87.
1842—95.
Два отзыва 1829 года о „Кюхельгартенѣ“—1.
„Записки“ (Отечественныя)—87, 117.
„Замѣтки на статью Гоголя,“ А. Б. (П. А. Болтина)—86.
„Инвалидъ“ (Русскій)—55.
Критика тридцатыхъ годовъ—3.
„Литературное Прибавленіе“ къ „Русскому Инвалиду“—12, 55, 86.
Масальскій—150.
„Миргородъ“—17, 24, 30, 33, 42, 55.
М—скій П. (Юркевичъ)—30.
„Мертвыя души“—95, 117, 133, 150, 176.
„Московскій Телеграфъ“—1, 3, 13.
„Молва“—17.
„Московскій Наблюдатель“—33, 59.
„Мои комментаріи о соч. Гоголя „Миргородъ“—55.
„Москвитянинъ“—87, 176.
„Наблюдатель“ (Московскій)—33, 59.
„Отечественныя Записки“—87, 117.
„О Русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“, ст. Бѣлинскаго—42.
„Пчела“ (Сѣверная)—1, 9, 25, 30, 56.
„Похожденія Чичикова или Мертвыя души“—95, 117, 133, 150, 176.
Полевой П.—95.
Пушкинъ А.—55.
„Ревизоръ“—59, 66, 77, 87.
„Римъ“—92.
„Русскій Инвалидъ“—55.
„Русскій Вѣстникъ“—95.
„Современникъ“—55, 77, 86, 92.
„Сѣверная Пчела“—1, 9, 25, 30, 56.
„Сынъ Отечества“—16, 150.
„С.-Петербургскія Вѣдомости“—133.
Сорокинъ М. 133.
Серебряный Н.—87.
„Телеграфъ“ (Московскій)—1, 3, 13.
„Телескопъ“—6, 16, 42.
Шевыревъ С.—33, 176.
Юркевичъ (П. М—скій)—30.

ДВА ОТЗЫВА 1829 ГОДА.

*) **Ганцъ Кюхельгартенъ.** *Идиллія въ картинахъ. Сочин. В. Алова.* (*Писано въ 1827*).

Идиллія сія состоитъ изъ *осмнадцати* картинъ. Въ сочинителѣ замѣтно воображеніе и способность писать (со временемъ) хорошіе стихи, ибо Издатели говорятъ, что «это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности»; но скажемъ откровенно: сіи господа издатели напрасно «гордятся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданіемъ юнаго таланта». Въ Ганцѣ Кюхельгартенѣ столь много несообразностей, картины часто такъ чудовищны и Авторская смѣлость, въ поэтическихъ украшеніяхъ, въ слогѣ и даже въ стихосложеніи, такъ безотчетлива, что свѣтъ ничего бы не потерялъ, когда бы сія первая попытка юнаго таланта залежалась подъ спудомъ. Не лучше ли бы было дождаться отъ Сочинителя чего нибудь болѣе зрѣлаго, обдуманнаго и обработаннаго?

* * *

) **Ганцъ Кюхельгартенъ. *Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова.* (*Писано въ 1827 году*).

Издатель сей книжки говоритъ, что сочиненіе Г-на Алова не было предназначаемо для печати, но, что *важныя для одного автора причины* побудили его перемѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще

*) „Сѣверная Пчела“ 1829 г., № 87.
**) „Московскій Телеграфъ“ 1829 г., ч. 27, № 12 (іюнь).

важнѣйшія причины имѣлъ онъ не издавать своей Идилліи. Достоинство слѣдующихъ пяти стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя—
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повѣсть.

Заплатою такихъ стиховъ должно бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ.

КРИТИКА ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

1831 г.

*) **Вечера на хуторѣ близь Диканьки.** *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Книжка первая. СПб. 1831. Въ т. Деп. Народ. Просв. XXII и 241 стр. in—12.*

Мы не знаемъ имени Автора сей книжки, но для пользы читающей публики желали-бы, чтобъ оно было извѣстно... Предвидимъ коварную улыбку людей, умныхъ старыми остротами, и предслышимъ ихъ единогласный вопросъ: «Неужели хотите вы судить о книгахъ по именамъ авторовъ?» Нѣтъ, Мм. Гг., мы имѣемъ въ виду совсѣмъ иное, изъявляя свое желаніе. Собственно для насъ имена авторовъ не нужны. Мы, по обязанности, должны прочитывать тѣ книги, о которыхъ даемъ отчетъ. Надѣемся (какая утѣшительная надежда!), что эту обязанность несемъ мы для пользы нашихъ читателей, которые вѣрятъ нашимъ отзывамъ о книгахъ. Но развѣ вся публика принадлежитъ къ числу нашихъ читателей? И развѣ всѣ читатели вѣрятъ отзывамъ самыхъ правдивыхъ журналистовъ? Этого-то мы и не смѣемъ надѣяться, видя какіе уроки въ недовѣрчивости даютъ наши собраты журнальные своимъ читателямъ. Напротивъ, мы хотимъ, чтобы публика сама была ближе къ дѣлу, сама судила, и надѣялась, и потому то желаемъ, чтобы она знала имя автора каждой книги, ибо это примѣта вѣрная, по ней почти всегда можно судить, чего въ правѣ мы *ожидать* отъ какого автора—исключая авторовъ нович-

*) „Московскій Телеграфъ“ 1831 г., № 17 (Сентябрь). „Современная Библіографія. Русская Литература“.

ковъ, или, чтобы сказать поучтивѣе, кандидатовъ въ авторы. Напримѣръ, какъ не сказать спасибо Г-ну А. Орлову, за то, что на каждой своей книжонкѣ онъ выставляетъ прославленное свое имя? Этого и довольно, чтобы не взять ее въ руки и не прочесть? Любопытно знать все, что выходитъ изъ подъ пера этого писателя. Предположимъ напротивъ, что онъ подъ своимъ сочиненіемъ выставитъ прозваніе какого нибудь *Косичкина*: кто станетъ заглядывать въ него? Кто подумаетъ, что этотъ *Косичкинъ—Пушкинъ*! Если станутъ увѣрять васъ, почтенные читатели, что *Вечера на хуторѣ* произведеніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ писателей Русскихъ, или Малорусскихъ—не полагайтесь на это. И насъ увѣрили въ томъ. И мы въ свою очередь были въ вашемъ положеніи; да сверхъ того еще мы видѣли въ Сѣверной Пчелѣ громкую хвалу произведенію Пасичника, такъ что приступили къ чтенію этой книги, ожидая встрѣтить въ ней по крайней мѣрѣ полъ—Вашингтона Ирвинга... но предубѣжденіе наше разсѣялось какъ пріятный сонъ, не сбывшійся на яву. Пусть слѣдующія строки послужатъ новымъ доказательствомъ, что мы судимъ о книгахъ не по именамъ сочинителей и не по чужимъ отзывамъ.

Надобно сказать однакожъ, что этотъ Пасичникъ большой хитрецъ! Чѣмъ вы думаете начинаетъ онъ свою книгу? Бранитъ ее!.. Да, вотъ его слова: «Это что за невидаль! Что это за *Вечера*? И швырнулъ въ свѣтъ какой-то пасичникъ!» Но, едва-ли удастся ему поддѣть насъ на эту штуку! Мы скажемъ ему иначе. Что у васъ за страсть быть Вальтеръ-Скоттиками? Что за мистификаціи? Неужели всѣ вы, Гг. сказочники, хотите быть *великими незнакомцами*? Пишите, сколько вамъ угодно, да пишите свое, или хоть не перенимайте чужихъ ухватокъ, которыя, право, не къ лицу вамъ. Вальтеръ-Скоттъ умѣлъ поддерживать свое инкогнито, а вы, Г. Пасичникъ, спотыкаетесь на первомъ шагу. Неужели вы думаете, что представляете хорошо Малороссіянина, говоря: «Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень *блещетъ въ тишинѣ и зноѣ*, и голубой, неизмѣримый океанъ, *сладострастнымъ куполомъ* нагнувшійся надъ землею, кажется, *заснулъ*, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ». Или, почти тутъ-же говорите вы: «Лѣниво и бездумно, будто *гуляющіе* безъ цѣли, *стоятъ подобачные* дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ *цѣлыя* живописныя *массы* листьевъ, накидывая

на другія темную какъ ночь тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщетъ золото». Воля ваша, мы своимъ Русскимъ умомъ не понимаемъ этого высокопарнія, но понимаемъ то, что это писалъ не Пасичникъ и не Малороссіянинъ! Если бы выписывать все ваше высоко-безпонятное—летаніе, то рука устанетъ. Довольно: мы видимъ, что вы самозванецъ—Пасичникъ; вы, сударь, Москаль, да еще и горожанинъ. Но дѣло не въ томъ. Будьте вы хоть житель раззолоченаго кабинета въ Петербургѣ, да умѣйте сказывать сказки хорошо—мы вамъ поклонимся за нихъ, а на то не погнѣвайтесь.

Благодаримъ [illegible] азрыли кладъ Малороссійскихъ преданій и присказокъ; но [illegible] овались вы этимъ кладомъ не искусно. Во-первыхъ, вс[illegible] азки такъ несвязны, что, не смотря на многія прелести [illegible] ности, которыя принадлежатъ явно народу, съ трудомъ [illegible] нь каждую изъ этихъ сказокъ. Желаніе поддѣлаться и [illegible] мъ, спутало до такой степени вашъ языкъ, и все ва[illegible] что въ иныхъ мѣстахъ и толку не доберешься. Во-вторыхъ [illegible] то вы много читали и можете писать, но вы сковали [illegible] которая вамъ не подъ силу. Должно было разсказывать [illegible] ли просто, какъ онѣ хранятся въ народномъ преданіи, [illegible] давать ихъ, смѣло, творчески, на что большой мастеръ старикъ В.-Скоттъ. Далѣе, при недостаткахъ слога, при несвойственной ролѣ, при бѣдности воображенія, вы еще вовсе не умѣете сражаться съ читателемъ на всякой строчкѣ, не умѣете увлекать его подробностями, не умѣете быть ловкимъ въ смѣшномъ, и всего менѣе умѣете шутить. Посмотрите-ка на одного сказочника, который написалъ повѣсть: *Лейтенантъ-Вьюзоръ*! Вотъ художникъ! Его Голландецъ Саарвайзенъ какъ живой передъ вами! Сколько разъ вы сами, вѣрно, хохотали отъ души надъ этими чудаками Голландцами, которыхъ живописуетъ Авторъ; а онъ, можетъ быть, не бывалъ и близко Голландіи! Но таковъ творческій даръ. Ему нѣтъ надобности жить между Голландцами, между Поляками, Русскими или Малороссіянами: онъ дернулъ волшебною шпринкой— и они передъ вами.

И такъ, Г. Пасичникъ, если вы будете еще описывать что нибудь, то вспомните, что читателя провесть трудно: онъ тотчасъ разгадаетъ васъ, какое бы ни надѣли вы забрало. Потомъ, не забывайте, что вамъ надобно загладить непріятное впечатлѣніе, которое произвели вы въ немъ плохимъ употребленіемъ превосходныхъ, бывшихъ у

васъ въ рукахъ, матеріаловъ, остающихся и послѣ вашей книги только матеріалами.

* * *

*) **Вечера на хуторѣ близь Диканьки.** *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Первая книжка. СПб. Въ типогр. Департ. Нар. Просв. 1831.*

Какъ ни тягостно намъ оскорблять вниманіе нашихъ читателей, упоминая о *Московскомъ Телеграфѣ* не для смѣха, мы не можемъ однако скрѣпиться теперь и удержать справедливое негодованіе, которое безъ сомнѣнія всѣ раздѣлятъ съ нами. Находящаяся передъ нами книжка принадлежитъ къ пріятнѣйшимъ явленіямъ нашей словесности. И между тѣмъ съ этой литературной каланчи, ветшающей и разлагающейся очевидно, груда мусора обрушилась на нее и на *Пасичника Рудаго Панька*! За чтожъ? спросятъ иные, незнакомые съ лютостью ожесточенія, до котораго можетъ доходить литературная злоба. Отвѣтъ скрывается въ мрачныхъ сплетняхъ нашей журналистики, коихъ книжка сія сдѣлалась невинною жертвою. Конторѣ *Московскаго Телеграфа* почудился въ Пасичникѣ Рудомъ Панькѣ непріязненный врагъ, щекотавшій ее не разъ наѣзднического копьемъ своимъ: она признала въ немъ *Москаля* и даже *горожанина*— примѣты важныя и роковыя!.. Но—несчастная обманулась: она вклепалась понапрасну!.. Увы? И журнальное чутье притупляется наконецъ старостью!..

Мы, съ своей стороны, не приглядываемся и не имѣемъ никакой нужды приглядываться къ лицу добраго *Пасичника*. Кто бы онъ ни былъ, для насъ все равно. Изданная имъ книжка у насъ предъ глазами: ею одной и ограничится наше сужденіе.

Вечера на хуторѣ близь Диканьки состоятъ изъ прекрасныхъ отрывковъ народной Украинской жизни. Кто не знаетъ, по крайней мѣрѣ, по наслышкѣ, что наша Украйна имѣетъ въ своей физіономіи много любопытнаго, интереснаго, поэтическаго? Какое-то тайное согласіе признаетъ ее Славянской Авзоніей и предчувствуетъ въ ней обильную жатву для вдохновенія. Наши поэты улетаютъ въ нее мечтать и чувствовать: наши разскащики питаются крохами ея преданій и вымысловъ. Даже Историкъ Русскаго Народа, захотѣвъ олице-

*) „Телескопъ" 1831 г., часть V, отдѣлъ VI. „Библіографія".

творить сво… …елѣпыя и дикія мечты, избралъ Малороссію позорищемъ, на к… …рое смѣло выпустилъ жалкихъ своихъ маріонетокъ. И дѣйствител… …о, какъ географическое положеніе, такъ и историческія обстоятельств… …расположили Малороссію быть торжественнѣйшимъ выраженіемъ …эзіи Славянскаго духа. Разстилаясь, подъ благодатною сѣнію южнаго …неба, по широкому ковру степей, окаймленныхъ струями Дуная и …она, хребтами Кавказа и Карпата, волнами Эвксина и Каспія, она …ставляла привольное раздолье, гдѣ Славянская флегматическая … …ность естественно могла разгуляться до Казацкаго удальства и … …ть неугомонными, но неопасными горцами, но … …кругообращеніе жизни, не давляя чуждою примѣсью … …зомъ. Малороссія естественно должна была сдѣлаться за … …етомъ, въ коемъ сохраняются живѣйшія черты Славянс… … и лучшія воспоминанія Славянской жизни. Ея пар… …раждаемый пока отъ чуждаго вліянія дѣтской привязан… …одной старинѣ, сохранитъ по пынѣ сіе достоинство. … …ельнѣе посему должны быть для насъ ея картины. … …опынѣ не умѣлъ представлять ихъ такъ вѣрно, так… …очаровательно, какъ добрый *Пасичникъ Рудый Панъ*… …имъ книжка содержитъ въ себѣ четыре народныя Малор… …повѣсти. Содержаніе ихъ составлено изъ Украинскихъ преданій, обставленныхъ приключеніями, взятыми изъ дѣйствительной жизни. Отсюда ихъ высочайшая истинность, убѣждающая сама въ себѣ невольно. Изложеніе ихъ возвышаетъ прелесть очарованія. Онѣ разцвѣчены Украинскими красками, освѣщены Украинскимъ свѣтомъ. Въ отношеніи къ языку, писавшіе Малороссійскія картины обыкновенно впадали въ двѣ противоположныя крайности: или сглаживали совершенно всѣ мѣстные идіотизмы Украинскаго нарѣчія, или сохраняли его совершенно неприкосновеннымъ. Первое видимъ мы въ романахъ Нарѣжнаго, послѣднее въ мастерскихъ произведеніяхъ автора *Дворянскихъ Выборовъ*. Но тамъ очевидно терпитъ точность, здѣсь ясность. Панъ *Пасичникъ* умѣлъ стать на золотой срединѣ. У него національный мотивъ Украинскаго нарѣчія переведенъ, такъ сказать, на Москальскія ноты, не теряя своей оригинальной физіономіи. Описанія, которыми онъ обставляетъ изображаемыя сцены, иногда отзываются напряженностью: но и отъ нихъ всегда пышетъ Украйною.

Для примѣра выпишемъ отрывокъ изъ повѣсти: *Майская ночь*

или Утопленница, которой, въ художественномъ отношеніи, отдаемъ рѣшительное преимущество предъ тремя прочими. Ея герои молодой парубокъ Левко и прекрасная казачка Ганна, разговариваютъ полюбовно другъ съ другомъ, подъ навѣсомъ прелестной Украинской ночи:

— «Да тебѣ только стоитъ, Левко, слово сказать и все будетъ по твоему... Посмотри, посмотри!» продолжала она, положивъ голову на плечо ему и подявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое Украинское небо, завѣшенное снизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишенъ. «Посмотри, вонъ—вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, вѣдь это Ангелы Божьи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на нашу землю? Что если бы у людей были крылья какъ у птицъ—туда бы полетѣть, высоко—высоко... Ухъ страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А говорятъ однакоже, есть гдѣ-то, въ какой то далекой землѣ, такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ Свѣтлымъ Праздникомъ».

— «Нѣтъ, Галю: у Бога есть длинная лѣстница отъ неба до самой земли. Ее становятъ передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ Святые Архангелы; и какъ только Богъ ступитъ на первую ступень, всѣ нечистые духи полетятъ стремглавъ и кучами попадаютъ въ пекло (адъ), и оттого на Христовъ Праздникъ ни одного злаго духа не бываетъ на землѣ».

— «Какъ тихо колышется вода, будто дитя въ люлькѣ!» продолжала Ганна, указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Возлѣ лѣса, на горѣ, дремалъ съ закрытыми ставнями старый деревянный домъ; мохъ и дикая трава покрывали его крышу; кудрявыя яблони разрослись передъ его окнами; лѣсъ, обнимая своею тѣнью, бросалъ на него дикую мрачность; орѣховая роща стлалась у подножія его и скатывалась къ пруду».

Это не Украйна?..

Еще рѣзче ознаменована печатью мѣстности *Пропавшая Грамота*. Замѣчательно, что *Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы* содержаніемъ своимъ удивительно сходенъ съ одной повѣстью Тика: *Чары любви*. Это можетъ подать поводъ къ любопытнымъ соображеніямъ.

Въ предисловіи къ *первой* книжкѣ, *Рудый Панько* говоритъ: «лишь бы слушали да читали, а у меня пожалуй, лѣнь только про-

клятая рыты[illegible] наберется и на десять такихъ книжекъ». Слушаемъ и читаемъ; [illegible]ъ не лѣниться-жь!

* *

*) Вечера [illegible] хуторѣ близь Диканьки. *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ [illegible]дымъ Панькомъ. Первая книжка. С.-Пб. 1881, въ тип. Деп. [illegible]ароднаго Просвѣщенія, въ 12, 241 стр. (Сообщено).*

Небольшое [illegible]итературное Общество, издавна составившееся въ Малороссіи, и [illegible]стоянно дѣйствовавшее въ духѣ мѣстнаго патріотизма, сколько можно [illegible]мъ онаго, имѣло сперва цѣлію сохранить во [illegible] своего нарѣчія и оригинальность давнопрошедшаго о[illegible] періоду принадлежатъ печатные опыты гг. Котляревс[illegible]ского-Гулака и издателей Украинскаго Вѣстника—кром[illegible]товъ, не изданныхъ и составляющихъ нѣкотораго рода [illegible]Литературу Малороссіянъ. Но въ послѣднее время, М[illegible]икола оставила сію слишкомъ мѣстную цѣль свою, [illegible]мысли болѣе глубокой—удерживать только характеръ[illegible]оего нарѣчія, поставляя главнѣйшею цѣлью раскрыва[illegible]ть, во всей обширности этого понятія. Анекдоты, печа[illegible]жкахъ Вѣстника Европы, кажется, были первымъ на[illegible]ой цѣли; публикѣ извѣстны прекрасныя мелодіи Маркевича. Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ, представляютъ намъ новый, изящный плодъ этого же, умнаго и истинно народнаго усилія.

Нельзя требовать отъ четырехъ Повѣстей общности, въ которой былъ бы раскрытъ весь составъ народнаго нравственнаго организма, а потому мы не иначе можемъ оцѣнить достоинство оныхъ, какъ только сравнительно съ другими въ этомъ самомъ родѣ.

Элементы собственно Русскаго характера, до сихъ поръ, остаются неуловимы. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ еще ни одного произведенія, которое можно бы было поставить въ параллель съ Повѣстями Пасичника Рудаго Панька. Обстоятельство сіе заставляетъ думать, что идея національной Литературы образовалась у насъ, какъ и все, подражательно, и что стремленіе наше къ оной есть только ученое усиліе, а не самосознательное изложеніе. Правда, что мы уже въ состояніи сознавать неестественность своей очужеземленной физіо-

*) „Сѣверная Пчела“ 1831 г., № 219 и 220. „Новыя книги“ (статья В.).

номіи; но привить къ ней родимую осинку, сколько ни изящно, но само по себѣ сіе желаніе не такъ легко, какъ перепечатать русскими буквами идею Шлегеля, или поставить на Суздальскомъ заводѣ машину Лондонскаго изобрѣтенія. Предоставляемъ каждому доброму патріоту договорить сію мысль въ душѣ своей. Чтобъ возвратиться къ разбираемой нами книжкѣ, должно понять совокупность того, что произведено въ Русской Литературѣ ученымъ усиліемъ къ національности.

На семъ поприщѣ рѣзко и упрямо идетъ г. Погодинъ, но костюмъ его слишкомъ изысканъ. Кажется, что г. Погодинъ болѣе ненавидитъ чужое, нежели любитъ свое: иначе не умѣемъ объяснить его слишкомъ рѣшительнаго уклоненія къ провинціализму. Однакожъ, національное не состоитъ въ провинціализмѣ, вопреки обществу людей высшаго образованія, или въ старыхъ формахъ языка, сохранившихся между народомъ, живущимъ и мыслящимъ позади новаго поколѣнія: надобно различать Русское отъ Руссицизма.

Въ Г. Загоскинѣ мы видимъ такое же одностороннее направленіе, только съ другой точки. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, и не безъ основанія, характеръ нашей столицы можетъ показаться, такъ сказать, колоніальнымъ. Но сіе ли понятіе побудило чистую, патріотическую душу искать утѣшенія въ эпохахъ нашей народной славы? Очевидно, что тутъ національное смѣшивается съ патріотизмомъ; но въ этой пламенной атмосферѣ, наполненной Богомъ и Отечествомъ, въ которую вторгается патріотизмъ, всегда энтузіастическій, едва ли возможно закалить выпуклости оригинальной физіономіи. Отъ того-то Кирша не причастенъ исторической жизни Романа, и самъ Милославскій принимаетъ въ оной самое вялое участіе. Еще замѣтнѣе это въ Рославлевѣ: тамъ отдѣльное бытіе характеровъ становится частно до мелочи, и теряетъ всю свою индивидуальную рѣзкость.

Есть особый разрядъ Писателей, старающихся, подъ формою изящной Литературы, представлять древняго Русса, въ его суевѣрныхъ преданіяхъ, заклятіяхъ и повѣрьяхъ. Подобные труды имѣютъ цѣну въ совокупности, и примыкаютъ болѣе къ Критикѣ, нежели къ собственно такъ называемой Литературѣ. Здѣсь было бы кстати указать на явленіе, въ которомъ сосредоточено и въ высшей степени напряженія обнаружилось ученое усиліе къ возсозданію національности: мы разумѣемъ Исторію Русскаго Народа; но высшее значеніе и достоинство сего произведенія не попускаетъ ему установиться въ паралель съ Повѣстями.

Способомъ вершенно тому противнымъ, способомъ естественнымъ проявляется ціональность въ Повѣстяхъ, изданныхъ Пасичникомъ Рудымъ Пан мъ. Это заставляетъ насъ думать, что духъ Малорос- сіянъ обиш ъ себя съ тою крѣпостію и силою, которыя могутъ принадлежат ной только оригинальности; ибо національность нельзя сочинить, и но фасону фрака или формату книги—если элементы оной не раз ются сами собою въ каждомъ частномъ бытіи. Дѣй- ствительно, лороссіяне имѣютъ свою особенную физіономію, или, по крайней м . Они тщательно сберегаютъ свои преданія и д ображеніями предковъ, въ ко- ихъ находятъ фам ство. Прошедшая Исторія жи- ветъ въ устахъ их сь пѣснями, то живописуясь въ рамахъ живой ки ь и разсказываютъ о самихъ себѣ анекдоты, въ кот ную Пошехонскую простоту проглядываетъ какая ка. Это составляетъ въ ха- рактерѣ ихъ элемент кій, который такъ вольно и живо развился въ х ихъ, ими про себя составлен- ныхъ: вотъ Запоро распространяясь болѣе, мы укажемъ только на т наши Писатели, желая отцвѣ- тить свои историческія картины народными красками, какъ будто условившись искали оныхъ въ быту Малороссійскомъ. Димитрій Самозванецъ и Юрій Милославскій, изданные въ одно время, равно об- наружили сіе направленіе....

Изъ сей-то среды, богатой матеріалами, искусный Панько извлекъ характеры и дѣйствіе для своихъ Повѣстей. Не ожидайте характеровъ сильныхъ, или слишкомъ глубокихъ, потому что передъ вами раскрывается простой, сельскій бытъ; но за то бытъ сей характеренъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ: все движется, все рисуется предъ вами въ истинномъ казацкомъ костюмѣ. Указываемъ на ночные проказы парубковъ, или на скитанія гуляки Каленика по улицамъ села — въ Повѣсти Утопленница, и на весь этотъ колоброд, такъ естественно и прелестно-просто представленный въ Сорочинской ярмаркѣ. Хотя, вообще, Автору нашему не достаетъ творческой фантазіи, но нѣкоторыя мѣста дышатъ піитическимъ вдохновеніемъ; такъ, напримѣръ: пересылка любовныхъ привѣтовъ между Петромъ и Пидоркою — такъ часто встрѣчаемая въ Малороссійскихъ *пѣсняхъ*, или портретъ Утопленницы и игра въ ворона, или свида- *ніе Левка съ Галею—въ* нѣкоторыхъ подробностяхъ разговора, ибо

цѣлое сбивается нѣсколько на водевильный тонъ.—Но особенно мы любовались разсказомъ Ѳомы Григорьевича объ вечерѣ на канунѣ Ивана Купалы; такъ бы точно разсказывало само добродушное суевѣріе, одѣвшись въ Малороссійскую свитку. Эти намеки, недосказы, приговорки — такъ и мотаются на усъ. Непоколебимое, внутреннее вѣрованіе въ чудесное напечатлѣно въ каждомъ словѣ разсказа, и придаетъ оному характеръ этой пергаментной простоты, отъ которой такъ далеко уклонились мы — совращенные вычурными формами нашей жизни и настроенные къ поддѣльности, даже въ употребленіи языка. Мы не знаемъ ни одного произведенія въ нашей Литературѣ, которое можно бы было сравнить, въ этомъ отношеніи, съ Повѣстями, изданными Насичникомъ Рудымъ Панькомъ, — развѣ Борисъ Годуновъ пойдетъ въ сравненіе. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать объ описательной части Повѣстей: тутъ становится замѣтно, что добрый Насичникъ вытягивается предъ москалями, но описанія его не имѣютъ ни вѣрности, ни полноты, ни смѣлости, которыя отличаютъ Автора Вечеровъ. Испытанія, и пр. Языкъ его, мимоходомъ сказать, несовершенно отдѣланный, обогащенъ словами и оборотами, заимствованными изъ Малороссійскаго нарѣчія; выразительность оныхъ даетъ имъ право гражданства въ общемъ Русскомъ языкѣ.

Вотъ все, что мы считали нужнымъ сказать о Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обѣщанной къ новому году другой книжки, и увѣряемъ Автора, что публика не поскучаетъ и отъ десяти подобныхъ первой книжекъ, если только будущее поколѣніе Повѣстей сохранитъ свое фамильное достоинство: свободное, не гусерперское, но въ отечественномъ лонѣ развитое воспитаніе.

В.

Цѣна книгъ: Вечера на хуторѣ 7 руб. 50 коп. Иногородные за пересылку, сверхъ сего, прилагаютъ за 1 фунтъ. *).

*) Сюда не вошелъ отзывъ изъ *Литературнаго прибавленія* къ „Русскому Инвалиду“ за 1831 г. №№ 79 и 94.

Примѣч. В. Земскаго.

1832 г.

*) **Вечера** …уторѣ близъ Диканьки. *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ …ькомъ. Книжка вторая. С.-Пб. Въ т. А. Плюшара. 183… …VI и 354 стр., in—12.*

Разнообра… …сужденія Русскихъ Журналовъ о первой части сей книги могли … между прочимъ, послужить доказательствомъ, что у насъ нѣтъ к… …спомнить, что въ доказатель…ство превосходства … …ка, употреблено было даже мнѣніе одного из… …опроверженіе не безусловной хвалы нашей *Вечерамъ* … …озставлено было подозрѣніе, что будто мы кого-… …сочиненіи этой книги! Такія логическія доказатель… …и-бы ни отъ одного учителя Логики извѣстныхъ … …къ: *изрядно; порядочно; довольно хорошо.* Ещ… …алъ была помѣщена цѣлая книга, или книжка, … …тступленія Автора отъ Малороссійскихъ повѣрій … …то у насъ называютъ Критикою!

Откровенно сказавъ мнѣніе свое о первой части сей книги, мы не отступаемся отъ него и теперь, когда первое впечатлѣніе миновалось, и когда указанія другихъ Критиковъ могли бы что нибудь пояснить намъ. Но, пора говорить о *второй книжкѣ*.

Она гораздо превосходнѣе *первой*. Въ ней Авторъ открываетъ, или лучше сказать, поясняетъ намъ то свойство Малороссійскаго характера, которое безспорно принадлежитъ однимъ Малороссіянамъ, изъ всѣхъ разнородныхъ обитателей нашего отечества. Въ Русскомъ человѣкѣ почти нѣтъ этого юмора, непринужденнаго, веселаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ мелочнаго, не глубокаго. Русскій любитъ сарказмъ, и живость его характера не даетъ ему времени хладнокровно задумываться надъ пустяками, для того чтобы представить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Его насмѣшка есть брань или злая сатира. Въ этомъ мы наслѣдники Римлянъ. Но Малороссіянинъ—совершенно иное? Какъ будто неспособный къ живому чувству, онъ преспокойно останавливается надъ уродливою рѣпою, или надъ исполинскимъ огурцомъ, и

*) „Московскій Телеграфъ“ 1832 г., ч. 44, № 6. „Русская Литература“.

на досугѣ читаетъ о нихъ преплинную *рацею*, прибирая въ ней всѣ смѣшныя сравненія, и высказывая свои критическіе намеки съ такимъ безстрастнымъ видомъ, что противоположность его рѣчи съ лицомъ важнымъ, степеннымъ невольно смѣшитъ и развеселяетъ читателя. Таковы-же преданія и суевѣрія Малороссіянъ. Сказаніе о чортѣ, укравшемъ мѣсяцъ съ неба, и обжегшемъ имъ свои руки, могло родиться только въ головѣ людей, на все умѣющихъ смотрѣть съ комической, но по своему комической стороны. Во *второй книжкѣ Вечеровъ на хуторѣ* Авторъ, во многихъ мѣстахъ, очень хорошо воспользовался юморомъ своихъ земляковъ, и многое представилъ въ живописномъ, истинномъ видѣ. Его неистощимая веселость дала ему средство оживить свои разсказы. Но здѣсь оканчивается вся наша похвала Автору. Вмѣстѣ съ преимуществами, принадлежащими почти каждому Малороссіянину, юморомъ, хладнокровною насмѣшливостью, смѣшными преданіями, умъ его сохранилъ не только всѣ недостатки Малороссіянина, но и многіе недостатки, принадлежащіе Авторамъ всѣхъ временъ и народовъ. Мы уже упомянули, что Малороссіянинъ не бываетъ глубокъ въ своихъ замѣчаніяхъ: это ярко отражается въ сочиненіяхъ Автора *Вечеровъ на хуторѣ*. Шутки его минутны, сближенія, изобрѣтенія, главныя мысли не оставляютъ въ душѣ читателя никакого слѣда. Съ удовольствіемъ читаете *Ночь передъ Рождествомъ*, *Ивана Ѳедоровича Шпоньку*, *Заколдованное мѣсто*, но прочитавъ, забываете все; ни одна мысль, ни одна картина, ни одно выраженіе не западаетъ въ душу. Это плясовая музыка: ласкаетъ слухъ, заставляетъ даже старика бить тактъ и потопывать ногою—но съ послѣднею нотою, она исчезаетъ, не оставляя по себѣ ничего, подобно кругу на водѣ отъ брошеннаго камня. Но, кто не знаетъ, что и въ нанѣвахъ и въ преданіяхъ каждаго народа есть многое, что переживаетъ столѣтія. Этого-то вообще недостаетъ Автору *Вечеровъ на хуторѣ*. Другой недостатокъ его—скудость изобрѣтенія, или, лучше сказать, воображенія. Всего болѣе могъ-бы онъ показать свою изобрѣтательную силу въ сказкѣ: *Страшная месть*. Тамъ многія мѣста прекрасны, но цѣлое не имѣетъ связи, ибо не истекаетъ изъ одной мысли. Не знаю, изъ народнаго-ли преданія взята основа этой сказки, но не думаю, чтобы народное преданіе могло быть не прикрѣплено къ какому нибудь, болѣе плодоносному корню. Іуда Петро могъ-бы быть исполинскимъ созданіемъ, если-бы Авторъ поглубже вникъ въ причину его нравственнаго па-

денія. Мысль о злом̀ началѣ принадлежитъ всѣмъ народамъ, но каждый народъ олицетворяетъ ее по своему, и въ развитіи, въ показаніи сего олицетворенія могъ бы открыть Авторъ силу и красоты неисчерпаемыя. Какъ развита и проявлена у Малороссіянъ мысль, существующая и у Браминовъ, и у Египтянъ, и у Русскихъ, и у Германцевъ? Вотъ что истинно любопытно и занимательно. Безъ такого взгляда, злодѣянія отца Катерины утомительны, безцвѣтны, и не смотря на многія, отдѣльно прекрасныя картины, не образуютъ общности высокой. Какъ [illegible] свою слабую сторону, Авторъ безпрестанно берется за то оружіе, [illegible] лучше владѣетъ онъ, за насмѣшку: но, насмѣшка и насмѣ[illegible] продолженіе цѣлой книги, становится наконецъ утомительна.

Можетъ быть скажутъ, что [illegible]омъ свысока судимъ о произведеніи веселаго воображенія, [illegible] не умѣя вообразить всѣхъ претензій и оправданій защитни[illegible]тора, скажемъ въ свою очередь, и въ отповѣдь на всѣ [illegible] возраженія, что судимъ ни низко ни высоко, а такъ, [illegible]о судить о поэтическомъ созданіи. Намъ самимъ смѣшн[illegible] къ археологическимъ и мѣстнымъ невѣрностямъ Автора, [illegible]пишетъ не курсъ Археологіи и не топографію Малороссійскаго кр[illegible]но мы въ правѣ, мы должны замѣтить его отступленія отъ устава вкуса и законовъ Изящнаго. Обращаемъ нашу обвинительную рѣчь къ гласному судилищу публики, и просимъ ее вникнуть въ наши обвиненія.

Наконецъ, важный недостатокъ Автора—что замѣтили мы и въ критикѣ на первую часть его сочиненія—какая-то неопытность, шаткость въ языкѣ, а иногда и явное незнаніе Грамматики. Непріятно высказывать такія истины, однакожь должно. Авторъ избѣгъ во *Второй книжкѣ* отъ той высокопарности слога, въ которой мы упрекали его, и которая наводила непріятную тѣнь на его сочиненіе; но послѣ этого недостатка у него еще остались неумѣнье совладѣть съ фразою и большія неправильности въ языкѣ. Подкрѣпляемъ себя доказательствами: «*Черезъ* трубу—клубами *повалился* дымъ.» Надобно было-бы сказать: *изъ* трубы—*повалилъ* дымъ. «Удивительно видѣть чорта, *пустившагося* и *себѣ* туда-же.»—«Много осталось ночевать у Есаула на широкомъ дворѣ; а еще больше козачества заснуло само непрошенное подъ лавками, на полу, возлѣ коня, близъ клева (хлѣва?), гдѣ ношатнулась съ хмѣля казацкая голова, тамъ и лежитъ и хранитъ на весь Кіевъ.»—Если на задачу писать несвязный

періодъ, то лучше этого не удастся! — «Очи твои такъ угрюмо надвинулись бровями».—«Ветхіе кресты *толпились въ кучку.*»—«Говорилъ — сухощавому, высокому въ короткомъ тулупѣ мужику съ *обросшею* бородою, *доказывавшею*, и проч.» — «Тихо *встрепенувшія* жилы.»—Такихъ ошибокъ можно найдти въ книгѣ Пасичника сотни; а у кого встрѣчаются онѣ сотнями, тотъ едва-ли хорошо пишетъ.

Непріятно также встрѣчать на *каждой страницѣ* ошибки противъ Правописанія. Авторъ пишетъ: *теперишнія*, *проповѣдный*, *польками*, и *всемъ*, *чемъ* ни попало, *вымьстить*, (вм. выместитъ), здѣлалось, *отламать*, *суставомъ*, *этаго*, *завидывалъ*, *за чемъ*, и проч..... Въ хорошей книгѣ Правописаніе, кажется, не было-бы лишнимъ.

* * *

*) Въ «Лѣтописи отечественной литературы» (Телескопъ» 1832 г., № 17, часть XI) при разборѣ книгъ: «Повѣсти» М. Погодина, «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» Рудого Панька, «Старинная Повѣсть» Андрея Безымяннаго и «Досуги инвалида» П. Степанова,—о «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки» говорится:

... «Гораздо высшее, во всѣхъ отношеніяхъ, значеніе имѣютъ *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*. Здѣсь очаровательная поэзія Украинской народной жизни представлена во всемъ неистощимомъ богатствѣ родныхъ неподдѣльныхъ прелестей. *Рудый Панько* владѣетъ кистью смѣлою, роскошною, могущественною. Его картины кипятъ жизнію. Вторая часть *Вечеровъ* вполнѣ достойна первой. Замѣтимъ въ ней особенно *Страшную Месть*, старинную Быль. Здѣсь рѣшается задача, до какой высокой степени можетъ быть поэтизирована Славянская народная фантасмагорія! **)

*) „Телескопъ“ 1832 г., № 17, ч. XI, стр. 107.

**) Сюда не вошла еще статья изъ „Сына Отечества“ за 1832 г., ч. 147, отд. 3; см. страницы: 41—48, 101—115. 159—164, 223—242, 288—312.

Примѣч. В. Земинскаго.

1835 г.

*) — Арабе… и. *Разныя сочиненія Н. Гоголя. Спб. Въ тип. вдовы Плюшаръ съ …ьномъ. 1835. Двѣ части: I—287, II. 276 (8).*
— Миргор… . *Повѣсти, служащія продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близ Диканьки. Н. Гоголя. Спб. Въ тип. Департ. Внѣшней …повли. 1835. Двѣ части: I—224, II—215 (8).*
Съ эпиграф…:

«Миргородъ …рѣкѣ Хоролѣ городъ, имѣетъ одну канатную фабрику, …заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтряныхъ мельницъ». *Гоголь …ского.*

Конецъ 1833 и начало …ыли ознаменованы какою-то особенною мертвенностію …тературѣ; казалось, что уже все кончилось—и кни… …тарые поэты, какъ заслуженные ветераны, или … сцены, или позамолкли, а новыхъ не являлось. … *Кукольника* порадовалъ было любителей изящнаго, …тя и дѣтская греза. Прекрасные стихи, нѣсколько …мѣстъ въ семъ произведеніи заставили было публику … съ новымъ поэтомъ, подававшимъ блестящія надежды... Несравненно выше и занимательнѣе былъ Дмитрій Самозванецъ Г. *Хомякова*; кромѣ нѣкоторыхъ неотъемлемыхъ достоинствъ сей драмы, ей придала особенную значительность пустота и ничтожность всѣхъ печатныхъ явленій того времени. Но видно Г. *Хомяковъ* не такъ былъ богатъ журнальными благопріятелями, какъ Г. *Кукольникъ*. Да и что-жъ мудренаго—вѣдь говорить-же пословица: *не родись пригожъ, не родись уменъ — родись счастливъ?...* Я не хочу этимъ сказать, чтобы драма Г. *Хомякова* была какимъ-нибудь чудомъ или даже чѣмъ-нибудь важнымъ; но если въ наше время пишутся преогромныя статьи о такихъ трагедіяхъ, которыя не заслуживаютъ рѣшительно ни малѣйшаго вниманія ни въ какомъ отношеніи, то почему же бы не сказать слова два о такомъ сочиненіи, которое замѣчательно если не большимъ достоинствомъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ заблужденіе замѣчательнаго таланта, которому не удается попасть на надлежащую дорогу? Но объ этомъ

*) „Молва“ 1835 г., № 15. „Литературная хроника“. Статья В. Бѣлинскаго.

послѣ. Моя рѣчь клонится къ тому, что гораздо лучше посчастливилось концу 1834 и началу 1835 года. Повѣсти Г. Г. *Павлова*, Аббадонна Г. *Полеваго*, Арабески и Миргородъ Г. *Гоголя* принадлежатъ къ самымъ пріятнымъ явленіямъ въ нашей литературѣ и всѣ появились въ этотъ промежутокъ времени. Если мы прибавимъ, что на дняхъ вышелъ новый романъ Г. *Вельтмана* «Свѣтославичъ Вражій Питомецъ», печатаются два новые романа Г. *Полеваго*, и оканчивается печатаніемъ давно ожидаемый романъ Г. *Лажечникова* «Ледяной Домъ» — то по неволѣ сознаемся, что 1835 годъ, въ литературномъ отношеніи, *въ сорочкѣ родился*... Дай Богъ, чтобы его начало было прекрасною зарею новаго лучшаго дня для нашей литературы...

Всѣмъ извѣстенъ прекрасный талантъ Г. *Гоголя*. Его первое произведеніе: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» возбудили въ публикѣ самыя лестныя надежды. Но благоразумнѣйшіе изъ читателей, наученные горькимъ опытомъ, не смѣли слишкомъ предаваться этимъ надеждамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ богата наша литература такими писателями, которые первыми своими произведеніями подавали о себѣ большія надежды, а послѣдующими уничтожали эти надежды. У меня вертится на языкѣ нѣсколько твореній такого рода, къ которымъ такъ хорошо идетъ эпитетъ *счастливыхъ* или *удачныхъ*... Есть люди, которые въ большихъ статьяхъ неудачу вторыхъ и третьихъ романовъ приписываютъ какому-то меркантильному направленію и торговымъ расчетамъ гг. авторовъ; по моему мнѣнію, это странное явленіе можно всего естественнѣе и всего справедливѣе объяснять *бездарностію* гг. авторовъ; истинный талантъ не могутъ убить ни хорошая плата за заслуженные труды, ни рѣзкая критика. Гораздо страннѣе успѣхъ такого рода литературныхъ рыцарей; но назвавши ихъ произведенія *счастливыми* или *удачными*, вы легко разгадаете и эту загадку... Но не о томъ дѣло... Я хочу сказать, что Г. *Гоголь* составляетъ прекрасное и утѣшительное исключеніе изъ сихъ столь общихъ и столь обыкновенныхъ у насъ явленій: двѣ его пьесы въ «Арабескахъ» (Невскій Проспектъ и Записки Сумасшедшаго) и потомъ «Миргородъ» доказываютъ, что его талантъ не упадаетъ, но постепенно возвышается. Подробный отчетъ о сихъ двухъ его книгахъ будетъ помѣщенъ въ № 5 Телескопа; теперь же мы скажемъ только то, что эти новыя произведенія игривой и оригинальной фантазіи Г. *Гоголя* принадлежатъ къ числу самыхъ необыкновенныхъ явленій въ

нашей лите рѣ, и вполнѣ заслуживаютъ тѣ похвалы, которыми осыпаетъ и осхищенная ими публика.

(—онъ—инскій). В. Бѣлинскій.

***

*) Арабе *Разныя сочиненія Н. Гоголя. С.П.-бургъ, въ тип. Плюшара, 5, въ-8. Двѣ части, стр. 287—276.*

Великіе и ели имѣютъ свою особенную логику и свой тонъ обращенія к ъ, людямъ обыкновеннымъ, употреблять не безсмыслія. Еслибъ, напримѣръ, мы, люди обыкн ли такое предисловіе къ своей книгѣ, — всѣ померли-бъ браніе это составляютъ піэсы, писанныя мною въ разныя эпохи моей жизни. *Я не писалъ ихъ* азывались отъ души, и предметомъ набиралъ и ильно меня поражало. Между ними читатели безъ *много молодаго.* Признаюсь, нѣкоторыхъ піэсъ допустилъ вовсе въ это собраніе, *если бы* *прежде, когда я былъ болье строгъ къ своимъ* Но вмѣсто того, чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ*. Истреблять прежде написанное нами, кажется, *также несправедливо, какъ позабывать минувшіе дни своей юности.* Притомъ если сочиненіе заключаетъ въ себѣ *двѣ, три еще несказанныя истины, то уже авторъ не вправѣ скрывать его отъ читателя*, и за *двѣ*, три *вѣрныя* мысли можно простить несовершенство цѣлаго.»

Только Гете и только г. Гоголь могутъ говорить съ публикой такимъ образомъ. Они знаютъ, что публика приметъ съ благоговѣніемъ все, что они ей ни кинутъ, и что каждая ихъ строка, хоть бы въ ней, вмѣсто пользы, толку и красоты, было одно только молодое, драгоцѣнно для ней и для ея потомства. Они проникнуты тою истиной, что всякій лоскутокъ бумаги, который освятили они перомъ своимъ, когда еще учились писать, есть собственность цѣлаго рода человѣческаго, и что истреблять его—значитъ нарушать права

*) «Библіотека для чтенія» 1835 г., т. IX, Отд. VI. «Литературная Лѣтопись,» (Февраль. Новыя книги).

умственнаго міра: на этомъ лоскуткѣ, говорятъ они, могутъ находиться еще никѣмъ несказанныя истины и великія мысли, которыя мы нечаянно уронили! Гете не сказалъ этого, изъ скромности; г. Гоголь не счелъ нужнымъ церемониться съ потомствомъ,—и очень хорошо сдѣлалъ. Гете предоставилъ своимъ наслѣдникамъ и обожателямъ подобрать всѣ лоскутки его молодости и издать ихъ по его смерти; г. Гоголь, не полагаясь на разборчивость наслѣдниковъ и обожателей, начинаетъ свое литературное поприще тѣмъ, что самъ издаетъ свои «посмертныя сочиненія.» Мы, кажется, въ первый разъ встрѣчаемъ въ нашей Словесности имя этого великаго писателя? Нужды нѣтъ. Онъ уже долженъ быть великъ, когда самъ говоритъ что еще въ прошломъ году быть-можетъ онъ не издалъ бы такихъ бездѣлицъ, но въ нынѣшнемъ уже не смѣетъ быть строгимъ къ старымъ трудамъ своимъ и считаетъ себя не въ правѣ скрывать ихъ отъ читателя.

Послѣ подобнаго предисловія, не знаешь, какъ и говорить о книгѣ. Мы думаемъ однако-жь, что молодой авторъ избралъ себѣ ложный путь: кто на первой своей страницѣ отзывается къ читателямъ такъ диктаторски, тотъ заслуживаетъ, чтобы ему откровенно показали мѣсто его въ умственномъ мірѣ. Самонадѣянность тѣмъ особенно не выгодна, что теряетъ право на снисхожденіе. Признаться, мы никогда не были большіе охотники до посмертныхъ сочиненій, но подобныхъ этимъ никогда еще не видали. Это ужь полная мистификація науки, художествъ, смысла и Русскаго языка! Авторъ пишетъ обо всемъ въ свѣтѣ: онъ рядитъ и объ Исторіи, Географіи, Музыкѣ, Живописи, Скульптурѣ, Архитектурѣ, Пушкинѣ; описываетъ извѣстныя мѣста, которыхъ другіе не описываютъ, и предлагаетъ переписки собачекъ. Это значитъ, что авторъ все знаетъ. Книга его составлена изъ разнородныхъ статей, которыя можно раздѣлить на важныя и неважныя, то есть, на ученыя и шуточныя. Сперва объ ученыхъ. Все, что бы мы здѣсь ни сказали, не въ состояніи дать надлежащаго понятія объ уродливости сужденій и слога, о тяжкихъ грѣхахъ противъ вкуса, логики и простыхъ обыкновенныхъ познаній въ наукахъ и художествахъ; о напыщенности фразъ, внутренней пустотѣ мысли и дисгармоніи языка, какими отличаются эти «піесы, высказавшіяся отъ души въ разныя эпохи жизни и не по заказу.» Читаешь, и глазамъ своимъ не вѣришь! Мы должны для обращика привести хоть нѣсколько отрывковъ, взятыхъ на выдержку изъ уче-

ныхъ піесъ автора, передъ которыми стоимъ въ совершенномъ остолбенепіи.

«Теперь разсмотрите, между какими колоссальными событіями заключается время Среднихъ Вѣковъ! Великая Имперія, повелѣвавшая міромъ, двѣнадцативѣковая нація, дряхлая, истощенная, падаетъ; *съ нею валится полсвѣта, съ нею валится весь Древній Міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей, безвкусными Писателями*, гладіаторами, статуями, *тяжестью роскоши* и *утонченностью разврата*. Это ихъ начало. Оканчиваются Средніе Вѣка тоже самымъ огромнымъ событіемъ: *всеобщимъ* взрывомъ, подымающимъ на воздухъ все и обращающимъ въ ничто всѣ страшныя власти, такъ *деспотически* ихъ *обнявшія*. Власть Папы подрывается и падаетъ, власть невѣжества подрывается, *сокровища* и всемірная торговля Венеціи подрываются, и когда всеобщій хаосъ переворота очищается, и проясняется, предъ изумленными очами являются Монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли, *расширеннымъ взмахомъ несущіеся* по волнамъ необъятнаго Океана *мимо Средиземнаго моря*; въ рукахъ у Европейцевъ вмѣсто безсильнаго оружія—огонь; *печатные листы разлетаются по всѣмъ концамъ міра; и все это результаты Среднихъ Вѣковъ. Сильный напоръ* и *усиленный гнетъ* властей, казалось, были для того только, чтобы *сильнье* произвесть всеобщій взрывъ. Умъ человѣка, *задвинутый крѣпкою толщею*, не могъ иначе прорваться, какъ собравши всѣ свои *усилія*, всего себя. И *отъ того-то можетъ быть ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытій*, какъ XV вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются Средніе Вѣка, *величественные какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные*, какъ его *переплетаемые одни другими* своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и *куча изузорнвающихъ* его украшеній, возвышенные, *исполненные порывовъ, какъ его летящіе къ небу столбы* и *стѣны*, оканчивающіеся мелькающимъ въ облакахъ шпицемъ».

Надобно же имѣть странное понятіе о познаніяхъ и слухѣ Русскихъ читателей 1835 г., чтобъ такъ писать объ Исторіи, и такъ писать по-Русски! Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей прижалъ, изволите видѣть, такъ сильно умъ человѣческій, задвинутый крѣпкою толщею, что этотъ несчастный умъ, собравъ всѣ свои усилія, всѣхъ-нулъ такъ ужасно, что съ отчаянія открылъ порохъ, печать и Америку! Это сравненіе Среднихъ вѣковъ съ готическимъ храмомъ не-

подражаемо. Но, если судить по этимъ «пересѣкаемымъ одинъ другимъ сводамъ и по этимъ «порывамъ столбовъ, летящихъ къ небу,» то авторъ, кажется, никогда не видалъ готическаго храма? Тутъ что-то есть большая «куча изозузозурованнаго»! А онъ чрезвычайно любитъ готическую архитектуру! «Изъ милости, изъ состраданія, молитъ онъ насъ, не ломайте, не коверкайте ее!» Это обращеніе къ намъ, Русскимъ, чтобы мы *не ломали* готическую *архитектуру*, корой никогда у насъ не было, очень трогательно, и доказываетъ, что авторъ читалъ съ большой пользою романъ Виктора Гюго. Но вообще Средніе вѣка и готическіе зданія—любимыя куклы воображенія нашего писателя. Онъ бы все перестроилъ на манеръ готическаго. Онъ такъ и сыплетъ цвѣтными окнами, шпицами и «пересѣкаемыми одинъ другимъ» сводами — и по этой части надобно послушать его въ пьесѣ объ Архитектурѣ, — особенно гдѣ говорится о куполахъ древнихъ Аѳинянъ! Тутъ есть вещи, о которыхъ исторія искусства не имѣетъ и понятія. У него страсть къ куполамъ. «Куполъ, говоритъ онъ, прелестнѣйшее созданіе вкуса, *сладострастный*, *воздушно-выпуклый*, который — отдыхаетъ на массѣ зданія *былою*, облачною своей поверхностью. Я люблю куполъ, тотъ прекрасный куполъ, который возродилъ вкусъ Грековъ (τί εστι? che cosa è questa?) въ вѣкъ... наслажденій и эгоизма,... въ вѣкъ Антологіи легкой, *душистой*, *дышащей сладострастіемъ*, лѣнію и роскошію.»

Тутъ ужъ надобно привести Сфинкса, чтобы онъ растолковалъ вамъ этотъ логографическій хаосъ. Такъ писаны сплошь всѣ серіозныя піесы: въ нихъ вкусъ и логика изнасилованы (извините! Начитавшись великаго писателя, мы тоже проговорили въ дурномъ тонѣ) — вкусъ и логика попраны почти на каждой страницѣ. Вообще было бы гораздо лучше, когда-бъ статьи этого рода высказывались не изъ души, а изъ предварительной науки. Но ученость повидимому не далась великому писателю. Что касается до языка и слога, то читатели могли уже составить себѣ понятіе объ этомъ изъ приведенныхъ отрывковъ, гдѣ замѣтно что-то болѣе чѣмъ молодое. Мы можемъ взять еще нѣсколько мѣстъ, не касаясь даже Египта, *повитаго* іероглифами, ломающаго *тонкими пальцами*, *жилицами своихъ рамянъ*, *понижающаго ниже* свои пирамиды, и тысячи другихъ вещей въ томъ же родѣ. «Уже жизнь его (художника) коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все *дышащее порывомъ* сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный *смычекъ* слабѣе доходитъ до души и не *обвивается*

пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красоты уже *не превращаетъ дѣйственныхъ силъ въ огонь и пламя*, но всѣ *отпрянувшія* чувства *становятся доступнѣе звуку* золота, *вслушиваются* внимательнѣе въ его заманчивую *музыку*, и, *мало по малу, нечувствительно*, позволяютъ ей совершенно усыпить себя». «Этотъ художникъ... отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, и *съ пламенною силою* труженика *погрязъ въ немъ всею душою своею*».

— «Вся его картина была *мгновеніе*, но то *мгновеніе*, въ которое *вся жизнь человѣческая*—есть *одно приготовленіе*».— «Въ досадѣ онъ *принялъ прочь* изъ своей комнаты всѣ труды свои, *означенные блѣдностью* поверхностной моды».—«Наконецъ въ душѣ его возродилось самое *адское* намѣреніе, какое когда либо питалъ человѣкъ, и *съ бѣшеною силою* бросился онъ приводить его въ исполненіе. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату, и *съ бѣшенствомъ тигра* на нее кидался, *рвалъ, разрывалъ* ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая (?) *ужаснымъ смѣхомъ адскаго наслажденія*». — «*Безчисленныя собранныя* имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворить этому *адскому* желанію. Онъ развязалъ всѣ свои *золотые мѣшки*. И люди были лишены тѣхъ *святыхъ* прекрасныхъ *произведеній*, въ которыхъ великое искусство (живопись) *приподняло покровъ съ неба и показало человѣку часть исполненныхъ звуковъ и священныхъ тайнъ его же внутренняго міра* (?!!!). На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякій заранѣе отчаивался *въ пріобрѣтеніи* художественнаго *созданія*. Казалось, какъ-будто разгнѣванное небо нарочно *послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него* (у бича, или у міра?) *всю гармонію*».

Дѣло все идетъ о живописи. Мы списали всѣ эти красоты со страницъ, слѣдующихъ непосредственно одна за другою, чтобы показать, что это не изъятія, а общій характеръ слога, и оправдать судъ нашъ о неслыханной странности произведенія, которое явилось въ свѣтъ съ такою надменностью, подъ затѣйливымъ названіемъ «Арабесковъ». Быть-можетъ это арабески,— но это не литература. Немногія выписки достаточно показали степень ясности и обработанности мысли, предводительствовавшей сочиненію статей, относящихся къ предметамъ наукъ и художествъ. Что касается до еще несказанныхъ истинъ и вѣрныхъ мыслей, о которыхъ говорится въ предисловіи, то жела-

тельно, чтобы ужь авторъ самъ потрудился избрать ихъ, и напечаталъ бы ихъ особымъ собраніемъ: мы бы тогда по крайней мѣрѣ узнали, что такое называетъ онъ новыми истинами и вѣрными мыслями. Такъ мы ихъ не отыщемъ. Но оставимъ эти несчастныя статьи. Мы бы даже не стали оцѣнивать ихъ по достоинству, еслибъ въ той самой книгѣ не примѣтили слѣдовъ таланта, который современемъ можетъ образоваться и сдѣлаться очень пріятнымъ въ нашей Словесности. Когда перо автора встрѣчаетъ предметы смѣшные, фигуры карикатурныя, оно является исполненнымъ силы и жизни. Карикатура—преимущество и недостатокъ его дарованія. Недостатокъ — когда онъ желаетъ говорить, какъ знатокъ о предметахъ важныхъ, потому что тогда статьи его выходятъ настоящія карикатуры то на бѣдную Исторію, то на архитектуру, музыку, живопись или скульптуру. Преимущество, — когда захочетъ онъ быть безъ притязаній, и занимается веселыми вещами. Нѣкоторыя изъ страницъ его въ шуточномъ родѣ непритворно смѣшны, и развеселятъ самаго угрюмаго человѣка. Очень забавна исторія одного Нѣмецкаго носа, спасеннаго отъ неминуемой погибели поручикомъ Пироговымъ. «Клочки изъ записокъ сумасшедшаго» отличаются тѣми же достоинствами, и были бы еще лучше, еслибъ соединялись какою нибудь идеей. Мѣсто не позволяетъ намъ ничего привести изъ этой статьи, о которой намъ пріятно отзываться съ похвалою. Читая эти страницы, очень не многочисленныя, но писанныя слогомъ пріятнымъ, чистымъ и живымъ, искренно сожалѣешь, что авторъ «Арабесковъ» обманываетъ себя до того, что хочетъ провозглашать какія-то новыя истины по части наукъ, и художествъ, блистать какимъ-то юнымъ слогомъ, быть высокопарнымъ и заставлять безпристрастно читателя смѣяться надъ неловкостью своихъ начинаній, тогда какъ по роду своего дарованія онъ могъ бы смѣшить его и писать хорошія сказки.

* * *

*) **Миргородъ.** *Повѣсти, служащія продолженіемъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Н. Гоголя. С.П.-бургъ, въ тип. Вѣдомствъ Торговли, 1835 г., въ—8. Двѣ части, стр. 224—215.*

Вотъ это совсѣмъ другое дѣло! Тутъ нѣтъ ни Всеобщей Исторіи, ни Изящныхъ Художествъ,—есть только сказки, и Г. Н. Гоголь, у

*) „Библіотека для Чтенія“ 1835 г., т. 9, отд. VI. („Литературная лѣтопись“).

котораго мы ...е въ прошломъ мѣсяцѣ замѣтили особенное дарованіе разсказыва... шуточныя исторіи, является повѣствователемъ занимательнымъ, ...нымъ, оригинальнымъ. Малороссійская повѣсть—настоящая ег...фера. Эти два тома читаются легко и пріятно.

Въ «Мирг...ѣ» четыре повѣсти. Лучшая изъ нихъ — «Тарасъ Бульба». Въ ...й очень живо нарисована картина Запорожской Сѣчи и Казацкаго ...льства. Изображеніе материнской любви замѣчательно по вѣрности и ...простотѣ красокъ»... (Далѣе приводится отрывокъ изъ повѣсти, ...чинающійся словами: «При видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоро... ...гъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его»... и кон... ...а выѣхали они за ворота, она со всею легкостью дико... ...азною ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непости... ...тановила лошадь, и обняла одного изъ нихъ съ како... ...ю безчувственною горячностію. Ее опять увели...

Такія же страницы, ... проглядываетъ неподдѣльное чувство, встрѣчаются ... ...ѣсти—«Старосвѣтскихъ помѣщиковъ». Во второй ... ...Тамъ авторъ помѣстилъ старую свою повѣсть, «... ...ъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ» ...ю въ Новосельѣ, и еще другую, «Вій», взятую изъ народнаго преданія. О первой изъ нихъ мы всегда были того мнѣнія, что она очень грязна. Въ «Віѣ» нѣтъ ни конца, ни начала, ни идеи,—нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ страшныхъ, невѣроятныхъ сценъ. Тотъ, кто списываетъ народное преданіе для повѣсти, долженъ еще придать ему смыслъ: тогда только оно сдѣлается произведеніемъ изящнымъ. Вѣроятно, что у Малороссіянъ Вій есть какой-нибудь миѳъ, но значеніе этого миѳа не разгадано въ повѣсти.

*) **Арабески.** *Разныя сочиненія Н. Гоголя.* С.-П.-б. въ тип. вдовы Плюшаръ съ сыномъ., 1835, въ 8 д. л., въ I-й части 287, во II-й 276 стр.

(Продается въ книжной лавкѣ Андрея Глазунова, у прикащика Лисенкова, по 12 р. за экземпляръ).

Подъ этимъ фантастическимъ заглавіемъ Г. Гоголь, скрывавшійся до сего времени подъ псевдонимомъ Пасичника Рудаго-Панька, издалъ

*) „Сѣверная пчела“ 1835 г., № 73. (Новыя книги).

два толстые тома *разныхъ сочиненій*, упоминая, между прочимъ, въ своемъ предисловіи, что если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще не сказанныя истины, то уже авторъ не въ правѣ скрывать его отъ читателя. Такое чувство собственнаго достоинства и глубочайшаго уваженія къ собственнымъ сочиненіямъ служитъ лучшею оцѣнкою книгѣ; по крайней мѣрѣ, читатель и рецензентъ, пробѣжавъ предисловіе, тотчасъ сводятъ съ Авторомъ знакомство, точно такъ, если бы встрѣтившійся вамъ на улицѣ незнакомецъ, до вступленія съ вами въ разговоръ, объявилъ вамъ предварительно свой чинъ и всѣ свои титулы.—Оно и лучше!—Въ этомъ же предисловіи, которое отзывается приличнымъ достоинству сочиненія —аристократическимъ, почти диктаторскимъ тономъ, Авторъ говоритъ, что нѣкоторыхъ пьесъ онъ вовсе не допустилъ бы, можетъ быть, въ это собраніе, если бъ издавалъ его годомъ прежде. «Но, вмѣсто того», прибавляетъ Авторъ: «чтобы строго судить свое *прошедшее*, гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ *настоящимъ*». Читатели вѣрно пожалѣютъ вмѣстѣ съ нами, что для большей части этихъ *разныхъ сочиненій* не существовало *настоящаго!*

Въ каждой части Арабесковъ по девяти пьесъ. И чего тутъ нѣтъ? и повѣсти, и мысли объ Исторіи и Географіи, и разсужденія о Среднихъ Вѣкахъ, о Брюловѣ и Пушкинѣ, объ Архитектурѣ и Живописи, о Скульптурѣ и Музыкѣ. Авторъ, повидимому, обладаетъ обширными свѣдѣніями: онъ толкуетъ обо всемъ, рѣшительно и смѣло, но, къ сожалѣнію, не всегда впопадъ. Часто онъ дѣлаетъ жестокіе промахи противъ общихъ даже понятій о Наукахъ и Искусствахъ, противъ Логики и истины, и почти всегда противъ языка и вкуса.

Но въ повѣствовательномъ родѣ, дарованіе Г. Гоголя обнаруживается съ выгоднѣйшей стороны. Помѣщенный во II части отрывокъ изъ Историческаго Романа, и двѣ Повѣсти его: *Портретъ* и *Невскій Проспектъ* —созданія замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ. Надобно признаться, что Г. Гоголь обладаетъ фантазіею игривою, прихотливою, и чудною,—и нельзя не пожалѣть, что она не всегда управляется разборчивымъ вкусомъ и благородствомъ описываемыхъ предметовъ. Этотъ же упрекъ можно сдѣлать многимъ изъ современныхъ сочинителей Повѣстей. —Въ Повѣсти *Невскій Проспектъ* мастерски созданъ и развитъ характеръ живописца, характеръ фантастическій и чудовищный, достойный воображенія Гофмана.—Мы выписываемъ начало этой Повѣсти, гдѣ Авторъ сдѣлалъ удачный

эскизъ главной улицы Петербурга, во всякое время дня и ночи. «Нѣтъ ничего лучше Невскаго Проспекта, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ: для него онъ составляетъ все. Чѣмъ не блеститъ эта улица — красавица нашей столицы? Я знаю, что ни одинъ изъ блѣдныхъ и чиновныхъ ея жителей не промѣняетъ на всѣ блага Невскаго Проспекта! Не только кто имѣетъ двадцать пять лѣтъ отъ роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртукъ; но даже тотъ, у кого на подбородкѣ выскакизаютъ бѣлые волосы, и голова гладка, какъ серебряное блюдо, и тотъ въ восторгѣ отъ Невскаго Проспекта. А дамы? О, дамамъ еще больше пріятенъ Невскій Проспектъ. Да и кому же онъ не пріятенъ? Едва только взойдешь на Невскій Проспектъ, какъ уже пахнетъ однимъ гуляньемъ. Хотя бы имѣлъ какое нибудь нужное, необходимое дѣло, но, взошедши на него, вѣрно позабудешь о всякомъ дѣлѣ. Здѣсь единственное мѣсто, гдѣ показываются люди не по необходимости, куда не загнала ихъ надобность и меркантильный интересъ, объемлющій весь Петербургъ. Кажется, человѣкъ, встрѣченный на Невскомъ Проспектѣ, менѣе эгоистъ нежели въ Морской, Гороховой, Литейной и другихъ улицахъ, гдѣ жадность и корысть и надобность выражаются на идущихъ и летящихъ въ каретахъ и на дрожкахъ. Невскій Проспектъ есть всеобщая коммуникація Петербурга. Никакой Адресъ-календарь и Справочное мѣсто не доставятъ такого извѣстія, какъ Невскій Проспектъ. Всемогущій Невскій Проспектъ! Единственное развлеченіе бѣднаго на гулянья Петербурга. Какъ чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ногъ оставили на немъ слѣды свои! И неуклюжій, грязный сапогъ отставного солдата, и миніатюрный, легкій какъ дымъ, башмачекъ молоденькой дамы, оборачивающей свою голову къ блестящимъ окнамъ магазина, какъ подсолнечникъ къ солнцу, и гремящая сабля исполненнаго надежды прапорщика, проводящая рѣзкую царапину. Какая быстрая совершается на немъ фантасмагорія въ теченіе одного только дня! Сколько встрѣтитъ онъ перемѣнъ въ теченіе однихъ только сутокъ! Начнемъ съ самаго ранняго утра, когда весь Петербургъ пахнетъ горячими, только что вынесенными хлѣбами, и наполненъ старухами въ изодранныхъ сапогахъ.— По улицамъ плетется нужный народъ: иногда переходятъ и Русскіе мужики, спѣшащіе на работу, въ сапогахъ, запачканныхъ известью. Иногда сонный чиновникъ проплетется съ портфелемъ подъ мышкою, если черезъ Невскій Проспектъ лежитъ ему дорога въ Департаментъ. Можно сказать рѣшительно, что въ это

время, т. е. до 12 часовъ, Невскій Проспектъ не составляетъ ни для кого цѣли: онъ служитъ только средствомъ. Онъ постепенно наполняется лицами, имѣющими свои занятія, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о немъ.—Въ 12 часовъ на Невскій проспектъ дѣлаютъ набѣги гувернеры всѣхъ націй съ своими питомцами въ батистовыхъ воротничкахъ. Англійскіе Джонсы и Французскіе Коки идутъ подъ руку съ ввѣренными ихъ родительскому попеченію питомцами, и съ приличною солидностію изъясняютъ имъ, что вывѣски надъ магазинами дѣлаются для того, чтобы можно было посредствомъ ихъ узнать, что находится въ самыхъ магазинахъ. Гувернантки, блѣдныя Миссы и розовыя Славянки идутъ величаво позади своихъ легкихъ, вертлявыхъ дѣвченокъ, приказывая имъ поднимать плеча и держаться прямѣе. Короче сказать, въ это время проспектъ—педагогическій Невскій Проспектъ. Но чѣмъ ближе къ двумъ часамъ, тѣмъ уменьшается число гувернеровъ, педантовъ и дѣтей: они наконецъ вытѣсняются нѣжными ихъ родителями, идущими подъ руку съ своими пестрыми, разноцвѣтными, слабонервными подругами. Мало по малу присоединяются къ ихъ обществу всѣ, окончившіе довольно важныя домашнія занятія: какъ-то, поговорившіе съ своимъ докторомъ о погодѣ и прыщикѣ, узнавшіе о здоровьѣ своихъ лошадей и дѣтей, впрочемъ показывающихъ большія дарованія, прочитавшіе афишку и важную статью въ газетахъ о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ; къ нимъ присоединяются и тѣ, которыхъ завидная судьба надѣлила благословеннымъ званіемъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Все, что вы ни встрѣтите на Невскомъ Проспектѣ, все исполнено приличія: мужчины въ длинныхъ сюртукахъ, съ заложенными въ карманы руками; дамы въ розовыхъ, бѣлыхъ и блѣдноголубыхъ атласныхъ рединготахъ и шляпкахъ. Вы здѣсь встрѣтите бакенбарды, единственные, пропущенные съ изумительнымъ искусствомъ подъ галстухъ. бакенбарды бархатные, атласные, черные, какъ соболь—и усы чудные, ни какимъ перомъ, ни какою кистью не изобразимые!—Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ пестрыхъ, легкихъ, къ которымъ иногда въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней сохраняется привязанность ихъ владѣтельницъ,—ослѣпятъ хоть кого на Невскомъ Проспектѣ. Кажется, какъ будто цѣлое море источниковъ поднялось вдругъ, и волнуется блестящею тучею, и волнуется надъ черными мухами. Здѣсь вы встрѣтите такія таліи, какія даже вамъ не снились никогда: тоненькія, узенькія,

таліи никакъ не толще бутылочной шейки, встрѣтясь съ которыми, вы почтительно отойдете къ сторонкѣ, чтобы какъ нибудь неосторожно не толкнуть невѣжливымъ локтемъ; сердцемъ вашимъ овладѣваетъ робость и страхъ, чтобы какъ нибудь, отъ неосторожнаго даже дыханія вашего, не переломилось прелестнѣйшее произведеніе Природы и Искусства. А какіе встрѣчаете вы дамскіе рукава на Невскомъ Проспектѣ! Ахъ, какая прелесть!—Нигдѣ, при взаимной встрѣчѣ, не раскланиваются такъ благородно и непринужденно, какъ на Невскомъ Проспектѣ. Здѣсь вы встрѣчаете улыбку единственную, улыбку — верхъ искусства, иногда такую, что можно растаять отъ удовольствія, иногда такую, что увидите себя вдругъ ниже травы, и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейскаго шпица, и поднимете ее вверхъ. Здѣсь вы встрѣтите разговаривающихъ о концертѣ и погодѣ съ необыкновеннымъ благородствомъ и чувствомъ собственнаго достоинства...»

Такимъ образомъ нарисована эта живая панорама Невскаго Проспекта, до поздней ночи, когда бѣдный художникъ Пискаревъ сдѣлалъ свое несчастное знакомство.

Фигуры Поручика Пирогова и Нѣмецкихъ ремесленниковъ, мѣдника Гофмана и сапожника Шиллера очерчены мастерски, хотя иногда очерки эти и карикатурны. Вообще карикатуры и фарсы, всегда остроумные и забавные, всегда удаются Г. Гоголю. Когда Шиллеръ хотѣлъ поколотить Поручика Пирогова, за то что онъ волочился за его женою, Поручикъ замѣтилъ ему, что онъ офицеръ.—«Что такое офицеръ?» закричалъ нѣмецъ: «мой самъ будетъ офицеръ: полтора года юнкеръ, два года Поручикъ, и я завтра сейчасъ офицеръ!»—Это очень забавно.

— Въ *Клочкахъ изъ записокъ сумасшедшаго* есть также много остроумнаго, забавнаго, смѣшнаго и жалкаго. Бытъ и характеръ нѣкоторыхъ Петербургскихъ чиновниковъ схваченъ и набросанъ живо и оригинально.—Арабески изданы чрезвычайно небрежно въ отношеніи къ языку, слогу, грамматикѣ и корректурѣ: давно мы не видали на Русскомъ языкѣ ничего подобнаго. Почему они Арабески? Арабесками называютъ въ живописи и скульптурѣ фантастическія украшенія, составленныя изъ цвѣтовъ и фигуръ, узорчатыхъ и своеправныхъ. Арабески родились на Востокѣ, и потому въ нихъ не входятъ изображенія животныхъ и людей, которыхъ рисовать запрещено Кораномъ. Въ этомъ отношеніи, названіе книги удачно прибрано: въ ней большею частію попадаются *образы безъ лицъ*.

***

*) **Миргородъ** *Повѣсти, служащія продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки. Н. Гоголя.* С.-П.б. 1835 г., въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. Ч. I, 224 стр.; ч. II, 215, въ 8 д. л. (Продается въ книжной лавкѣ Андрея Глазунова, № 25, у Коммиссіонера И. Лисенкова, по 12 руб. за двѣ части).

Къ счастью, въ началѣ этой книги нѣтъ никакого Предисловія. Г. Гоголю не всегда удаются Предисловія: примѣръ этому мы недавно имѣли случай видѣть въ его «Арабескахъ.» Къ счастію также, что въ «Миргородѣ» ни слова нѣтъ ни объ Архитектурѣ, ни о Живописи, ни объ Исторіи, ни о Пушкинѣ, ни о Брюловѣ.

Но за то въ «Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки» и въ «Продолженіи» этихъ «Вечеровъ,» есть Малороссія, цѣлая Малороссія, съ яснымъ ея небомъ, съ ея вишневыми садами, черноглазыми казачками, горѣлкою, бурсаками; съ ея повѣрьями, нравами, обычаями, съ оригинальнымъ бытомъ ея обитателей, нынѣшнихъ и прежнихъ. Г. Гоголь говоритъ о Малороссіи гораздо лучше, нежели объ Исторіи и Изящныхъ Искусствахъ. Въ новомъ собраніи его Малороссійскихъ Повѣстей, помѣщены три новыя: *Старосвѣтскіе помѣщики*, трогательныя сцены изъ простой семейной жизни двухъ супруговъ; *Тарасъ Бульба*, Повѣсть изъ рыцарской исторіи казачества, временъ Запорожской Сѣчи, и, наконецъ, *Вій*, фантастическій разсказъ, основанный на Малороссійскомъ повѣрьѣ. Четвертая *Повѣсть, О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*, была уже помѣщена въ *Новосельѣ*, и здѣсь является въ другой разъ. Въ ней описана прозаическая жизнь двухъ сосѣдей бѣднаго, уѣзднаго городка, со всѣми ея незанимательными подробностями, описана съ удивительною вѣрностію и живостію красокъ. Но какая цѣль этихъ сценъ, не возбуждающихъ въ душѣ читателя ничего, кромѣ жалости и отвращенія? Въ нихъ нѣтъ ни забавнаго, ни трогательнаго, ни смѣшнаго. Зачѣмъ же показывать намъ эти рубища, эти грязныя лохмотья, какъ бы ни были они искусно представлены? Зачѣмъ рисовать непріятную картину задняго двора жизни и человѣчества, безъ всякой видимой цѣли?

*) „Сѣверная Пчела“ 1835 г., № 115. „Новыя книги“. Статья И. М — скаго (Юркевича).

Изъ всѣхъ четырехъ Повѣстей, намъ больше всего понравилась одна: *Тарасъ Бульба*. Характеръ казацкаго Полковника и его двухъ сыновей, Запорожская Сѣчь, битвы, набѣги, Жиды, Литва, и Малороссія описаны въ ней живо и оригинально; разсказъ увлекательный; мѣстныя краски блестятъ удивительною свѣжестію. Вотъ начало этой Повѣсти:

«А поворотись, сынку! цуръ тебѣ, какой ты смѣшной! Что это на васъ за поповскіе подрясники? и здакъ всѣ ходятъ въ Академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ Кіевской бурсѣ, и пріѣхавшихъ на домъ къ отцу.

Сыновья его только что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе изъ подлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они очень были сконфужены такимъ пріемомъ отца, и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

«Постойте, постойте, дѣти,» продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: «какія же длинныя на васъ свитки. Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! Такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было. А ну, побѣгите оба: я посмотрю, не попадаете-ли вы?

— «Не смѣйся, не смѣйся, батьку!» сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ.

«Фу, ты какой пышной! А отъ чего же бы не смѣяться?»

— Да такъ. Хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей Богу, поколочу!

«Какъ! Батьку?» сказалъ Тарасъ Бульба, отступивъ съ удивленіемъ назадъ.

— Да хоть и батьку. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

«Какъ же ты хочешь со мною биться? Развѣ на кулаки?»

— Да ужъ на чемъ бы то ни было.

«Ну, давай на кулаки!» говорилъ Бульба, засучивъ рукава. И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней разлуки, начали преусердно колотить другъ друга.

«Вотъ это сдурѣлъ старый!» говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога, и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. «Ей Богу, сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видали ихъ, а онъ задумалъ, Богъ знаетъ что: биться накулачки.»

«Да онъ славно бьется!» говорилъ Бульба, остановившись. «Ей Богу, хорошо! Такъ таки,» продолжалъ онъ, немного оправляясь: «хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну, здоровъ, сынку! Почеломкаемся!» И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться. «Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ. Никому не спускай! А все таки на тебѣ смѣшное убранство! Что это за веревка виситъ?—А ты, Бейбасъ, что стоишь, и руки опустилъ»? говорилъ онъ обращаясь къ младшему. «Что-же ты собачій сынъ, не колотишь меня?»

— «Вотъ еще выдумалъ что!» говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго. «И прійдетъ же въ голову! Какъ можно, чтобъ дитя било роднаго отца? Притомъ будто до того тецерь? Дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось;» (это дитя было двадцати лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); «ему бы теперь нужно опочить и поѣсть чего нибудь, а онъ заставляетъ биться!»

«Э! Да ты мазунчикъ, какъ я вижу!» говорилъ Бульба: «Не слушай, сынку, матери: она баба. Она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба—чистое поле, да добрый конь: вотъ ваша нѣжба. А видите вотъ эту саблю—вотъ ваша матерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ васъ: и Академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, наплевать на все это! Я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ тамъ ваша школа! Вотъ тамъ только наберетесь разуму»!

Назвавъ свою книгу, не знаемъ почему, именемъ уѣзднаго городка Полтавской губерніи, Авторъ придалъ ей два самые странные эпиграфа. Вотъ они:

1. «Миргородъ нарочито невеликій, при рѣкѣ Хоролѣ, городъ. Имѣетъ одну канатную фабрику, одинъ кирпичный заводъ, четыре водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ». *Географія Зябловскаго.*

2. «Хотя въ Миргородѣ пекутся бублики изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны». *Изъ Записокъ одного путешественника.* Нынче въ модѣ щеголять странностію эпиграфовъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ книгѣ.

П. М-скій (Юркевичъ).

*) **Миргородъ.** *Повѣсти, служащія продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, Н. Гоголя.*

Кто изъ Русскихъ читателей не знаетъ теперь о знаменитой ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ? Что ваши Гвельфы и Гибелины, Мономаховичи и Ольговичи, передъ этими Миргородскими помѣщиками? Я и теперь еще вижу эту славную бекешь Ивана Ивановича, это диво всего Миргорода; я и теперь еще вижу его самого, какъ онъ лежитъ въ счастливомъ бездѣйствіи и самодовольствѣ; какъ смотритъ на бабу, развѣшивающую сокровища его сосѣда; какъ попадается ему въ глаза ружье, вина знаменитой распри; какъ онъ, не смотря на лѣнь свою, идетъ къ Ивану Никифоровичу съ роковымъ предложеніемъ?... А ихъ разговоръ, писанный, право, съ натуры! А вся постепенность этой Драмы! А сцены въ судѣ! Этотъ Повѣтовый Судья, Демьянъ Демьяновичъ, съ его замѣчательною губою! Эти двѣ краснорѣчивыя просьбы, изъ которыхъ въ одной Иванъ Ивановичъ такъ важно доказываетъ, что въ приходской метрической книгѣ онъ никогда не назывался гусакомъ; что гусакъ есть не человѣкъ, а птица.... Это похищеніе просьбы бурою свиньею... Свиданіе городничаго съ Иваномъ Никифоровичемъ... Наконецъ балъ у Городничаго... И неудачныя усилія всего Миргорода примирить двухъ противниковъ... Да кто не помнитъ всего этого? Кто не надрывался отъ смѣху, читая все это?—Но не въ томъ наше дѣло, а вотъ въ чемъ.

Мы не знаемъ гдѣ-то, въ какомъ углу Малороссіи, въ Миргородѣ или въ Диканькѣ, Авторъ этихъ хохотливыхъ вечеровъ отрылъ кладъ, до сихъ поръ въ такой степени еще невиданный въ нашей Литературѣ: это кладъ простодушнаго, искренняго, ни у кого незанятаго и нестоющаго смѣха. Я думаю, что онъ нашелъ его въ Малороссіи, что онъ откупорилъ этотъ веселый духъ изъ завѣтной кубышки какого-нибудь Малороссіянина, потому что въ Литературѣ Русской, и простонародной и образованной, мы не находимъ преданія о такой простодушной веселости.

Есть два качества въ смѣхѣ, необходимыя для того Литератора, который хочетъ щекотать наше воображеніе и играть на однихъ веселыхъ струнахъ человѣка. Первое качество смѣха есть искренность, непритворность, чтобы онъ былъ живымъ веселіемъ лица и души, а

*) „Московскій Наблюдатель" 1835 г. Мартъ—вторая книжка. Статья С. Шевырева.

не гримасою поддѣланной маски. Чтобы смѣшить въ самомъ дѣлѣ, не надобно хотѣть смѣшить—и вотъ верхъ трудности смѣшнаго! Въ природѣ человѣческой есть какое-то упрямство, съ которымъ надобно обходиться весьма тонко и нѣжно, которое оскорбляется вашими на него намѣреніями и обманываетъ приторнаго насмѣшника. Что дѣлать? Человѣкъ такъ созданъ. У иного писателя много доброй воли смѣшить, но у насъ-то мало смѣху. Иной писатель коверкается, ломается, гримасничаетъ передъ вами, употребляетъ всевозможныя униженія, весь издерживается для вашей веселости—и вы не смѣетесь, даже не улыбаетесь. Другой только что раскроетъ ротъ, скажетъ слово—и вы хохочете. Вдохновеніе истиннаго смѣха есть чистый, безпримѣсный даръ природы. Можно еще поддѣлаться подъ восторгъ, можно притвориться чувствительнымъ—и возбудить слезы: поддѣлаться подъ смѣхъ—нельзя. Естественность—вотъ его особенное свойство.

Второе качество смѣха есть его неистощимость. Иной можетъ быть смѣшонъ на нѣсколько минутъ, на одну страницу; но далѣе скученъ—и смѣхъ его скоро выдыхается. Другой смѣшонъ, но однообразенъ, а однообразіе есть ядъ веселія. Безпрерывною изобрѣтательностію поддерживать вдохновеніе смѣха, смѣшить безъ отдыха, до конца—вотъ задача, которую немногіе разрѣшаютъ, пускаясь на скользкое поприще комическаго. Почему это? Не потому—ли что струна веселія есть самая живая, но вмѣстѣ и самая тонкая струна въ душѣ человѣка, и какъ—то скорѣе рвется и ослабѣваетъ чѣмъ другія струны?

Г. Гоголь соединилъ оба качества смѣшнаго: его смѣхъ—простодушенъ, его смѣхъ—неистощимъ. Читая его комическіе разсказы, не понимаешь, какъ достаетъ у него вдохновенія на этотъ безпрерывный хохотъ. По крайней мѣрѣ такъ невольно думаешь, что еслибы удалось написать такую смѣшную страницу,—самъ бы расхохотался надъ нею, вдохновеніе тѣмъ бы удовлетворилось и не въ силахъ былъ бы продолжать. Я думаю, для того чтобы не истощаться въ смѣшномъ, надобно владѣть своимъ собственнымъ смѣхомъ, надобно самому не быть смѣшливымъ, и не покориться своему собственному вдохновенію. Вотъ почему комики, по большей части, какъ свидѣтельствуютъ ихъ біографіи, были серіозны. Это странно съ перваго раза, а понятно, если мы вникнемъ. Комикъ есть жертва веселія другихъ: если самъ онъ разсмѣется, то не будетъ смѣшить. Тотъ, кто хочетъ щекотать другихъ, самъ не долженъ быть щекотливъ.

Хотя этот стодушный и неистощимый смѣхъ составляетъ рѣзкую и отличит ную черту въ физіономіи Писателя, котораго я разбираю, но чертою еще не ограничивается эта физіономія, довольно слож и являющаяся намъ новыми чертами особенно въ его новыхъ изведеніяхъ. Въ одномъ Журналѣ, гдѣ вообще не благоволятъ лучшему цвѣту нашихъ Литераторовъ, ограничили талантъ г. я однимъ умѣніемъ писать карикатуры. Его *Миргородъ* является къ будто нарочно съ тѣмъ, чтобы вдругъ рѣшительно облич ливали ее умышленную односторонность такого суждения; но кр ежнихъ Вечерахъ на хуторѣ Диканьки, уже ярко в черты этого Писателя, который въ самомъ первомъ веденіи обнаружилъ какую-то свѣжесть вдохновенія, новое, небывалое у насъ, который пошелъ не по у амъ, а съ перваго раза былъ оригиналенъ.... и о ій, а свободно, по призыву вдохновенія.

Прежде чѣмъ мы оты физіономіи Автора, постараемся еще приста эту главную, которая выдается на первомъ пла ить, что смѣшное его только что карикатурно. Но ес арикатуры: возьмите карикатуры Англійскія: въ нихъ нѣтъ ничего естественнаго; все увеличено до крайности, даже до несмѣшнаго; возьмите напротивъ карикатуру Нигаля: это сцена изъ жизни; какъ она естественна и проста! Вы ее сейчасъ же увидите на улицѣ; вы ее гдѣ-то видали.

Безпрерывно смѣшное не можетъ не казаться карикатурнымъ потому, можетъ быть, что въ природѣ нѣтъ безпрерывно смѣшнаго. Но въ искусствѣ другое дѣло. Есть это особенное расположеніе въ душѣ человѣка къ тому, чтобы схватывать одну смѣшную сторону жизни. Въ чемъ же состоитъ вообще смѣшное? Мнѣ кажется, иначе нельзя опредѣлить его, какъ безсмыслицей жизни. Человѣкъ созданъ разумною тварью, и все, что не имѣетъ смысла, для него смѣшно. Дитя привяжетъ къ хвосту кошки бумажку, заставитъ ее вертѣться кругомъ и расхохочется, потому что въ движеніяхъ этой кошки будетъ безсмыслица. Намъ смѣшны сумасшедшіе, намъ смѣшны привычки, мелкія страсти, противорѣчія, недоразумѣнія, всякая неловкость; мы сами смѣшны себѣ, когда долго не могли отгадать чего нибудь.... Но все это къ чему приводится? къ безсмыслицѣ.... Вездѣ, гдѣ блещетъ свѣтъ разума, тамъ ужь не можетъ быть смѣшнаго....

Но страсти и пороки также не имѣютъ смысла, также чужды разумной стороны человѣка;—ложь, мщеніе есть равнымъ образомъ наше безсмысліе, но не можетъ и не должно быть смѣшно для насъ.... По этому, если мы смѣшное ограничимъ однимъ безсмысленнымъ,—наше опредѣленіе не будетъ полно.... Мы должны прибавить къ нему еще черту, которая бы его дополнила.... Смѣшное есть безсмыслица безвредная. Человѣкъ шелъ по улицѣ и упалъ.... Вы смѣетесь его неловкости, потому что неловкость есть въ своемъ родѣ безсмыслица; но если вы замѣтили, что онъ вывихнулъ ногу и стопаетъ.... Тутъ вамъ не до смѣху.... Чувство состраданія изгоняетъ чувство смѣха.... Такъ точно въ страстяхъ и порокахъ: они смѣшны до тѣхъ поръ, пока безвредны.... Ревнивецъ смѣшонъ въ Арнольфѣ Моліера и ужасенъ въ Отелло.... Сумасшедшій смѣшонъ до тѣхъ поръ, пока не опасенъ себѣ и другимъ.... Безвредная безсмыслица—вотъ стихія комическаго, вотъ истинно смѣшное. Бываютъ разные его роды. Есть смѣшное фантастическое — безсмыслица нашего собственнаго воображенія, которое все рисуетъ карикатурой, все передразниваетъ по своему, надъ всѣмъ издѣвается: оно похоже на вогнутое зеркало, которое уродуетъ всякое лицо, къ нему подходящее. Есть смѣшное аллегорическое, смѣшное намека, съ заднею мыслію: оно сносно только въ эпиграммѣ; но оно и холодно, какъ всякая эпиграмма, особенно холодно въ сказкѣ и повѣсти, потому что оно слишкомъ умничаетъ, потому что оно смѣшными формами хочетъ прикрыть какую нибудь мысль, хочетъ научить; а мы не любимъ вообще, чтобы съ нами поступали фальшиво, чтобы насъ смѣшили подъ предлогомъ ученія или учили смѣша. Это смѣшное аллегорическое охлаждаетъ особенно Французскую комедію. Оно позволено еще въ дѣтской, потому что дѣтей можно обманывать и въ забавѣ предлагать имъ уроки.

Наконецъ третій, лучшій родъ смѣшнаго есть смѣшное, прямо снятое съ жизни. Въ этой жизни нашей такъ много безсмыслицы; но эта безсмыслица такъ искусно прикрыта разными формами, разными привычками, обрядами, общепринятыми мнѣніями, что кажется здравымъ смысломъ общества.

Авторъ Вечеровъ Диканьки имѣетъ отъ природы чудный даръ схватывать эту безсмыслицу въ жизни человѣческой и обращать ее въ неизъяснимую Поэзію смѣха. Въ этомъ дарѣ его мы видимъ зародышъ истиннаго комическаго таланта. Но желательно бы было, чтобы онъ обратилъ свой наблюдательный взоръ и мѣткую кисть свою на

общество, насъ окружающее. До сихъ поръ, за этимъ смѣхомъ онъ водилъ насъ или въ Миргородъ, или въ лавку жестяныхъ дѣлъ мастера Шиллера, или въ сумасшедшій домъ. Мы охотно за нимъ слѣдовали всюду,—потому что вездѣ и надъ всѣмъ пріятно посмѣяться. Но столица уже довольно смѣялась надъ провинціею и деревенщиной, хотя никто такъ не смѣшилъ ими, какъ Авторъ Миргорода; высшій и образованный классъ общества всегда смѣется надъ низшимъ: потому немудрено разсмѣшить и жестяныхъ дѣлъ мастеромъ... Но какъ бы хотѣлось, чтобы Авторъ, который, кажется, какимъ-то магнитомъ притягиваетъ къ себѣ все смѣшное, разсмѣшилъ насъ нами же самими; чтобы онъ открылъ эту безсмыслицу въ нашей собственной жизни, въ кругу такъ называемомъ образованномъ, въ нашей гостиной, среди модныхъ фраковъ и галстуховъ, подъ модными головными уборами... Вотъ что ожидаетъ его кисти! Какъ ни рисуйте намъ вѣрно провинцію,—все она покажется карикатурой, потому что она не въ нашихъ нравахъ... Я увѣренъ, что Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ существовали.... Такъ они живо написаны... Но общество наше не можетъ повѣрить въ ихъ существованіе... Для него это или прошлое столѣтіе или смѣшная мечта Автора....

Конечно, Авторъ началъ свой дебютъ въ комическомъ съ того, что ярче нарѣзалось въ его памяти, съ своихъ Малороссійскихъ преданій;—но должно надѣяться, что онъ соберетъ намъ впечатлѣнія и съ той общественной жизни, среди которой живетъ теперь, и разовьетъ блистательно свой комическій талантъ въ томъ высшемъ кругу, который есть средоточіе Русской образованности.....

Обратимся къ прочимъ чертамъ физіономіи нашего повѣствователя. Я сказалъ, что даръ къ смѣшному составляетъ главную и рѣзкую черту въ ней; но еще въ первыхъ Вечерахъ Диканьки можно было видѣть обиліе фантазіи свѣжей, живой, своенравной, прихотливой, носящей на себѣ оттѣнокъ какого-то *юмора*, который не есть подражаніе ни Англійскому, ни Нѣмецкому, потому что юмору подражать невозможно, но который, какъ я думаю, есть наслѣдіе отчизны Автора. Г. Гоголь разувѣрилъ меня въ томъ, что юморъ есть исключительная принадлежность Англичанъ, и Нѣмцовъ, Жанъ-Поля и Гофмана. Онъ привилъ и къ нашей повѣсти юморъ, взявъ его, какъ кажется, изъ Малороссійскихъ сказокъ, которыя отличаются какимъ-то особеннымъ юморизмомъ. Потому этотъ юморъ мнѣ кажется оригинальнымъ, что въ немъ есть черта какого-то забывчиваго просто-

душія, черта, которой вы не найдете въ юморѣ Нѣмецкомъ, ни даже въ Англійскомъ. Это юморъ безъ Британской брюзгливости, которою такъ рѣзко отличается Фильдингъ, и безъ Нѣмецкаго педантизма, столь яркаго въ Жанъ-Полѣ и Гофманѣ.

Но нельзя не замѣтить, что въ новыхъ повѣстяхъ, которыя читаемъ мы въ Арабескахъ, этотъ юморъ Малороссійскій не устоялъ противъ западныхъ искушеній и покорился въ своихъ фантастическихъ созданіяхъ вліянію Гофмана и Тика—и мнѣ это досадно. Уже ли ничто оригинально Русское не можетъ устоять противъ Нѣмецкаго? Вѣдь эти Нѣмцы, какъ свидѣтельствуютъ намъ прекрасные образцы жестяныхъ дѣлъ мастера Шиллера и сапожника Гофмана, не русѣютъ же у насъ въ Россіи: отъ чего же намъ Русскимъ обнѣмечиваться, у насъ же въ отечествѣ? Можетъ быть, это есть вліяніе Петербурга на Автора.... Но утѣшимся: въ своихъ *Старосвѣтскихъ помѣщикахъ* и въ своемъ *Тарасѣ Бульбѣ*, онъ еще вѣренъ во всей силѣ Малороссійскому духу.

Еще въ первыхъ Вечерахъ Диканьки фантазія Автора блистала роскошью оригинальныхъ описаній, изъ которыхъ описаніе Днѣпра, вѣроятно, памятно каждому читателю. Въ двухъ повѣстяхъ Миргорода, мною помянутыхъ, особенно въ Тарасѣ Бульбѣ, эта фантазія отъ описаній лирическихъ восходитъ уже къ созданіямъ характеровъ и картинъ, отличающихся силою и яркостью кисти.

Отъ общаго опредѣленія характера повѣствователя перехожу къ разбору самыхъ повѣстей его. Въ Миргородѣ находимъ *четыре* повѣсти, а именно: *Старосвѣтскіе помѣщики*, *Тарасъ Бульба*, *Вій* и извѣстная уже Повѣсть, помѣщенная во 2-мъ томѣ Новоселья, о которой я говорилъ сначала.

Старосвѣтскіе помѣщики:—это два живые, яркіе портрета, во вкусѣ Теньера, снятые вѣрно съ Малороссійской жизни. Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна,—говоря выраженіемъ самого Автора, Филемонъ и Бавкида Малороссіи, представляютъ добрую, вѣрную, гостепріимную чету, прожившую свой вѣкъ душа въ душу, безъ вреда и безъ пользы ближнему. Весь домашній бытъ ихъ долженъ былъ списанъ вѣрно, потому что это не можетъ быть несхоже: такъ оно ярко и живо. Все окруженіе этой семейной картины, вся эта Малороссійская природа, тучная и плодоносная, составляетъ живой ландшафтъ, которымъ она прекрасно обставлена. Эти два лица старика и старушки, эти два портрета служатъ живымъ обличеніемъ

тѣмъ критика ь, которые ограничиваютъ талантъ Автора одною карикатурою. А оръ изобразилъ намъ ихъ не съ одной смѣшной стороны. Малорос ійская доброта, теплая дружба, которая связываетъ ихъ и за моги ою, эти веселыя шутки, которыми мужъ какъ будто сердитъ жену для разнообразія въ жизни,—все это черты, схваченныя рѣзко с самой природы. А заботливость доброй супруги передъ ея кончиною о своемъ мужѣ, который останется безъ присмотра, и эти слезы, черезъ пять лѣтъ по ея смерти брызнувшія изъ глазъ добраго старика, когда подали ему на столъ любимое кушанье покойницы— азывающія кисть одушевленную чувствомъ, кисть образную.—Мнѣ не нравится тутъ одна только мыс мысль о привычкѣ, которая какъ будто разрушае впечатлѣніе цѣлой картины. Я бы вымаралъ эти

По *Тарасъ Бульба* отъ дивный типъ Запорожца написанъ широкими и и. Это есть одно изъ тѣхъ созданій, которыя отм родности и глубоко нарѣзываются на воображен я картина Запорожья свѣжа, нова и исполнена ка згулья казачьяго. Эти широкія степи Малороссіи растительностію поглощаютъ наше воображеніе. Очертимъ вкратцѣ содержаніе повѣсти. Два бурсака возвращаются изъ Кіевской Академіи въ хату отца своего, Запорожца. Отецъ, на радостной встрѣчѣ съ дѣтьми, выходитъ съ однимъ изъ нихъ на кулачки. Мать привѣтствуетъ ихъ своею заботливою нѣжностью; но милыя дѣтки достались ей на одну ночь. Тарасъ Бульба, увлекаемый воинскимъ духомъ, нетерпѣливо хочетъ показать сыновьямъ Запорожье и обучить ихъ военному дѣлу. Ночь матери, проведенная безъ сна, и грустное ея прощаніе съ дѣтьми, наводятъ слезы. Слѣдуетъ путешествіе трехъ всадниковъ, отца и двухъ сыновей, по широкимъ степямъ Малороссіи: ландшафтъ роскошный! Между тѣмъ, въ этой пустынѣ, Авторъ искусно знакомитъ насъ съ различными характерами юношей: Остапа, суроваго и воинственнаго, и Андрія, нѣжнаго и мечтательнаго, которому въ сердце запала уже любовь къ очаровательной Полькѣ. Воспоминанія, которымъ предаются юноши въ степяхъ отчизны, прекрасно оживляютъ нѣмую картину ихъ странствія. А эти степи! «Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!» вскрикнемъ мы вмѣстѣ съ Авторомъ.... За безмолвною степью слѣдуетъ шумная, живая картина дѣятельнаго

Запорожья, *„этого гнѣзда, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!“* Нетерпѣливый Тарасъ Бульба воспламенилъ народъ къ войнѣ, не смотря на упорство Атамана, Кошевого. Народъ рѣшилъ послать молодежь на удалой набѣгъ; но въ то-же самое время доносится вѣсть, что Ляхи раззорили Гетманщину и вмѣстѣ съ жидами обижаютъ Православіе. Мигомъ закипѣло все Запорожье и первый знакъ мести обнаружился на несчастныхъ Жидахъ. Вся сѣчь вооружается. Ея ополченіе и походъ написаны тою же широкою и сильною кистью. Осаждаютъ Дубно и хотятъ взять его голодомъ. Однажды ночью, Андрій узнаетъ отъ Татарки, вылѣзшей изъ города тайнымъ проходомъ, о томъ, что его красавица, Полька, томится голодомъ въ осажденномъ городѣ. Любовь побѣдила въ немъ всѣ другія чувства. Андрій измѣнилъ отчизнѣ и предался врагамъ. Закипѣла вся кровь отца при вѣсти объ измѣнѣ сына.... Тарасъ въ битвѣ поднялъ руку на свое дѣтище, убилъ измѣнника и самъ похоронилъ его... Эта картина была бы ужасна, если бы черты воинственной дикости не объясняли ея возможности, и если бы потомъ не смягчена она была сильнымъ чувствомъ любви родительской, какъ мы сейчасъ увидимъ....

Между тѣмъ въ войско донеслась новая вѣсть, что Сѣчь взята и раззорена Татарами. Атаманъ зоветъ Казаковъ на изгнаніе Татаръ; но Бульба хочетъ прежде освободить плѣнныхъ Запорожцевъ отъ Ляховъ. Оба войска, раздѣлясь на двѣ половины, простились и разстались. Страшно дрался Бульба; но сынъ его достался въ плѣнъ Ляхамъ—и самъ Тарасъ едва не погибъ. Этотъ Запорожецъ, котораго мы видѣли такимъ неумолимымъ къ его сыну, измѣнившему отчизнѣ, тутъ трогаетъ насъ своимъ чадолюбіемъ и истребляетъ въ душѣ первое впечатлѣніе своей жестокости... И во снѣ, и на яву нѣтъ у него другой мысли, какъ освободить сына... Тарасъ въ Варшавѣ, гдѣ Остапъ заключенъ въ тюрьмѣ... Ему готовится казнь... Отецъ обѣщалъ Жидамъ всѣ свои сокровища и настоящія и будущія, если они ему выручатъ сына... Жиды хлопочутъ; но дѣло самъ же Бульба испортилъ своею горячностію... Насталъ день казни: Бульба на площади... Онъ видитъ своего сына, гордо идущаго впередъ на плаху; онъ слышитъ его рѣчь противъ еретиковъ: «Добре, сынку, добре!» говоритъ тихо Бульба, потупивъ въ землю свою сѣдую голову... мучаютъ Остапа... кости его хрустятъ. Остапъ крѣпится... и въ при-

падкѣ мученій, [illegible]скрикиваетъ невольно: «батько! гдѣ ты? Слышишь ли ты?»—«Слы[illegible]у!» раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ»…..

Это славное: *слышу!* отдалось въ душѣ громко и глубоко, и вѣрно такимъ же звукомъ отдается въ душѣ каждаго изъ читателей. Это: *слышу!* останется навсегда памятнымъ въ нашей Литературѣ, и если бы Г. Гоголь не изобрѣлъ ничего другаго, кромѣ этого славнаго: *слышу!* то однимъ этимъ могъ бы заставить молчать всякую злонамѣренность критики. Повѣсть кончается славною местью Тараса Полякамъ, поминка [illegible]ю и страшною кончиною самого героя, которая [illegible]ючаетъ этотъ огненный разсказъ. Старикъ Бульба, [illegible]бревну, и его вѣющіе бѣлые волосы, рѣзко печат[illegible]аженіи….

Я отъ искренняго убѣ[illegible]ебѣ сказать, что мы можемъ поздравить нашу [illegible]такимъ созданіемъ, которое обличаетъ талантъ многосторонній, [illegible]ельный, и кисть широкую и смѣлую въ повѣствов[illegible]

Мнѣ бы не хотѣлось [illegible]ы переходить къ другой повѣсти, которая, по мое[illegible]слабѣйшая въ Миргородѣ: это *Вій*. Она, какъ го[illegible]ересказана имъ почти точь въ точь съ народнаго преданія. Это повѣсть фантастическая. Но, мнѣ кажется, что народныя преданія, для того чтобы они производили на насъ то дѣйствіе, которое надо, слѣдуетъ пересказывать или стихами или въ прозѣ, но тѣмъ же языкомъ, какимъ вы слышали ихъ отъ народа. Иначе, въ нашей дѣльной, суровой и точной прозѣ, они теряютъ всю прелесть своей занимательности. Въ началѣ этой повѣсти, находится живая картина Кіевской бурсы и кочевой жизни бурсаковъ; но эта занимательная и яркая картина своею существенностью какъ-то не гармонируетъ съ фантастическимъ содержаніемъ продолженія. Ужасныя видѣнія семинариста въ церкви были камнемъ претыканія для Автора. Эти видѣнія не производятъ ужаса, потому что они слишкомъ подробно описаны. Ужасное не можетъ быть подробно: призракъ тогда страшенъ, когда въ немъ есть какая-то неопредѣленность; если же вы въ призракѣ умѣете разглядѣть слизистую пирамиду, съ какими-то челюстями, вмѣсто ногъ, и съ языкомъ вверху… тутъ ужь не будетъ ничего страшнаго—и ужасное переходитъ просто въ уродливое. Авторъ говоритъ: «Онъ увидѣлъ вдругъ такое множество отвратительныхъ крылъ, ногъ и членовъ,

какихъ не въ силахъ бы былъ разобрать обхваченный ужасомъ наблюдатель!»—Послѣ этихъ словъ, описывать эти подробности для меня кажется противорѣчіемъ,—и всѣ эти нарѣчія: *немного далѣе*, *вверху*, *внизу*, *на противоположной сторонѣ*, все это обстоятельное размѣщеніе чудовищъ здѣсь уже не у мѣста... Создайте мнѣ для этого какой нибудь новый, другой, прерывистый языкъ, въ звукахъ, въ безсвязіи котораго былъ бы слѣдъ вашего собственнаго страха... Испугайтесь сами, и заговорите въ испугѣ, заикайтесь отъ него, хлопайте зубами.... я вамъ повѣрю, и мнѣ самому будетъ страшно... А пока вашъ періодъ въ разсказахъ ужаснаго будетъ строенъ и плавенъ.... я не вѣрю въ вашъ страхъ—и просто: не боюсь....

Слогъ Автора имѣетъ мѣткость и вѣрность выраженія, когда оно свободно, по вдохновенію льется съ его пера. Особенно широкъ, свободенъ и смѣлъ этотъ слогъ въ описаніяхъ Малороссійской природы. Но тамъ, гдѣ надобенъ трудъ, а въ слогѣ онъ надобенъ, мы его не видимъ, къ сожалѣнію. Виною этому, кажется, скоропись, которою увлекается повѣствователь. Онъ слишкомъ эскизуетъ свои прекрасныя созданія. Даже самый Тарасъ Бульба отзывается скоростью эскиза. Мы желали бы также, чтобы повѣствователь не былъ самъ и издателемъ своихъ повѣстей и поручалъ бы другимъ заботиться объ опрятности своихъ изданій. Иногда, читая его страницы, думаешь, что держишь корректуру, и какъ-то невольно хочется ее выправить. А эта опрятность есть необходимая обязанность передъ публикой: нельзя же нечесанымъ и въ нечищенномъ фракѣ пріѣхать въ общество. Къ тому же иные смотрятъ только на задній дворъ въ сочиненіи. Надо-же такихъ беречься. Это неразсчетъ, вредящій самому-же Автору.

С. Шевыревъ.

***

*) Гоголь оригиналенъ вообще оттого, что онъ поэтъ. Но еще есть другая оригинальность, проистекающая изъ индивидуальности автора,

---

*) „Телескопъ“ 1835 г., т. 26, № 8. Статья В. Бѣлинскаго, подъ заглавіемъ: „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя.“ (*Арабески* и *Миргородъ*).

Здѣсь перепечатана только заключительная часть обширной статьи Бѣлинскаго, занимавшей въ „Телескопѣ“ около ста страницъ. Какъ извѣстно, въ этой статьѣ Бѣлинскій между прочимъ дѣлаетъ обзоръ историческаго развитія всѣхъ родовъ и видовъ словесности и преимущественно *повѣсти*, выясняетъ главнѣйшія теченія и направленія русской литературы, указываетъ на тѣ вліянія, какія испытывала наша ли-

вслѣдствіе цвѣта ковъ, сквозь которыя смотритъ онъ на міръ. Такая оригинальн ь у Г. Гоголя состоитъ въ комическомъ одушевленіи, всегда поб даемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ этомъ отношеніи, Русская поговорка: «началъ во здравіе, а свелъ за упокой» можетъ быть евизомъ его повѣстей. Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство остается у васъ, когда пересмотрите вы всѣ эти картины жизни, пустой, ничтожной, во всей ея наготѣ, во всемъ ея чудовищномъ безобразіи, когда досыта нахохочетесь, наругаетесь надъ нею? Я уже говорил Помѣщикахъ» — объ этой *слезной комедіи* во вс лова. Возьмите «Записки Сумасшедшаго», этотъ ур страшную, прихотливую грезу художника, эту д ку надъ жизнію и человѣкомъ, жалкою жизнію, мъ, эту карикатуру, въ которой такая бездна поэ илософіи,—эту психическую *исторію болѣзни*, этической формѣ, удивительную по своей истинѣ ойную кисти Шекспира: вы еще смѣетесь надъ п ашъ смѣхъ растворенъ горечью; это смѣхъ надъ тораго бредъ и смѣшитъ и возбуждаетъ состраданіе также и о «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» въ семъ отношеніи; прибавлю еще, что, съ этой стороны, эта повѣсть всего удивительнѣе. Въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ» вы видите людей пустыхъ, ничтожныхъ и жалкихъ, но, по крайней мѣрѣ, добрыхъ и радушныхъ; ихъ взаимная любовь основана на одной привычкѣ: но вѣдь и привычка все же человѣческое чувство, но вѣдь всякая любовь, всякая привязанность, на чемъ бы она ни основывалась, достойна участія, слѣд. еще понятно, почему вы жалѣете объ этихъ старикахъ. Но Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ существа совершенно пустыя,

---

тература отъ чужихъ западныхъ литературъ,— выясняетъ разницу между *идеальной* и *реальной* поэзіей, разбираетъ повѣсти Марлинскаго, Одоевскаго, Погодина, Полевого и Павлова. Наконецъ, послѣ всего этого онъ переходитъ къ повѣстямъ Гоголя. — Г-нъ Я. Горожанскій говоритъ (См. „Русск. Мысль" 1883 г., № 5, приложеніе, стр. 15), что „замѣчательная статья эта написана въ то горькое для Гоголя время, когда, вслѣдствіе претензіи своей на профессорство и на ученость *по вдохновенію*, онъ осужденъ былъ выносить самыя злостныя и ядовитыя насмѣшки не только на свою авторскую дѣятельность, но и на личный характеръ свой. Основываясь на сущности авторскаго таланта и *на достоинствѣ его міросозерцанія*, Бѣлинскій прямо объявилъ, что въ Гоголѣ русское общество чтитъ будущаго *великаго писателя*". *Примѣч. В. Зеленскаго.*

ничтожныя и притомъ нравственно гадкія и отвратительныя, ибо въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго; зачѣмъ же, спрашиваю я васъ, зачѣмъ вы такъ горько улыбаетесь, такъ грустно вздыхаете, когда доходите до траги-комической развязки? Вотъ она, эта тайна поэзіи! вотъ онѣ, эти чары искусства! Вы видите жизнь, а кто видѣлъ жизнь, тотъ не можетъ не вздыхать!...

Комизмъ или юморъ Г. Гоголя имѣетъ свой особенный характеръ; это юморъ чисто Русскій, юморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простачкомъ. Г. Гоголь съ важностію говоритъ о бекеши Ивана Ивановича, и иной простакъ не шутя подумаетъ, что авторъ и въ самомъ дѣлѣ въ отчаяніи оттого, что у него нѣтъ такой прекрасной бекеши. Да Г. Гоголь очень мило прикидывается; и хотя надо быть слишкомъ глупымъ, чтобы не понять его ироніи, но эта иронія чрезвычайно какъ идетъ къ нему. Впрочемъ, это только манера, и истинный то юморъ Г. Гоголя все-таки состоитъ въ вѣрномъ взглядѣ на жизнь, и прибавлю еще, нимало не зависитъ отъ каррикатурности представляемой имъ жизни. Онъ всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіею описываемаго имъ предмета. Безпристрастіе—его идолъ. Доказательствомъ этого можетъ служить «Тарасъ Бульба», эта дивная эпопея, написанная кистію смѣлою и широкою, этотъ рѣзкій очеркъ героической жизни младенчествующаго народа, эта огромная картина въ тѣсныхъ рамкахъ, достойная Гомера. Бульба герой, Бульба человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, желѣзною волею: описывая подвиги его кровавой мести, авторъ возвышается до лиризма и, въ то же время, дѣлается драматикомъ въ высочайшей степени и все это не мѣшаетъ ему по мѣстамъ смѣшить васъ своимъ героемъ. Вы содрогаетесь Бульбы, хладнокровно лишающаго мать дѣтей, губящаго собственною рукою роднаго сына, ужасаетесь его кровавыхъ тризнъ надъ гробомъ дѣтей, и вы же смѣетесь надъ нимъ, дерущимся на кулачки съ своимъ сыномъ, пьющимъ горѣлку съ своими дѣтьми, радующимся, что въ этомъ ремеслѣ они не уступаютъ батюшкѣ, и изъявляющимъ свое удовольствіе, что ихъ добре пороли въ бурсѣ. И причина этого комизма, этой каррикатурности изображеній заключается не въ способности или направленіи автора находить во всемъ смѣшныя стороны, но въ вѣрности жизни. Если Г. Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти; онъ понимаетъ ихъ

ничтожность, [illegible]не сердится на нее; онъ даже какъ будто любуется ею, какъ любя[illegible]и взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны [illegible]ею наивностію, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. [illegible] тѣмъ не менѣе, это все-таки юморъ, ибо не щадитъ ничтожес[illegible], и не скрываетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ [illegible]ого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе. Это юморъ спокойный, и можетъ-быть, тѣмъ скорѣе достигающій своей [illegible]нимоходомъ, вотъ настоящая нравственность та[illegible]Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ се[illegible]оученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ [illegible]нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ [illegible]изъ одного удовольствія рисовать. Послѣ «Го[illegible] ничего на Русскомъ языкѣ, что бы отличалось [illegible]ственностію и что бы могло имѣть сильнѣйшее [illegible]вліяніе на нравы, какъ повѣсти Г. Гоголя. О[illegible]твенностію я всегда готовъ падать на колѣна! [illegible]пойметъ Ивана Ивановича Перерепенко, тотъ вѣрно р[illegible]дится, если его назовутъ Иваномъ Ивановичемъ Перерепенкомъ. Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ; вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него. Однакожъ не забудьте, что такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, а вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту,—слѣд. только одинъ талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ! И такъ юморъ Г. Гоголя есть юморъ спокойный въ самомъ своемъ негодованіи, добродушный въ самомъ своемъ лукавствѣ. Но въ творчествѣ есть еще другой юморъ—грозный и открытый; онъ кусаетъ до крови, впивается въ тѣло до костей, рубитъ со всего плеча, хлещетъ на право и налѣво своимъ бичемъ, свитымъ изъ шипящихъ змѣй, юморъ желчный, ядовитый, безпощадный. Хотите ли видѣть его? Я покажу вамъ его—смотрите: вотъ балъ, куда собралась толпа мишурныхъ знаменитостей ничтожнаго величія, чтобы убить время, своего всегдашняго врага, убійцу, толпа блѣдная, чудовищная, утратившая образъ и подобіе Божіе, *позоръ людей и безсловесныхъ*; вотъ балъ: «между толпами *бродятъ ля лица, подъ веселый* напѣвъ контрданса свиваются и разви-

ваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подобострастныхъ аэролитовъ вертятся вокругъ однодневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незначущее слово, привязанное къ глубокому долголѣтнему плану; здѣсь улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползутъ темные грѣхи и торжественная подлость гордо носитъ на себѣ печать отверженія.... Но вдругъ балъ приходитъ въ смущеніе, кричатъ: «вода! вода! Въ другомъ концѣ бала играетъ еще музыка, тамъ еще танцуютъ, тамъ еще говорятъ о будущемъ, тамъ еще думаютъ о вчера сдѣланной подлости, о той, которую надо сдѣлать завтра, тамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не думаютъ... Но вскорѣ достигла страшная вѣсть, музыка прервалась, все смѣшалось... Отчего же поблѣднѣли всѣ эти лица?... Какъ, М. Г., такъ есть на свѣтѣ нѣчто кромѣ вашихъ ежедневныхъ интригъ, происковъ, расчетовъ? Неправда! пустое! все пройдетъ! опять наступитъ завтрашній день! опять можно будетъ продолжать начатое! свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до новаго мѣста!... Но вы не слушаете, вы трепещете, холодный потъ обдаетъ васъ, вамъ страшно! И подлинно—вода все растетъ; вы отворяете окошко, зовете о помощи, вамъ отвѣчаетъ свистъ бури и бѣлесоватыя волны, какъ разъяренные тигры, кидаются въ свѣтлыя окна!—Да! въ самомъ дѣлѣ ужасно! Еще минута, и взмокнутъ эти роскошныя, дымчатыя одежды вашихъ женщинъ! Еще минута—и честолюбивыя украшенія на груди вашей лишь прибавятъ къ вашей тяжести и повлекутъ на холодное дно—страшно! страшно! Гдѣ же всемощныя средства науки, смѣющейся надъ усиліями природы? М. Г. наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ.—Гдѣ же сила молитвы, двигающей горы?—М. Г. вы потеряли значеніе этого слова.—Что же остается вамъ!—смерть! смерть! смерть ужасная! медленная! Но ободритесь, что́ такое смерть?—вы люди мудрые, благоразумные, какъ зміи! неужели то́, о чемъ, посреди глубокихъ разсужденій вашихъ вы никогда и не помышляли, можетъ быть дѣломъ столь важнымъ? Призовите на помощь свою прозорливость, испытайте надъ смертью ваши обыкновенныя средства: испытайте, нельзя ли подкупить ее, оклеветать? не испугается ли она вашего холоднаго, грознаго взгляда?...»

Я не буду рѣшать, которому изъ этихъ двухъ видовъ юмора должно отдать преимущество. Вопросъ о подобномъ превосходствѣ

ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любуется ею, какъ любуется взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностію, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но тѣмъ не менѣе, это все-таки юморъ, ибо не щадитъ ничтожества, и не скрываетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе. Это юморъ спокойный, и можетъ-быть, тѣмъ скорѣе достигающій своей цѣли. И вотъ, замѣчу мимоходомъ, вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ правоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. Послѣ «Горя отъ Ума» я не знаю ничего на Русскомъ языкѣ, что бы отличалось такою чистѣйшею нравственностію и что бы могло имѣть сильнѣйшее и благодѣтельнѣйшее вліяніе на нравы, какъ повѣсти Г. Гоголя. О, предъ такою нравственностію я всегда готовъ падать на колѣна! Въ самомъ дѣлѣ, кто пойметъ Ивана Ивановича Перерепенко, тотъ вѣрно разсердится, если его назовутъ Иваномъ Ивановичемъ Перерепенкомъ. Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ; вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него. Однакожъ не забудьте, что такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, а вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту,—слѣд. только одинъ талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ! И такъ юморъ Г. Гоголя есть юморъ спокойный въ самомъ своемъ негодованіи, добродушный въ самомъ своемъ лукавствѣ. Но въ творчествѣ есть еще другой юморъ—грозный и открытый; онъ кусаетъ до крови, впивается въ тѣло до костей, рубитъ со всего плеча, хлещетъ на право и налѣво своимъ бичемъ, свитымъ изъ шипящихъ змѣй, юморъ желчный, ядовитый, безпощадный. Хотите ли видѣть его? Я покажу вамъ его—смотрите: вотъ балъ, куда собралась толпа мишурныхъ знаменитостей ничтожнаго величія, чтобы убить время, своего всегдашняго врага, убійцу, толпа блѣдная, чудовищная, утратившая образъ и подобіе Божіе, *позоръ людей и безсловесныхъ*; вотъ балъ: «между толпами бродятъ *разныя лица, подъ веселый* напѣвъ контрданса свиваются и разви-

ваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подобострастныхъ аэролитовъ вертятся вокругъ однодневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незначущее слово, привязанное къ глубокому долголѣтнему плану; здѣсь улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползутъ темные грѣхи и торжественная подлость гордо носитъ на себѣ печать отверженія.... Но вдругъ балъ приходитъ въ смущеніе, кричатъ: «вода! вода! Въ другомъ концѣ бала играетъ еще музыка, тамъ еще танцуютъ, тамъ еще говорятъ о будущемъ, тамъ еще думаютъ о вчера сдѣланной подлости, о той, которую надо сдѣлать завтра, тамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не думаютъ... Но вскорѣ достигла страшная вѣсть, музыка прервалась, все смѣшалось... Отчего же поблѣднѣли всѣ эти лица?... Какъ, М. Г., такъ есть на свѣтѣ нѣчто кромѣ вашихъ ежедневныхъ интригъ, происковъ, расчетовъ? Неправда! пустое! все пройдетъ! опять наступитъ завтрашній день! опять можно будетъ продолжать начатое! свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до новаго мѣста!... Но вы не слушаете, вы трепещете, холодный потъ обдаетъ васъ, вамъ страшно! И подлинно—вода все растетъ; вы отворяете окошко, зовете о помощи, вамъ отвѣчаетъ свистъ бури и бѣлесоватыя волны, какъ разъяренные тигры, кидаются въ свѣтлыя окна!—Да! въ самомъ дѣлѣ ужасно! Еще минута, и взмокнутъ эти роскошныя, дымчатыя одежды вашихъ женщинъ! Еще минута—и честолюбивыя украшенія на груди вашей лишь прибавятъ къ вашей тяжести и повлекутъ на холодное дно—страшно! страшно! Гдѣ же всемощныя средства науки, смѣющейся надъ усиліями природы? М. Г. наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ.—Гдѣ же сила молитвы, двигающей горы?—М. Г. вы потеряли значеніе этого слова.—Что же остается вамъ!—смерть! смерть! смерть ужасная! медленная! Но ободритесь, что̀ такое смерть?—вы люди мудрые, благоразумные, какъ зміи! неужели то̀, о чемъ, посреди глубокихъ разсужденій вашихъ вы никогда и не помышляли, можетъ быть дѣломъ столь важнымъ? Призовите на помощь свою прозорливость, испытайте надъ смертью ваши обыкновенныя средства: испытайте, нельзя ли подкупить ее, оклеветать? не испугается ли она вашего холоднаго, грознаго взгляда?...»

Я не буду рѣшать, которому изъ этихъ двухъ видовъ юмора должно отдать преимущество. Вопросъ о подобномъ превосходствѣ

былъ бы также нелѣпъ, какъ вопросъ о превосходствѣ оды надъ элегіею, романа надъ драмою, ибо изящное всегда равно самому себѣ, въ какихъ бы видахъ ни проявлялось. Есть вещи, столь гладкія, что стоитъ только показать ихъ въ собственномъ ихъ видѣ, или назвать ихъ собственнымъ ихъ именемъ, чтобы возбудить къ нимъ отвращеніе, но есть еще вещи, которыя, при всемъ своемъ существенномъ безобразіи, обманываютъ блескомъ наружности. Есть ничтожество грубое, низкое, нагое, непрекрытое, грязное, вонючее, въ лохмотьяхъ; есть еще ничтожество гордое, самодовольное, пышное, великолѣпное, приводящее въ сомнѣніе объ истинномъ благѣ самую чистую, самую пылкую душу, ничтожество, ѣздящее въ каретѣ, покрытое золотомъ, умно говорящее, вѣжливо кланяющееся, такъ что вы уничтожены передъ нимъ, что вы готовы подумать, что оно-то есть истинное величіе, оно-то знаетъ цѣль жизни, и что вы-то обманываетесь, вы-то гоняетесь за призраками. Для того и другого рода ничтожества нуженъ свой, особенный бичъ, бичъ крѣпкій, ибо то и другое ничтожество покрыто тройною бронею. Для того и другого рода ничтожества нужна своя Немизида, ибо надобно же, чтобы люди иногда просыпались отъ своего безсмысленнаго усыпленія и вспоминали о своемъ человѣческомъ достоинствѣ; ибо надобно же, чтобы громъ иногда раздавался надъ ихъ головами и напоминалъ имъ о ихъ Творцѣ; ибо надобно же, чтобы, за пиршественнымъ столомъ, посреди остатковъ безумной роскоши, среди утѣхъ бѣснующейся масляницы, унылый и торжественный звукъ колокола возмущалъ внезапно ихъ безумное упоеніе и напоминалъ о храмѣ Божіемъ, куда всякій долженъ предстать съ раскаяніемъ въ сердцѣ, съ гимномъ на устахъ!...

Г. Гоголь сдѣлался извѣстнымъ своими «Вечерами на хуторѣ». Это были поэтическіе очерки Малороссіи, очерки полные жизни и очарованія. Все, что можетъ имѣть природа прекраснаго, сельская жизнь простолюдиновъ обольстительнаго, все что народъ можетъ имѣть оригинальнаго, типическаго, все это радужными цвѣтами блеститъ въ этихъ первыхъ поэтическихъ грезахъ г. Гоголя. Это была поэзія юная, свѣжая, благоуханная, роскошная, упоительная, какъ поцѣлуй любви... Читайте вы его «Майскую ночь», читайте вы ее въ зимній вечеръ у пылающаго комелька, и вы забудете о зимѣ съ ея морозами и мятелями; вамъ будетъ чудиться эта свѣтлая, прозрачная ночь благословеннаго юга, полная чудесъ и тайнъ; вамъ будетъ чудиться эта юная, блѣдная красавица, жертва ненависти злой ма-

чихи; это оставленное жилище съ однимъ раствореннымъ окномъ, это пустынное озеро, на тихихъ водахъ котораго играютъ лучи мѣсяца, на зеленыхъ берегахъ котораго пляшутъ вереницы безплотныхъ красавицъ../ Это впечатлѣніе очень похоже на то, которое производитъ на воображеніе «Сонъ въ Лѣтнюю Ночь» Шекспира. «Ночь передъ Рождествомъ Христовымъ» есть цѣлая, полная картина домашней жизни народа, его маленькихъ радостей, его маленькихъ горестей, словомъ, тутъ вся поэзія его жизни./ «Страшная Месть» составляетъ теперь pendant къ «Тарасу Бульбѣ» и обѣ эти огромныя картины показываютъ, до чего можетъ возвышаться талантъ г. Гоголя. Но я никогда бы не кончилъ, еслибы сталъ разбирать «Вечера на Хуторѣ»! «Арабески и Миргородъ» носятъ на себѣ всѣ признаки зрѣющаго таланта. Въ нихъ меньше этого упоенія, этого лирическаго разгула, но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни. Сверхъ того, онъ здѣсь расширилъ свою сцену дѣйствія, и, не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссіи, пошелъ искать поэзіи въ нравахъ средняго сословія въ Россіи. И, Боже мой, какую глубокую и могучую поэзію нашелъ онъ тутъ! Мы, Москали, и не подозрѣвали ея!..

«Невскій Проспектъ» есть созданіе столь же глубокое, сколько и очаровательное; это двѣ полярныя стороны одной и той же жизни, это высокое и смѣшное о-бокъ другъ къ другу. На одной сторонѣ этой картины, бѣдный художникъ безпечный и простодушный, какъ дитя, замѣчаетъ на Невскомъ Проспектѣ женщину ангела, одно изъ тѣхъ дивныхъ созданій, которыя могло производить только его художническое воображеніе; онъ слѣдитъ за нею, онъ дрожитъ, онъ не смѣетъ дохнуть, ибо онъ еще не знаетъ ее, но уже обожаетъ ее, а всякое обожаніе робко и трепетно; онъ замѣчаетъ ея благосклонную улыбку и «кареты казались ему недвижны, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка и алебарда часоваго, вмѣстѣ съ золотыми словами и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ». Задыхаясь отъ упоенія и трепетнаго предчувствія блаженства, онъ входитъ за нею въ третій этажъ большаго дома, и что же представляется ему?..Она, все также прекрасная, очаровательная, она смотритъ на него глупо, нагло какъ бы говоря ему: «Ну! что же ты?» Онъ бросается вонъ. Я не хочу пересказывать его сна, этого дивнаго, драгоцѣннаго перла нашей поэзіи, второго и единственнаго, послѣ сна Татьяны

Пушкина: здѣсь Г. Гоголь поэтъ въ высочайшей степени. Кто читаетъ эту повѣсть въ первый разъ, для того, въ этомъ дивномъ снѣ дѣйствительность и поэзія, реальное и фантастическое, такъ тѣсно сливаются, что читатель изумляется, узнавши, что все это только сонъ. Представьте себѣ бѣднаго, оборваннаго, запачканнаго художника, потерявшаго въ толпѣ звѣздъ, крестовъ и всякаго рода совѣтниковъ: онъ толкается между ними, уничтожающими его своимъ блескомъ, онъ стремится къ ней, и они безпрестанно разлучаютъ его съ нею, они, эти кресты и звѣзды, которые смотрятъ на нее безъ всякаго упоенія, безъ всякаго трепета, какъ на свои золотыя табакерки... И какое пробужденіе послѣ этого сна! и какъ можно жить послѣ такого пробужденія? И онъ точно не живетъ болѣе въ дѣйствительности, онъ весь въ грезахъ... Наконецъ, въ его душѣ блеснулъ обманчивый, но радужный лучъ надежды: онъ рѣшается на самоотверженіе, онъ хочетъ принести ей въ жертву, какъ Молоху, даже честь свою... «А я только что теперь проснулась, меня привезли въ семь часовъ утра, я была совсѣмъ пьяна»—это говоритъ ему она, все также прекрасная, очаровательная... Послѣ этого можно ли было жить даже и въ грезахъ?... И нѣтъ художника, онъ сошелъ въ темную могилу, никѣмъ не оплаканный, и міръ не зналъ, какая высокая и ужасная драма была разыграна въ этой грѣшной, страдальческой душѣ...

На другой сторонѣ этой картины, вы видите Пирогова и Шиллера, того Пирогова, о которомъ я уже говорилъ, того Шиллера, который хотѣлъ отрѣзать себѣ носъ, чтобы избавиться отъ излишнихъ расходовъ на табакъ; того Шиллера, который говоритъ съ гордостью, что онъ Швабскій Нѣмецъ, а не Русская свинья, и что у него есть король въ Германіи; того Шиллера, который «еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того времени, которое Русскій живетъ на фуфу, измѣрилъ всю свою жизнь и положилъ себѣ, въ теченіи 10 лѣтъ, составить капиталъ изъ 50 тысячъ и у котораго это было уже такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели Нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово;» наконецъ того Шиллера, который «положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, и чтобы какъ нибудь не поцѣловать лишній разъ, *никогда не клалъ* перцу болѣе одной ложечки въ свой супъ». Чего *вамъ еще? Тутъ весь человѣкъ*, вся исторія его жизни!... А Пиро-

говъ?... О, объ немъ объ одномъ можно написать цѣлую книгу!... Вы помните его волокитство за глупою блондинкою, съ которою онъ составляетъ такую отличную пару, его ссору и отношенія съ Шиллеромъ; помните, какіе ужасные побои притерпѣлъ онъ отъ флегматическаго Отелло, помните, какимъ негодованіемъ, какою жаждою мести закипѣло сердце поручика, и помните, какъ скоро прошла его досада отъ съѣденныхъ кондитерскихъ пирожковъ и прочтенія Пчелы?... Чудные пирожки! Чудная Пчела! Пискаревъ и Пироговъ—какой контрастъ! Оба они начали въ одинъ день въ одинъ часъ преслѣдованія своихъ красавицъ, и какъ различны для обоихъ нихъ были слѣдствія этихъ преслѣдованій! О, какой смыслъ скрытъ въ этомъ контрастѣ! И какое дѣйствіе производитъ этотъ контрастъ! Пискаревъ и Пироговъ, одинъ въ могилѣ, другой доволенъ и счастливъ, даже послѣ неудачнаго волокитства и ужасныхъ побоевъ!... Да, господа, скучно на этомъ свѣтѣ!...

«Портретъ» есть неудачная попытка Г. Гоголя въ фантастическомъ родѣ. Здѣсь его талантъ падаетъ, но онъ и въ самомъ паденіи остается талантомъ. Первой части этой повѣсти невозможно читать безъ увлеченія; даже въ самомъ дѣлѣ, есть что-то ужасное, роковое, фантастическое въ этомъ таинственномъ портретѣ, есть какая-то непобѣдимая прелесть, которая заставляетъ васъ насильно смотрѣть на него, хотя вамъ это и страшно. Прибавьте къ этому множество юмористическихъ картинъ и очерковъ во вкусѣ Г. Гоголя; вспомните квартальнаго надзирателя, разсуждающаго о живописи; потомъ эту мать, которая привела къ Черткову свою дочь, чтобы снять съ нея портретъ, и которая бранитъ балы и восхищается природою,— и вы не откажете въ достоинствѣ и этой повѣсти. Но вторая ея часть рѣшительно ничего не стоитъ; въ ней совсѣмъ не видно Г. Гоголя. Это явная придѣлка, въ которой работалъ умъ, а фантазія не принимала никакого участія.

Вообще надо сказать, фантастическое какъ-то не совсѣмъ дается Г. Гоголю, и мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ Г. Шевырева, который говоритъ, что «ужасное не можетъ быть подробно: призракъ тогда страшенъ, когда въ немъ есть какая-то неопредѣленность; если же вы въ призракѣ умѣете разглядѣть слизистую пирамиду, съ какими-то челюстями вмѣсто ногъ и языкомъ вверху, тутъ ужъ не будетъ ничего страшнаго, и ужасное переходитъ просто въ уродливое.» Но зато *картины* Малороссійскихъ нравовъ, описаніе бурсы

(впрочемъ немного напоминающее бурсу Парѣжнаго), портреты бурсаковъ и особенно этого философа Хомы, философа не по одному классу семинаріи, но философа по духу, по характеру, по взгляду на жизнь... О несравненный *Dominus* Хома! какъ ты великъ въ своемъ стоистическомъ равнодушіи ко всему земному, кромѣ горѣлки! Ты натерпѣлся горя и страху, ты чуть не попался въ когти къ чертямъ, но ты все забываешь за широкою и глубокою ендовою, на днѣ которой схоронена твоя храбрость и твоя философія: ты, на вопросъ о видѣнныхъ тобою с[illegible]укою и говоришь: «Много на свѣтѣ всякой дряни [illegible]оловина головы посѣдѣла въ одну ночь, а ты отт[illegible]да такъ, что добрые люди, смотря на тебя, плю[illegible]ь: «Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ»! Пу[illegible] какъ хочетъ, а по мнѣ такъ философъ Хома стоитъ [illegible]оды! Потомъ, помните-ли вы невольное путешествіе [illegible] помните-ли попойку въ шинкѣ, этого Дороша, к[illegible]ись пѣнникомъ, вдругъ захотѣлъ узнать, непр[illegible]у учатъ въ бурсѣ (шуточное дѣло!), этого резоне[illegible]я, что «все должно оставить такъ какъ есть, что [illegible]ъ нужно» и наконецъ, этого казака съ сѣдыми усами, который рыдалъ о томъ, что остался круглымъ сиротою... А эти поучительныя бесѣды на кухнѣ, гдѣ «обыкновенно говорилось обо всемъ, и о томъ, кто пошилъ себѣ новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка»? А сужденія этихъ умныхъ головъ о чудесахъ въ природѣ? А портретъ пана сотника, и кто перечтетъ?... Нѣтъ, не смотря на неудачу въ фантастическомъ, эта повѣсть есть дивное созданіе. Но и фантастическое въ ней слабо только въ описаніи привидѣній, а чтенія Хомы въ церкви, возстаніе красавицы, явленіе Вія, безподобны.

Я еще мало говорилъ о «Тарасѣ Бульбѣ» и не буду слишкомъ распространяться о немъ, ибо въ такомъ случаѣ, у меня вышла бы еще статья, не менѣе самой повѣсти... «Тарасъ Бульба» есть отрывокъ, эпизодъ изъ великой эпопеи жизни цѣлаго народа. Если, въ наше время возможна Гомерическая эпопея, то вотъ вамъ ея высочайшій образецъ, идеалъ и прототипъ!... Если говорятъ, что въ «Иліадѣ» отражается вся жизнь Греческая въ ея героическій періодъ, то развѣ однѣ піитики и риторики прошлаго вѣка запретятъ сказать *то же самое и о «Тарасѣ Бульбѣ»* въ отношеніи къ Малороссіи *XVI вѣка?... И въ самомъ* дѣлѣ, развѣ здѣсь не все Казачество, съ

его странною цивилизаціею, его удалою, разгульною жизнію, его безпечностію и лѣнью, неутомимостью и дѣятельностію, его буйными оргіями и кровавыми набѣгами?... Скажите мнѣ, чего нѣтъ въ этой картинѣ? чего не достаетъ къ ея полнотѣ? Не выхвачено ли все это со дна жизни, не бьется ли здѣсь огромный пульсъ всей этой жизни? Этотъ Богатырь Бульба съ своими могучими сыновьями; эта толпа Запорожцевъ, дружно отдирающая на площади трепака; этотъ казакъ, лежащій въ лужѣ, для показанія своего презрѣнія къ дорогому платью, которое на немъ надѣто, и какъ бы вызывающій на драку всякаго дерзкаго, кто-бы осмѣлился дотронуться до него хоть пальцемъ; этотъ кошевой, поневолѣ говорящій краснорѣчивую, витіеватую рѣчь о необходимости войны съ бусурманами, потому что «многіе Запорожцы позадолжались въ шинки Жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ»; эта мать, которая является какъ бы мимоходомъ, чтобы заживо оплакать дѣтей своихъ, какъ всегда являлась въ тотъ вѣкъ женщина и мать въ Казацкой жизни.... А Жиды и Ляхи, а любовь Андрія и кровавая месть Бульбы, а казнь Остапа, его воззваніе къ отцу и «слышу»*) Бульбы и наконецъ, героическая гибель стараго фанатика, который не чувствовалъ своихъ ужасныхъ мукъ, потому что чувствовалъ одну жажду мести къ враждебному народу?...

И это не эпопея?... Да что же такое эпопея?... И какая кисть, широкая, размашистая, рѣзкая, быстрая! какія краски, яркія и ослѣпительныя!... И какая поэзія, энергическая, могучая, какъ эта Запорожская Сѣчь, «то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!..»

*) Впрочемъ, я не ставлю въ слишкомъ большую заслугу Г. Гоголю этого „слышу“ и не думаю, подобно нѣкоторымъ, что если бы Г. Гоголь и не изобрѣлъ ничего другого кромѣ этого славнаго „слышу“, то однимъ имъ могъ бы заставить молчать злонамѣренность критики; ибо, во первыхъ, злонамѣренность критики нельзя обезоружить изящными созданіями, чему примѣромъ можетъ служить этотъ же самый Г. Гоголь, нѣкоторыми благонамѣренными критиками пожалованный въ Поль-де-Кока; потомъ, это славное „слышу“ не имѣло бы никакого смысла, безъ отношенія къ цѣлой повѣсти и безъ связи съ нею; и, наконецъ, теперь уже прошло то время, когда въ примѣръ высокаго представляли: *Qu'il mourût, Moi, Ахъ я Одинъ, я Россъ* и т. п.; зачѣмъ же обогащать педантовъ новымъ примѣромъ *высокаго въ выраженіи?*

Что еще сказать вамъ? можетъ быть, вы мало удовлетворены и тѣмъ, что я уже сказалъ: что дѣлать? Гораздо легче чувствовать и понимать прекрасное, нежели заставлять другихъ чувствовать и понимать его! Если одни изъ читателей, прочтя мою статью, скажутъ: «это правда» или, по крайней мѣрѣ: «во всемъ этомъ есть и правда»; если другіе, прочтя ее, захотятъ прочесть и разобранные въ ней сочиненія,—мой долгъ выполненъ, цѣль достигнута.

Но какой же общій результатъ выведу я изъ всего сказаннаго мною? Что такое Г. Гоголь въ нашей литературѣ? Гдѣ его мѣсто въ ней? Чего должно ожидать намъ отъ него, отъ него, еще только начавшаго свое поприще, и какъ начавшаго? Не мое дѣло раздавать вѣнки безсмертія поэтамъ, осуждать на жизнь или смерть литературныя произведенія; если я сказалъ, что Г. Гоголь поэтъ, я уже все сказалъ, я уже лишилъ себя права дѣлать ему судейскіе приговоры. Теперь у насъ слово «поэтъ» потеряло свое значеніе: его смѣшали съ словомъ «писатель»; у насъ много писателей, нѣкоторые даже съ дарованіемъ, но нѣтъ поэтовъ. Поэтъ высокое и святое слово; въ немъ заключается неумирающая слава! Но дарованіе имѣетъ свои степени; Козловъ, Жуковскій, Пушкинъ, Шиллеръ: эти люди поэты, но равны ли они? Развѣ не спорятъ еще и теперь, кто выше: Шиллеръ или Гете? Развѣ общій голосъ не назвалъ Шекспира царемъ поэтовъ, единственнымъ и несравненнымъ? И вотъ задача критики: опредѣлить степень, занимаемую художникомъ въ кругу своихъ собратій. Но Г. Гоголь еще только началъ свое поприще; слѣд. наше дѣло высказать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо Г. Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По-крайней мѣрѣ въ настоящее время, онъ является главою литературы, главою поэтовъ; онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ. Предоставимъ времени рѣшить, чѣмъ и какъ кончится поприще Г. Гоголя, а теперь будемъ желать, чтобы этотъ прекрасный талантъ долго сіялъ на небосклонѣ нашей литературы, чтобы его дѣятельность равнялась его силѣ.

Въ «Арабескахъ» помѣщены два отрывка изъ романа. Объ этихъ отрывкахъ нельзя судить какъ объ отдѣльномъ и цѣломъ созданіи; но о нихъ можно сказать, что они вполнѣ могутъ служить залогомъ *тѣхъ надеждъ, о которыхъ* я говорилъ. Поэты бываютъ двухъ родовъ: *одни только доступны* поэзіи, и она у нихъ бываетъ болѣе

способностію, чѣмъ даромъ или талантомъ, и много зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни; у другихъ даръ поэзіи есть нѣчто положительное, нѣчто составляющее нераздѣльную часть ихъ бытія. Первые, иногда одинъ разъ въ цѣлую жизнь, выскажутъ какую нибудь прекрасную поэтическую грезу, и, какъ будто обезсиленные тяжестью свершеннаго ими подвига, ослабѣваютъ и падаютъ въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ; и вотъ отчего у нихъ первый опытъ, по большей части, бываетъ прекраснѣ, а послѣдующіе постепенно подрываютъ ихъ славу. Другіе, съ каждымъ новымъ произведеніемъ возвышаются и крѣпнутъ; г. Гоголь принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ поэтовъ: этого довольно!

Я забылъ еще объ одномъ достоинствѣ его произведеній; это лиризмъ, которымъ проникнуты его описанія такихъ предметовъ, которыми онъ увлекается. Описываетъ ли бѣдную мать, это существо высокое и страждущее, это воплощеніе святаго чувства любви— сколько тоски, грусти и любви въ его описаніи! Описываетъ-ли онъ юную красоту—сколько упоенія, восторга въ его описаніи! Описываетъ-ли онъ красоту своей родной, своей возлюбленной Малороссіи— это сынъ, ласкающійся къ обожаемой матери! Помните-ли вы его описаніе безбрежныхъ степей Днѣпровскихъ? Какая широкая, размашистая кисть! Какой разгулъ чувства! Какая роскошь и простота въ этомъ описаніи! Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши у Г. Гоголя!...

Въ одномъ журналѣ было изъявлено странное желаніе, чтобы Г. Гоголь попробовалъ своихъ силъ въ изображеніи высшихъ слоевъ общества: вотъ мысль, которая въ наше время, отзывается ужаснымъ анахранизмомъ! Какъ! неужели поэтъ можетъ сказать себѣ: дай опишу то или другое, дай попробую себя въ томъ или другомъ родѣ!.. И притомъ, развѣ предметъ дѣлаетъ что нибудь для достоинства сочиненія? Развѣ это не аксіома: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія? Но мои «развѣ» никогда бы не кончились, еслибы я захотѣлъ высказать ихъ всѣ, безъ остатка. Нѣтъ, пусть Г. Гоголь описываетъ то, что велитъ ему описывать его вдохновеніе, и пусть страшится описывать то, что велятъ ему описывать или его воля или Гг. критики. Свобода художника состоитъ въ гармоніи его собственной воли съ какою-то внѣшнею, независящею отъ него волею, или лучше сказать, его воля есть вдохновеніе!.. *) В. Бѣлинскій.

*) *Я очень радъ, что заглавіе и содержаніе моей статьи избавляетъ меня отъ*

1836 г.

*) **Вечера на хуторѣ близь Диканьки.**

Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Сочиненіе Гоголя. Изданіе второе; въ двухъ частяхъ. 1836 года. Цѣна 12 рублей. Прежде сего изданныя сочиненія того же Автора продаются по слѣдующимъ цѣнамъ:

Миргородъ—*повѣсти, служащія продолженіемъ вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки. Въ двухъ частяхъ. Цѣна 12 рублей.*

Арабески—*повѣсти и разныя сочиненія. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 12 рублей.*

Всѣ сіи книги продаются въ книжномъ магазинѣ И. Т. Лисенкова, подъ № 3 и 4, въ домѣ Пажескаго Его Императорскаго Величества Корпуса, противъ Гостинаго двора; иногородные адресуются къ нему же, со всякою благонадежностью.

Необыкновенное дарованіе Г. *Гоголя-Яновскаго* живописать нравы Малороссіянъ и картины тамошней природы всѣмъ извѣстно. Никто лучше, острѣе и смѣшнѣе его не разсказываетъ Малороссійскихъ повѣстей. Г. *Гоголь* одинъ изъ геніальныхъ нашихъ прозаическихъ писателей.

***

) **Вечера на хуторѣ близь Диканьки. *Повѣсти изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панько. Изданіе второе. Двѣ части, въ 8 д. л. XIV, 203 и X 233, въ тип. Д. Вѣшин. Торговли.*

непріятной обязанности разбирать ученыя статьи Г. Гоголя, помѣщенныя въ „Арабескахъ“. Я не понимаю, какъ можно такъ необдуманно компрометировать свое литературное имя. Неужели перевести, или, лучше сказать, перефразировать и перепародировать нѣкоторыя мѣста изъ исторіи Миллера и Гердера, ни въ какомъ случаѣ не идущихъ въ сравненіе, тоже ученость?..

Если подобные этюды ученость, то избавь насъ Богъ отъ такой учености! Мы и безъ того богаты ею. Отдавая полную справедливость прекрасному таланту Г. Гоголя, какъ поэта, мы, движимые чувствомъ той же самой справедливости, того же самаго безпристрастія, желаемъ, чтобы кто нибудь разобралъ подробнѣе его ученыя статьи. Б.

***

Изъ числа критическихъ статей 1835 года сюда не вошла статья, подписанная буквами: А. в. м. л., изъ *Литературнаго прибавленія* къ «Русскому Инвалиду» (1835 г., № 33, стран. 262 и 263), подъ заглавіемъ: „Мои коммеражи о соч. Гоголя „*Миргородъ*“.

*) „Русскій Инвалидъ“ 1836 г., № 58. „Новая книга“.

**) „*Современникъ*“ 1836 г., т. I „Новыя книги“. Отзывъ А. Пушкина.

Примѣч. *В. Зеленскаго.*

Читатели наши конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ:» всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы Русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому Автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, представя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Въ слѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ. *) А. Пушкинъ.

***

) **Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. *Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изданіе второе. Двѣ части.*

Уже два года публика наша съ нетерпѣніемъ ожидала втораго изданія этой прекрасной книги, которая, при первомъ своемъ появленіи, была принята съ восторгомъ. Мы спрашивали тогда: кто этотъ остроумный, милый разскащикъ, который владѣетъ секретомъ заставлять насъ хохотать отъ всего сердца, и потомъ растрогивать поэтическими картинами Казачьяго быта и Малороссійской народности? Кто этотъ *Рудый Панько*, который изъ своего захолустья швырнулъ въ свѣтъ книгою? Мы узнали его опять въ описаніи ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, въ описаніи бекеши Ивана Никифоровича, и наконецъ онъ высказалъ намъ свое имя въ четырехъ повѣстяхъ, изданныхъ подъ названіемъ: *Миргородъ*, и служащихъ продолженіемъ восьми повѣстей, содержащихся въ этихъ *Вечерахъ*.

*) На дняхъ будетъ представлена на здѣшнемъ Театрѣ его комедія Ревизоръ.

**) „Сѣверная Пчела“ 1836 г., № 26. („Новыя книги“).

Г. Гоголь первымъ своимъ появленіемъ выказалъ необыкновенный талантъ, и сталъ на ряду съ лучшими нашими литераторами. Его повѣсти неоспоримо лучшія народныя повѣсти въ нашей литературѣ; въ нихъ самая добродушная юмористика соединена съ вѣрнымъ и поэтическимъ изображеніемъ Малороссіи, съ теплымъ чувствомъ, съ самымъ живымъ и занимательнымъ разсказомъ. Безъ сомнѣнія, подобный писатель не могъ избѣгнуть литературныхъ преслѣдованій въ нашей журнальной литературѣ, которая, какъ весьма справедливо замѣтили недавно въ критической статьѣ Сына Отечества, обращаетъ всю свою дѣятельность къ взаимному подкапыванію литературныхъ репутацій. Талантъ Г. Гоголя не могъ не имѣть завистниковъ, и я помню, какъ въ одномъ журналѣ, который подрядился хвалить своихъ сотрудниковъ и работниковъ, съ насмѣшкою спрашивали: «кто этотъ Н. Гоголь?» Вѣроятно тотъ самый, который написалъ лучшую изъ повѣстей, помѣщенныхъ въ Новосельѣ, который не имѣетъ обыкновенія черпать свои разсказы изъ старыхъ Англійскихъ и Польскихъ книгъ, и свою ученость изъ современныхъ журналовъ, чтобы нарижаться литературнымъ павлиномъ; который не нуждается въ пошлыхъ и устарѣлыхъ насмѣшкахъ надъ титулярными совѣтниками, и въ неблагопристойныхъ выходкахъ, чтобы поддержать занимательность своего разсказа; который пишетъ не для лакейскихъ, и которому, вѣроятно, при сочувствіи своего таланта, чужой талантъ не бѣльмо въ глазу. Мы безъ сомнѣнія не станемъ съ другой стороны безотчетно жаловать Г. Гоголя въ Русскіе Вальтеръ-Скотты, такъ какъ мы не жалуемъ нашихъ поэтовъ за одну хорошую драму въ Гете и въ Байроны; подобныя сравненія можетъ дѣлать образованный читатель, если ему угодно, но въ критикѣ они смѣшны и отзываются дѣтскимъ пристрастіемъ и неумѣніемъ отдавать прямую справедливость достоинствамъ и литературнымъ трудамъ, когда они сами по себѣ хороши и не нуждаются въ заморскихъ сравненіяхъ; оставимъ это для Русскаго сукна и для другихъ промышленныхъ издѣлій; ихъ можно сравнивать съ издѣліями Англійскихъ фабрикъ, чтобы лучше ихъ цѣнить. И безъ того уже съ нѣкотораго времени наша литература приняла характеръ промышленности, не принимая впрочемъ ревностнаго ея хода въ нашемъ отечествѣ. Мы не считаемъ нужнымъ распространяться о внутреннемъ достоинствѣ Вечеровъ на хуторѣ *Г. Гоголя: они* вполнѣ оцѣнены лестнымъ пріемомъ, сдѣланнымъ *имъ отъ образованной публики*, и которому мы обязаны вторымъ

ихъ изданіемъ; скажемъ только объ изданіи, что оно весьма красиво, отчетисто и совершенно одинаково съ изданіемъ Миргорода, съ которымъ они должны быть неразлучны, и составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній нашей библіотеки.

*
* *

*) **Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.** *Повѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изданіе второе.*

Въ продолженіе двухъ томовъ вы только и видите то Малороссійскихъ мужиковъ, Казаковъ, дьячковъ, мастеровыхъ. Публика Г. Гоголя «утираетъ носъ полою своего балахона» и жестоко пахнетъ дегтемъ, и всѣ его повѣсти или, правильнѣе, сказки имѣютъ одинаковую физіономію. Литература эта, конечно, не высока; эта публика еще одной ступенью ниже знаменитой публики Поль-де-Коковой; однакожь книга читается съ большимъ удовольствіемъ, потому что она писана слогомъ плавнымъ, пріятнымъ, исполненнымъ непринужденной веселости, для которой часто прощаешь автору неправильность языка и грамматическія ошибки. Самое замѣчательное качество манеры Г. Гоголя,—когда Г. Гоголь не вдается въ сужденія объ ученыхъ предметахъ,—есть то особенное Малороссійское забавничанье, та простодушная Украинская насмѣшка, которыми онъ обладаетъ въ высшей степени, и которыя столько же различны съ Англійскимъ юморомъ, сколько съ Французскими тюрлюпинадами или съ тѣмъ, что во Франціи называютъ gogueнardise. Что это отнюдь не esprit, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, а тѣмъ, которые принимали манеру автора «Вечеровъ на хуторѣ» за humour, имѣемъ честь доложить, со всѣмъ должнымъ почтеніемъ къ ихъ проницательности, что они, повидимому, не имѣютъ яснаго понятія объ юморѣ. Мы настаиваемъ на эти различія, которыя не каждому дано чувствовать въ равной степени, и хотя, слава Богу, не смѣшиваемъ Малороссійской потѣхи съ юморомъ Стерна, Лема или Гогга, желали-бъ однакожь двухъ вещей,—чтобы Г. Гоголь не оставлялъ своей манеры, потому что она оригинальна, забавна и носитъ неподдѣльный отпечатокъ особенной народности ума,—и чтобы другіе не подражали его манерѣ, если они не родились въ Малороссіи, потому что она такъ же неподражаема и самобытна, какъ esprit и какъ humour. Дѣйствующія лица этихъ сказокъ

*) „Библіотека для Чтенія" 1836 г., т. 15, отд. VI. „Литературныя лѣтописи".

принадлежатъ къ самымъ низкимъ сословіямъ и говорятъ языкомъ, приличнымъ своему званію; при всемъ томъ языкъ этотъ не поражаетъ образованнаго читателя ни пошлыми оборотами бесѣды въ присядку, ни грубостью, слишкомъ вѣрною черной природѣ. Какъ не полюбить этихъ молодыхъ казачекъ, съ такими круглыми бровями, съ такимъ свѣжимъ и румянымъ лицемъ? Какъ не находить удовольствія въ картинѣ этихъ правовъ, добродушныхъ, простыхъ, забавныхъ? Самая милая сказка—«Ночь передъ рождествомъ»: она очень весела, очень drôle,—вѣрнѣе мы не умѣемъ выразить ея свойства; здѣсь часто попадается и остроуміе, и вообще вы читаете ее съ наслажденіемъ и любопытствомъ съ начала до конца. «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка» есть единственная въ цѣломъ сочиненіи повѣсть, въ которой нѣтъ мужиковъ и казаковъ, и она именно столько занимательна, сколько нужно, чтобъ пожалѣть о томъ, что она не кончена.

* * *

*) **Ревизоръ**, *комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, сочиненіе Н. Гоголя*. С.-Петербургъ, 1836 г.

Странное дѣло: мы, кажется, любимъ трунить, иногда шутить, чаще насмѣхаться, умѣемъ иногда довольно удачно и осмѣять одинъ другаго, и, со всѣмъ тѣмъ, комедія, этотъ родъ сочиненій, который болѣе другихъ могъ бы удовлетворить нашей по видимому общей наклонности, есть явленіе чрезвычайно у насъ рѣдкое. Отъ чего это?—Истощается ли остроуміе наше въ однихъ пересудахъ, не получивъ еще драматическаго направленія, или оттого, что само общество наше не представляетъ ни довольно способовъ, ни довольно постояннаго разнообразія для комическаго дарованія? рѣшить трудно. Можетъ быть то или другое вмѣстѣ.—И по этой-то причинѣ мы должны чрезвычайно дорожить счастливымъ явленіемъ, когда талантъ умѣетъ выбиться изъ пошлыхъ житейскихъ сплетней, а благопріятныя обстоятельства допустятъ его выразиться свободно, безотносительно.

Комедія есть дѣло общественное. Это подвигъ, это происшествіе. Истинная комедія—это или исповѣдь или жалоба общества. И, смотря по тому, сколько она захватываетъ своимъ вліяніемъ общественныхъ интересовъ, она—или подымается на степень истинной комедіи, или—дѣлается просто зрѣлищемъ, болѣе или менѣе забавнымъ, съ невин-

*) „Московскій Наблюдатель" 1836 г., май—первая книжка. Статья Андросова.

ною цѣлію занять праздное вниманіе и нѣсколько праздныхъ минутъ нашей жизни. Если-бы нужно было, слѣдуя прежнимъ примѣрамъ, находить и въ комедіи *роды и виды*, то, по весьма многимъ основательнымъ причинамъ, можно бы высокою комедіею назвать въ наше время ту, которая имѣетъ силу урока, оставляетъ упрекъ на совѣсти и, вмѣстѣ съ смѣхомъ, подымаетъ краску стыда въ лицо. Истина никогда не опасна, какъ бы она безжалостно ни унижала кого нибудь изъ насъ. И родъ ея въ этомъ случаѣ будетъ относительный, частный и цѣлебный. Если плодъ остроумія одинъ только смѣхъ, то этого еще не много: каждый шутъ заставитъ насъ смѣяться. Но если, возбуждая смѣхъ, комикъ въ этомъ смѣхѣ готовитъ или казнь или угрозу для какого нибудь постыднаго свойства нашей природы, то этотъ смѣхъ имѣетъ всю святость добродѣтели, все достоинство правоученія, всю заслугу добра. Тутъ чѣмъ болѣе смѣются, чѣмъ искреннѣе, чѣмъ злѣе смѣются, тѣмъ болѣе надежды для нравственности, тѣмъ эти надежды сбыточнѣе. Что за заслуга напасть на мелочную, частную слабость, на какой нибудь темный недостатокъ, на какой нибудь ничтожный порокъ—все это очень можетъ быть смѣшно, но для кого важно?—Что въ этомъ смѣхѣ, какъ бы мы много ни смѣялись, когда намъ выставятъ или какого нибудь бѣднаго скрягу, или какого нибудь полуумнаго отъ любви старичишку, или мужа, который немножко щекотливѣе другихъ къ своей чести? Надъ чѣмъ мы тутъ смѣемся? Надъ своею бѣдною природою, которая и у всѣхъ насъ не довольно тверда, надъ этимъ недостаткомъ здраваго смысла, которымъ право немногіе изъ насъ могутъ похвалиться. Мы тутъ смѣемся нѣкоторымъ образомъ надъ несчастіемъ другого: потому что глупость есть несчастіе. Насъ забавляетъ тутъ бѣда другаго: мы здѣсь смѣемся оттого, что другой стоитъ передъ нами въ такомъ положеніи, что ему не до смѣха. Оттого-то комедія во всѣ тѣ времена, когда ее такъ понимали, считалась просто забавою, потѣхою, часто шутовствомъ и всегда средствомъ развлеченія. Отсюда могло быть и мнѣніе, что человѣку, которому, по общественнымъ отношеніямъ его, нельзя было безъ укоризны для своего достоинства принимать участія въ общихъ житейскихъ сплетняхъ, также мало считалось приличнымъ посѣщать и комическія зрѣлища. Комедія долгое время была—грѣхъ поэтизированный! Но есть другая, или готовится другая комедія, комедія цивилизаціи, гдѣ человѣкъ семейный уступаетъ мѣсто человѣку общественному, гдѣ частныя отношенія замѣняются

общими.—Каждый вѣкъ имѣетъ свою мысль, каждая мысль ищетъ способовъ выразить себя въ дѣйствіи. Если Тартюфъ былъ въ свое время комедіею общественною: въ ней выражалось тогдашнее общество не въ частныхъ своихъ отношеніяхъ, которыя во всякое время ничтожны, но въ отношеніяхъ той мысли, которая въ то время властвовала въ немъ, давала направленіе ему, составляла духъ его.

Могущему порокъ—брань,
Безсильному—презрѣнье.

Какъ говоритъ поэтъ нашъ. Дайте намъ не лицо, которое можетъ имѣть слабости такъ-же какъ и добродѣтели, но идею, которая дѣлаетъ это лицо негоднымъ въ обществѣ; изобразите намъ не отрывокъ изъ жизни нѣкоторыхъ людей, которые могутъ быть сами по себѣ очень смѣшны, но отрывокъ изъ тѣхъ нравовъ, которые болѣе или менѣе составляютъ собою черты современной физіономіи общества. Личная слабость, личный недостатокъ, могутъ быть смѣшны, но для кого они вредны? Только для самихъ себя, много что еще для тѣхъ, которые связаны съ ними жизненными отношеніями; но есть лица, въ которыхъ смѣшна не собственная ихъ слабость, не слабость человѣка, но то, что ему присвоено общественными его отношеніями, то, что дѣлается въ немъ вредомъ для другихъ. И вотъ куда долженъ быть устремленъ бичъ Комедіи. Дурное свойство человѣка, поддерживаемое общественнымъ его положеніемъ, должно быть преслѣдуемо нещадно: тутъ мы бьемъ уже не человѣка, а злоупотребленіе. Но, смѣясь надъ нимъ, скажутъ, не ослабляемъ ли мы этимъ уваженіе къ такимъ предметамъ, которые для блага общественнаго должны быть благоговѣйно уважены? Нисколько; напротивъ, это очищаетъ, укрѣпляетъ наше уваженіе къ нимъ. Власть всегда свята: въ душѣ каждаго есть неискоренимое уваженіе къ порядку, къ справедливости; и, какъ нѣтъ ничего смѣшнаго ни въ порядкѣ, ни въ справедливости, такъ ничего нѣтъ смѣшнаго и въ идеѣ власти. Кто будетъ смѣяться надъ властью родительскою, или надъ подчиненностью дѣтей отцу? Но если этотъ порядокъ, эта справедливость или законность становится маскою для какого нибудь негодяя, средствомъ удовлетворенія его природы, которая въ явномъ раздорѣ со всякою законностью, и если-бы кто умѣлъ осмѣять предъ *нами это* злоупотребленіе, то едва-ли это повредитъ нашему уваженью *къ порядку*. Одно свято, другое постыдно: этого нельзя свя-

зать вмѣстѣ. Если мы смѣемся надъ взяточникомъ Городничимъ, или надъ взяточникомъ Судьею: значитъ-ли что мы смѣемся надъ благоустройствомъ или правосудіемъ? Это значитъ только то, что мы мстимъ за оскорбленіе нашей нравственной природы, вооружаемъ ее презрѣньемъ къ злу, грозимъ ей казнію общественнаго мнѣнія.

Взглянувши такъ на Комедію, мы найдемъ, что «Ревизоръ» есть явленіе чрезвычайно важное въ нашей словесности. Кто знаетъ, какъ тяжело у насъ добывается *современность*, тотъ будетъ умѣть цѣнить трудъ Гоголя. Мы часто твердимъ, что Словесность есть выраженіе общества, не обращая вниманія, или забывая то, что это истина не наша. Наше общество начинаетъ сознавать себя, но не выражаетъ еще. Мы по-очереди, то скромны, то застѣнчивы, и безъ очереди лѣнивы. Кромѣ этого, мы не пріучили еще себя къ общественнымъ урокамъ: мы, по видимому, не вышли еще изъ временъ Басни. Начиная уже съ чувствомъ негодованія отворачиваться отъ злоупотребленій и порочныхъ дѣйствій, мы все еще осторожно презираемъ ихъ, какъ-то церемонимся съ ними и, хотя уже рѣже пожимаемъ имъ руку, но все еще какъ-то совѣстимся по старой пріязненной памяти—позорить ихъ звонкимъ смѣхомъ на сценѣ. Я столько уважаю мое время, что никакъ не соглашусь, будто бы это потому, что сцена въ этомъ случаѣ сберегаетъ много родственнаго съ портретомъ. Нѣтъ! мы, какъ кто ни говори, кто на что ни указывай, а мы лучше временъ *Ябеды*, *Честнаго Секретаря*, или временъ *до-Недорослевскихъ*, даже и потому лучше, что *имѣемъ* «Ревизора».

Да, Ревизоръ, смѣшонъ, говорятъ, это преуморительный фарсъ? Нѣтъ, господа, найдите, потрудитесь изобрѣсти другое выраженіе. Чтобы точно характеризовать комедію съ такимъ содержаніемъ, какъ Ревизоръ, для этого традиціи вашей піитики не сыщутъ приличнаго прилагательнаго. Если правила пишутся съ произведеній, а произведенія выражаютъ общества,—то наше общество другое нежели то, когда эти Риторики и эти Піитики составились. Другіе элементы общества: другіе элементы и комедіи. Тутъ, можетъ быть, начинается новая драма, хотя съ перемѣною вещи мы и оставляемъ прежнее ея названіе. Есть двѣ драматическія истины: истина *дѣйствительнаго* и истина *возможнаго*. Первая—когда берутся лица, такъ какъ они представляются наблюдательному вниманію въ извѣстное время, къ извѣстныхъ отношеніяхъ, со всѣми индивидуальными свойствами сихъ *лицъ—это просто* отрывокъ изъ жизни, повторяемый сценическимъ

искусствомъ. А потому здѣсь, какъ въ подражаніе, чѣмъ болѣе будетъ удержано сходства съ подлинникомъ, тѣмъ произведеніе будетъ выше, тѣмъ оно совершеннѣе. Тутъ матеріальная вѣрность есть цѣль и мѣра успѣха. Произведенія этого рода то же самое въ искусствѣ драматическомъ, что портретъ въ живописи. И хотя нельзя не признать всей трудности, всей рѣдкости дарованій для подобныхъ произведеній, но все это талантъ памятливаго вниманія, живаго, гибкаго чувства, на которомъ различныя ощущенія оставили вѣрные отпечатки, готовые при первомъ требованіи фантазіи опять сомкнуться въ живые образы. Сила этого рода таланта—есть поразительное *правдоподобіе*, и, какъ сравненіе вообще вещь нетрудная, то и достоинство этихъ талантовъ легче постигается и согласнѣе признается. Въ «Горѣ отъ ума» мы имѣемъ образцовое произведеніе такого таланта. Другая драматическая истина—*истина возможнаго*—глубже, рѣже встрѣчается и еще рѣже увѣнчивается общимъ согласнымъ успѣхомъ. Она не въ томъ состоитъ, чтобы создать *лица*, составить правдоподобно *дѣйствіе*, снять *отпечатокъ* дѣйствительной, моментной жизни общества, или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ всего этого исключительно въ виду,—нѣтъ, она силится выразить *сущности*, или, какъ говорятъ, типы лицъ, изобразить не то, что думалъ, говорилъ, или какъ дѣйствовалъ тотъ или другой, въ томъ или другомъ положеніи, но то, что каждый изъ нихъ по свойству своей природы *могъ* и *долженъ* былъ бы чувствовать, мыслить, или какъ поступать въ данныхъ обстоятельствахъ. Тутъ не въ томъ дѣло: дѣйствительно ли такъ было; но въ томъ, такъ *ли бы было*, еслибы данныя лица поставить въ тѣ соотношенія, въ какихъ авторъ ихъ выводитъ на сцену. Для этого не довольно списать со всею мелочною вѣрностію одно какое-нибудь лицо, потому что другое лицо, съ другимъ характеромъ, съ другимъ темпераментомъ, стало-бы дѣйствовать иначе: нѣтъ, надобно постичь тотъ элементъ, то *начало*, которое бы опредѣлило дѣйствіе лица въ извѣстныхъ отношеніяхъ, независимо отъ всѣхъ разнообразныхъ случайностей возраста, темперамента, характера и другихъ особыхъ отличій. Не дѣло комика розыскивать, откуда взялось, или какъ составилось это начало: для этого нуженъ умъ другого свойства, оно только глубоко ощущаетъ это начало, видитъ его вліяніе, замѣчаетъ его въ дѣйствіи, и потомъ *въ видимой формѣ*, въ живомъ человѣкѣ воплощаетъ эту душу, *которая въ дѣйствительности* кроется глубоко на днѣ нашей природы.

Съ этой стороны надобно разсматривать и «Ревизора». Комикъ нашъ вовсе, повидимому, не заботился о томъ, чтобы изобразить затруднительное положеніе людей, которые ждутъ справедливой бѣды для себя. Можетъ быть, по свойству своего таланта, онъ и не могъ бы списать съ комическою вѣрностію такого происшествія, которое само по себѣ скорѣе возбуждаетъ негодованіе, нежели смѣхъ, скорѣе родитъ горечь сатиры, чѣмъ добродушную веселость комедіи. И потому въ «Ревизорѣ» мы будемъ напрасно искать этой *наружной* истины, которой мы привыкли до сихъ поръ требовать отъ комедіи. Тутъ есть истина *поэзіи*, истина внутренняя, которая ставитъ эту комедію высоко между небольшимъ числомъ нашихъ оригинальныхъ драматическихъ произведеній. Содержаніе «Ревизора», конечно, уже всѣмъ извѣстно. Въ одномъ небольшомъ городкѣ, наполненномъ Бобчинскими и Добчинскими, Городничій, имѣвшій весьма уважительные причины не жаловать Ревизоровъ, со страху, принялъ за него ошибкою молодого шалуна, петербургскаго чиновника, который, ѣхавши въ отпускъ къ отцу въ деревню, *профинтилъ*, какъ выражается его слуга Осипъ, свои денежки, и былъ застигнутъ въ томъ городкѣ величайшимъ изъ человѣческихъ злощастій—безденежьемъ. Мы согласимся охотно, съ нѣкоторыми критиками, что предметъ этотъ слишкомъ уже не новъ ни для комедіи, ни для дѣйствительности. Люди такъ много и во всемъ ошибались, что весьма уже трудно найти новую ошибку, изъ которой можно было бы сдѣлать что-нибудь новое въ комедіи. Но если справедливо старое правило, что *ошибаться человѣку сродно*, то я не вижу причинъ, почему бы не ошибиться и Городничему, который, какъ изъ комедіи видно, къ свойствамъ человѣческимъ присоединялъ еще и свойства городничаго. Но дѣло не въ томъ, какъ мы уже замѣтили. Надобно взглянуть, какъ, сдѣлавши эту ошибку дѣйствующею новою въ своей комедіи, авторъ нашъ умѣлъ выразить *сущности* тѣхъ людей, изъ которыхъ составляется разнородная масса нашихъ провинціальныхъ нравовъ. Я не знаю, почему все это можетъ быть оскорбительно для тѣхъ, кого судьба назвала городничимъ, судьею или купцомъ: комедія не аксіома, она никакъ не дѣлаетъ общихъ правилъ, или говоря выраженіемъ *меньше* понятнымъ, хотя и *больше* употребительнымъ, не *сообщаетъ* въ своихъ лицахъ всего общества. Мы смѣяться можемъ только надъ *исключеніями* вольными и невольными, особенно надъ послѣдними. А эти-то посмѣянія и смѣшатъ насъ въ «Ревизорѣ.»

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о поставкѣ этой комедіи на Московской сценѣ. Слухи, письма и пріѣзжіе изъ Петербурга возбудили общее нетерпѣніе видѣть скорѣе эту комедію. Нѣсколько экземпляровъ, скупо доставленныхъ въ наши книжныя лавки, наскоро прочитанныхъ, произвели не менѣе различные толки: хвалили и смѣялись, бранили и смѣялись и просто смѣялись, и потому весьма любопытно было видѣть, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ представленіе ея на сценѣ. Намъ много говорили объ успѣхѣ этой комедіи въ Петербургѣ, объ образцовой игрѣ Сосницкаго, объ остроумной обстановкѣ; мы радовались и ждали нетерпѣливо видѣть все это и у себя. Тутъ шло дѣло не о Французскихъ маркизахъ, не объ Аристократическихъ гостиныхъ, которыхъ узнать не всякому Богъ судилъ à posteriori, но о нашемъ обыкновенномъ бытѣ; тутъ нашъ городничій; вотъ нашъ судья Тяпкинъ-Ляпкинъ; вотъ любознательный почтмейстеръ; вотъ смотритель надъ Богоугодными заведеніями, у котораго больные *выздоравливаютъ какъ мухи*, не столько медикаментами, какъ *честностію* и порядкомъ; вотъ Добчинскій, который радъ бѣжать нѣтушкомъ за городническими дрожками; вотъ другой Бобчинскій, котораго невольная дрожь беретъ, когда говоритъ вельможа... все это наше безъ займа, безъ бусурманскаго вліянія, тутъ для вѣрности не надобно справляться съ хрониками, съ древними статуями, съ картинами: станьте на первомъ перекресткѣ—и вотъ потянется передъ вами нескончаемая перспектива этихъ Бобчинскихъ, Добчинскихъ, Земляникъ, Андреевичей, Аммосовичей, купцовъ съ кулечками и подносиками и пр. пр. Тутъ актеру не зачѣмъ ломать головы надъ придумками: стань и смотри. Вотъ отчего „*Ревизоръ*“, при всѣхъ сценическихъ недостаткахъ—неизбѣжныхъ впрочемъ у насъ,—въ цѣломъ идетъ можетъ быть, удачнѣе всѣхъ комедій на нашей сценѣ. Мы не пишемъ здѣсь разбора игры, и потому не входимъ въ подробности сужденій объ исполненіи, но все считаемъ не излишнимъ замѣтить, что при первомъ представленіи пьеса шла очень скоро. Въ разговорахъ не было той лѣнивой медленности, той благоразумной неспѣшности, которыя составляютъ природныя принадлежности нашего темперамента. У насъ не много пылкихъ говоруновъ: мы говоримъ разсудительно. Даже въ столицахъ у насъ, гдѣ общественное положеніе возбуждаетъ большую движимость по крайней мѣрѣ, если не дѣятельность, *скороговорка* вещь рѣдкая, а *тѣмъ менѣе въ провинціяхъ*, гдѣ можно иногда говорить цѣлый вѣкъ

въ просонкахъ. Гоголь глубоко понялъ это. Перечтите его комедію, вы увидите, съ какимъ необыкновеннымъ искусствомъ онъ умѣлъ передать намъ эту вѣчно затруднительную, полузаикающуюся фразу провинціи, съ этими прибавленіями: онъ *говоритъ*, *мы говоритъ*, какъ онъ мастерски схватилъ эту лѣпивую неточность, бѣдность въ выраженіи съ добавкою руки. Далѣе, по свойству комедіи, жизнь всегда въ ней изображается ярче, рѣзче, нѣсколько усиленнѣе, нежели мы находимъ ее между нами. Въ Ревизорѣ эта яркость сама по себѣ доведена уже нѣкоторымъ образомъ до рѣзкости, а потому усиливать ее значитъ подымать до каррикатуры, что отчасти и было на нашей сценѣ. Въ этомъ то и искусство, чтобы не переходить черезъ край, тутъ актеръ и авторъ сливаются: одинъ поддерживаетъ и дополняетъ другого. Комната городничаго устроена была, вѣроятно, по Петербургскимъ традиціямъ и превосходно. Кто не помнитъ и этихъ фамильныхъ портретовъ хозяина и хозяйки, которые для повѣрки тутъ же и сами на лицо, и этихъ патентовъ на чинъ Титулярнаго Совѣтника въ рамкахъ, и этой, наконецъ, вѣчной огромной бутыли съ настойкою на окнѣ, которая при всѣхъ нашихъ общественныхъ перемѣнахъ, улучшеніяхъ, нововведеніяхъ, движеніяхъ впередъ и назадъ, осталась неподвижна, на прежнемъ мѣстѣ, въ прежнемъ величіи.

Какое-же впечатлѣніе Ревизоръ произвелъ въ Москвѣ, и въ чемъ заключается достоинство этого замѣчательнаго произведенія, какъ Комедіи, объ этомъ мы скажемъ, можетъ быть, нѣсколько поболѣе въ перечнѣ Наблюдателя.

Андроссовъ.

* * *

«Въ Библіотекѣ для Чтенія», въ отдѣлѣ «критика» между прочимъ разбирается комедія—«*Ревизоръ*». Переходя къ разбору «*Ревизора*», критикъ говоритъ:

*) «Здѣсь прежде всего надобно привѣтствовать въ его авторѣ новаго комическаго писателя, съ которымъ истинно можно поздравить Русскую словесность. Первый опытъ Г. Гоголя вдругъ обнаружилъ въ немъ необыкновенный даръ комики, и еще такой комики, которая обѣщаетъ поставить его между отличнѣйшими въ этомъ родѣ писателями. Мы съ удовольствіемъ предаемся этой пріятной надеждѣ,

*) „Библіотека для Чтенія“ 1836 г., т. 16, отдѣлъ V.

хотя одинъ весьма умный человѣкъ сказалъ намъ въ отвѣтъ на подобное предсказаніе: «Ничего не будетъ! Его *захвалятъ*». Въ самомъ дѣлѣ опасность, кажется, угрожаетъ автору съ этой стороны, и если у него есть самолюбіе, онъ не можетъ употребить его съ большею пользою для себя и для литературы, какъ поручивъ ему оберегать себя отъ яда необдуманныхъ похвалъ. Кажется, что одна изъ котерій, которая чрезвычайно нуждается въ примѣчательномъ талантѣ, для того чтобы противопоставить его барону Брамбеусу, избрала его своимъ героемъ и условилась превозносить до небесъ каждое его сочиненіе, скрывая отъ него и отъ публики ихъ несовершенства. Ежели это правда, то нельзя не предостеречь Г. Гоголя, что онъ стоитъ на пропасти, прикрытой цвѣтами, и можетъ упасть въ нее со всею своей будущей славою. Что касается до насъ, то мы никогда не были въ состояніи усмотрѣть малѣйшаго сходства между талантомъ Г. Гоголя и таинственнаго барона, и не понимаемъ, какимъ образомъ литературная досада могла ослѣпить котерію до того, чтобъ она вздумала сдѣлать изъ автора «Вечеровъ на хуторѣ» и «Миргорода» соперника автору «Фантастическихъ путешествій» и «Похожденій одной ревижской души». Если Гоголь примѣтитъ это во время, то его личное самолюбіе поможетъ ему воспользоваться благонамѣренными замѣчаніями тѣхъ, которые ничего столько не желаютъ, какъ полнаго развитія его таланта, не довѣрятъ умышленнымъ панегирикамъ, и усовершенствовать свое дарованіе. Тогда, конечно, его не захвалятъ, и онъ будетъ жить очень долго въ Русской словесности. По-сю-пору, Г. Гоголь, кажется, слишкомъ полагаясь на похвалы этого круга, не извлекалъ для себя никакой пользы изъ критики, въ томъ самомъ содержаніи, въ какомъ увеличивались отличительныя достоинства его сочиненій, усиливались также и коренные ихъ недостатки, которые неоднократно были ему показаны. Красоты и пятна ростутъ у него съ одинаковою силою до того, что онъ не производилъ еще ничего забавнѣе и ничего грязнѣе послѣдняго своего творенія. Какъ можно навалить столько сору на столько чистаго золота. Уваженіе къ нашимъ читателямъ не позволяетъ намъ даже выписывать мѣстъ, на которыя преимущественно долженъ упасть этотъ упрекъ,—такъ они противны чистому вкусу и формамъ хорошаго общества. Это выходитъ уже изъ предѣловъ самаго грубаго фарса. Мы сильно совѣтуемъ автору очистить свою веселость отъ подобныхъ замашекъ и основать ее, какъ онъ самъ

говоритъ, «на тонкой деликатности» и «политичности». Нравственность и благопристойность обладаютъ неисчислимою силою въ Искусствахъ, и тѣ жестоко ошибаются, которые презираютъ ту или другую, какъ средство утвержденія своей литературной славы на долгое время.

Послѣ этого упрека, вынужденнаго горестною истиною, намъ остается только радоваться великими достоинствами, которыя обнаружилъ «Ревизоръ» въ талантѣ своего автора. Мы навѣрное не ошибемся, сказавъ, что Г. Гоголь наконецъ отыскалъ въ «Ревизорѣ» свое природное назначеніе: его назначеніе — Комедія. Онъ долженъ овладѣть ею какъ своей собственностью. Въ оправданіе нашего мнѣнія мы обязаны привести нѣсколько отрывковъ. Вотъ монологъ лакея мелкаго чиновника, который, ѣдучи изъ Петербурга къ отцу въ деревню, проигралъ на пути всѣ свои деньги и уже двѣ недѣли живетъ въ долгъ въ гостинницѣ одного уѣзднаго города, безъ средствъ продолжать свое путешествіе. Маленькая комната въ гостинницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее....

«Осипъ, *лежитъ на барской постели*. Чертъ побери, ѣсть такъ хочется, и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ да и только домой! Что ты прикажешь дѣлать? второй мѣсяцъ пошелъ какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты нужно въ каждомъ городѣ показать себя (*Дразнитъ его*): «Эй, Осипъ, ступай посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурнаго обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ». Добро бы, было въ самомъ дѣлѣ что нибудь путное, а то вѣдь Елистратишка простой. Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки: вотъ тебѣ и доигрался! Право на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше; возьмешь себѣ бабу да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну, кто-жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная; кеатры, собаки тебѣ танцуютъ, и все что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ—пойдешь на Щукинъ, купцы тебѣ кричатъ—почтенный; на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ, ступай въ лавку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда

значитъ на небѣ, такъ вотъ какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! (*усмѣхается и трясетъ головою*). Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь; всякой тебѣ говоритъ *вы*. Наскучило итти, берешь извощика и сидишь себѣ какъ баринъ; а не хочешь заплатить ему,—изволь: у каждаго дома есть сквозные ворота и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать—и куды?—пошелъ кутить: ѣздить на извощикѣ, каждый день ты доставай въ кеатръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю—глядь и посылаетъ на Толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ, что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка, ей Богу правда! И сукно такое важное, Аглицкое: рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать, а о брюкахъ и говорить нечего, ни по чемъ идутъ. А отчего? оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того чтобы на должность, а онъ идетъ гулять по прошпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, еслибъ узналъ это старый баринъ. Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бы четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи: вотъ трактирщикъ сказалъ,—что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее. Ну а коли не заплатимъ? (*со вздохомъ*). Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какіе-нибудь щи. Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится, вѣрно онъ идетъ. (*Поспѣшно схватывается съ постели*). **Хлестаковъ.** На, пріими это (*отдаетъ фуражку и тросточку*). А, опять валялся на кровати. **Осипъ.** Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что-ли? **Хлестаковъ.** Врешь, валялся; видишь вся всклочена. **Осипъ.** Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать? **Хлестаковъ** (*ходитъ по комнатѣ*). Посмотри тамъ въ картузѣ табаку нѣтъ? **Осипъ.** Да гдѣ жъ ему быть, табаку? Вы еще четвертаго дня послѣднее выкурили.

Хлестаковъ (*ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои зубы. Наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ*). Послушай, эй, Осипъ! **Осипъ.** Чего изволите? **Хлестаковъ** (*громкимъ, но не рѣ-*

шительнымъ голосомъ). Ты ступай туда. **Осипъ.** Куда? **Хлестаковъ,** (*голосомъ вовсе не рѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ*). Впизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать. **Осипъ.** Да нѣтъ, я и ходить не хочу. **Хлестаковъ.** Какъ ты смѣешь, дуракъ! **Осипъ.** Да такъ, все равно хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать. **Хлестаковъ.** Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ! **Осипъ.** Еще говоритъ—и къ городничему пойду, третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы де съ барином, говоритъ, мошенники и баринъ твой плутъ. Мы де, говоритъ, этакихъ широмыжниковъ видали. **Хлестаковъ.** А ты такъ ужъ и радъ сейчасъ пересказывать. **Осипъ.** Говоритъ—этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя. Я, говоритъ, шутить не буду; я прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму. **Хлестаковъ.** Ну, ну, ну, дуракъ, полно. Ступай, ступай, скажи ему. **Осипъ.** Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ. **Хлестаковъ.** На что жъ хозяина! Ты поди самъ скажи. **Осипъ.** Да, право, сударь... **Хлестаковъ.** Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина. (*Осипъ уходитъ*). **Хлестаковъ** (*одинъ*). Ужасно какъ хочется ѣсть. Такъ, немножко пощелся: думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ, нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да селибъ въ Пензѣ и не покутилъ, стало бы доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ больше всего меня поддѣлъ, однако жъ что ни говори, а удивительно, бестія, штосы срѣзываетъ. Всего какихъ нибудь четверть часа посидѣлъ и все обобралъ. Славно играетъ. Если бы еще гдѣ-нибудь съ нимъ встрѣтиться; на это все нуженъ случай. Когда бы въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой: надоѣло въ дорогѣ! Нарочно такой мерзкій городишка: въ другихъ по крайней мѣрѣ что-нибудь бываетъ, а здѣсь ничего совершенно нѣтъ. Въ овощной лавкѣ балыки еще сносные, но проклятые сидѣльцы очень мало даютъ на пробу (*насвистываетъ сначала изъ Роберта, потомъ „Не шей ты мнѣ, матушка“, а наконецъ ни сё ни то*). Никто не хочетъ идти».

Въ этомъ уѣздномъ городѣ ожидаютъ ревизора, который долженъ пріѣхать инкогнито. Городничій, почтмейстеръ, судья, попечитель богоугодныхъ заведеній и прочіе чиновники, всѣ крѣпко нечистые на руку, со страху или, точнѣе съ дуру, принимаютъ Хлестакова за этого ревизора, водятъ его по городу, подчиваютъ и даютъ ему денегъ *въ займы*, чтобы увлечь страшнаго человѣка въ

свою пользу и заставить его смотрѣть сквозь пальцы на упущенія и безпорядки по ихъ службѣ. Видя ихъ готовность одолжать деньгами, Хлестаковъ такъ разлакомился на взяткахъ, что уже не спрашиваетъ приходящихъ къ нему, кто они таковы, а съ перваго слова, требуетъ съ нихъ подати. Два помѣщика, два провинціальные оригинала, живущіе въ уѣздномъ городѣ и неприкосновенные къ службѣ, Петръ Ивановичъ Добчинскій и Петръ Ивановичъ Бобчинскій, являются къ нему съ почтеніемъ въ самую минуту этого грабительскаго расположенія духа и здѣсь-то есть сцена высочайшей комики, которая не обезобразила бы Мольера «Мѣщанина во дворянствѣ». **Бобчинскій.** Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ Ивановичъ сынъ Бобчинскій. **Добчинскій.** Помѣщикъ Петръ Ивановичъ сынъ Добчинскій. **Хлестаковъ.** А! да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, по утру упали въ гостинницѣ: что, какъ вашъ носъ? **Добчинскій.** Слава Богу! не извольте безпокоиться: присохъ теперь, совсѣмъ присохъ. **Хлестаковъ.** Хорошо, что присохъ. Я радъ... (*вдругъ и отрывисто*). Денегъ нѣтъ у васъ? **Бобчинскій.** Денегъ? Какъ денегъ? **Хлестаковъ** (*громко и скоро*). Въ займы рублей тысячу. **Бобчинскій.** Такой суммы, ей Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ? **Добчинскій** Нѣтъ, а если есть, то въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія. **Хлестаковъ** Досадно... Ну, если тысячи нѣтъ, въ такомъ случаѣ хоть рублей сто. **Бобчинскій.** У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня только двадцать пять. **Добчинскій**—(*смотря въ бумажникъ*). Сорокъ ассигнаціями. **Бобчинскій.** А у меня двадцати-пяти-рублевая. А вотъ можетъ-быть есть мелочь... Сейчасъ поищу (*копается въ карманахъ*). Три двугривенныхъ. **Хлестаковъ.** Ну, толковать объ этомъ впрочемъ нечего: какъ случилось, давайте! Все равно. Я вамъ это при первомъ случаѣ почту долгомъ возвратить (*принимаетъ ассигнаціи и двугривенные*). **Добчинскій.** Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства. **Хлестаковъ.** А что это? **Добчинскій.** Дѣло очень тонкаго свойства: старшій сынъ рожденъ мною еще до брака. **Хлестаковъ.** Да? **Добчинскій.** То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это какъ слѣдуетъ и завершилъ потомъ законными узами супружества. Такъ я хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ законнымъ моимъ сыномъ и назывался бы такъ, какъ я, Добчинскій. **Хлестаковъ.** Хорошо я.... *Добчинскій. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль очень: такой маль-*

чинка, большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные разсказываетъ, и этакъ, если гдѣ попадетъ ножикъ, то сейчасъ сдѣлаетъ маленькіе дрожечки такъ искусно, какъ лучшій фокусникъ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ!.. **Бобчинскій.** Да! большія способности имѣетъ. **Хлестаковъ.** Хорошо, хорошо; я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... и вы надѣйтесь, что все будетъ сдѣлано; я скажу министру (*обращаясь къ Бобчинскому*); не имѣете ли и вы чего нибудь сказать мнѣ? **Бобчинскій.** Какъ-же! Имѣю очень нижайшую просьбу. **Хлестаковъ.** А что, объ чемъ? **Бобчинскій.** Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите, что живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. **Хлестаковъ.** Очень хорошо. **Бобчинскій.** Да если, этакъ, и Государю придется, то скажите и Государю, что вотъ, молъ, Ваше Императорское Величество, въ такомъ то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. **Хлестаковъ.** Очень хорошо. **Добчинскій.** Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ. **Бобчинскій.** Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ. **Хлестаковъ.** Ничего, ничего. Мнѣ очень пріятно... (*выпроваживаетъ ихъ*).»

Обѣ эти сцены, и многія другія, не менѣе превосходныя, были замѣчены всѣми, но онѣ еще не столько намъ нравятся, какъ объясненіе между Хлестаковымъ и Маріей Антоновною, дочерью городничаго. Въ этой сценѣ такъ много истины и тонкаго наблюденія нравовъ класса, къ которому принадлежатъ оба дѣйствующія лица, она ведена такъ ловко и насмѣшливо, что мы почитаемъ ее, въ отношеніи къ искусству, лучшей въ цѣломъ сочиненіи, хотя она мало обратила на себя вниманія, быть-можетъ именно потому, что въ ней наиболѣе художественнаго достоинства. Авторъ нигдѣ не называетъ губерніи, въ которой лежитъ его уѣздный городъ: по этому городъ можетъ лежать всюду; но, судя по разнымъ чертамъ сцены, которую мы сейчасъ выпишемъ, онъ скорѣе долженъ находиться въ Малороссіи или Бѣлоруссіи, чѣмъ въ другой сторонѣ Россіи. Типъ Маріи Антоновны явно созданъ по мелкимъ дворянкамъ одной изъ этихъ двухъ провинцій. Хлестаковъ живетъ уже у городничаго. Марія Антоновна *сама* заходитъ въ комнату Петербургскаго гостя, какъ-будто невзначай.—**Марья Антоновна.** Ахъ! **Хлестаковъ.** Отчего вы такъ испугались, сударыня? **Марья Антоновна.** Нѣтъ, я не испугалась. **Хле-**

стаковъ (*рисуется*). Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ: куда вы намѣрены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла. **Хлестаковъ.** Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли? **Марья Антоновна.** Я думала, не здѣсь ли маменька....

Хлестаковъ. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли? **Марья Антоновна.** Я вамъ помѣшала! Вы занимались важными дѣлами. **Хлестаковъ** (*рисуется*). А ваши глаза лучше нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принесть удовольствіе. **Марья Антоновна.** Вы говорите по-столичному. **Хлестаковъ.** Для такой прекрасной особы какъ вы. Сдѣлайте милость садитесь, я никакъ не могу видѣть, чтобъ вы стояли. Вамъ должно не стулъ, а тронъ. **Марья Антоновна.** Право, я незнаю... мнѣ такъ нужно... (*сѣла*). **Хлестаковъ.** Какой у васъ прекрасный платочекъ. **Марья Антоновна.** Вы насмѣшники! Лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными. **Хлестаковъ.** Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку. **Марья Антоновна.** Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите; какой-то платочекъ... сегодня какая странная погода! **Хлестаковъ.** А ваши губки, сударыня, лучше нежели всякая погода! **Марья Антоновна.** Вы все говорите... Я бы васъ попросила, чтобы вы мнѣ написали лучше на память какіе нибудь стишки въ альбомъ. Вы вѣрно ихъ знаете много. **Хлестаковъ.** Для васъ, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ. **Марья Антоновна.** Какіе нибудь этакіе: хорошіе, новые. **Хлестаковъ.** Да что стихи! я много ихъ знаю. **Марья Антоновна.** Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишите? **Хлестаковъ.** Да къ чему же говорить! я и такъ ихъ знаю. **Марья Антоновна.** Я очень люблю ихъ.—**Хлестаковъ.** Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй я вамъ хоть это.—О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь человѣкъ... Ну, и другіе... теперь не могу припомнить; впрочемъ это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... (*придвигая стулъ*). **Марья Антоновна.** Любовь! я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь (*отодвигаетъ стулъ*). **Хлестаковъ** (*подвигая стулъ*). Отчего жъ вы отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу. **Марья Антоновна** (*отодвигаясь*). Для чего жъ *близко! Все равно и далеко.* **Хлестаковъ** (*придвигая*). Отчего жъ

далеко! Все равно и близко. **Марья Антоновна** (*отдвигается*). Да къ чему жъ это? **Хлестаковъ** (*придвигаясь*). Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко, а вы вообразите себѣ, что далеко... Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, еслибъ могъ прижать васъ въ свои объятія. **Марья Антоновна** (*смотритъ въ окно*). Что это такъ какъ будто бы полетѣло? Сорока или какая другая птица? **Хлестаковъ** (*цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно*). Это сорока. **Марья Антоновна** (*встаетъ въ негодованіи*). Нѣтъ, это ужь слишкомъ! Наглость такая!.. **Хлестаковъ** (*удерживая ее*). Простите, сударыня, я это сдѣлалъ отъ любви, точно отъ любви! **Марья Антоновна**. Вы почитаете меня за такую провинціалку... (*силится уйти*). **Хлестаковъ** (*продолжая удерживать ее*). Изъ любви, право изъ любви. Я такъ только пошутилъ. Марья Антоновна, не сердитесь! я готовъ на колѣнахъ у васъ просить прощенія (*падаетъ на колѣна*).

Анна Андреевна (*увидѣвъ Хлестакова, неуспѣвшаго встать на ноги и всплеснувъ руками*). Ахъ какой пассажъ! **Хлестаковъ** (*вставая*). А, чортъ возьми! **Анна Андреевна**. Признаюсь я, въ такомъ нахожусь... я не знаю... (*къ Марьѣ Андреевнѣ*). Что это ты вздумала? Съ кого ты это примѣръ взяла? **Хлестаковъ** (*вдругъ бросается на колѣна*). Анна Андреевна! влюбленъ, влюбленъ! Прошу руки Марьи Антоновны. **Анна Андреевна**. Ахъ, Боже мой, какъ же это! право такъ скоро. Да еще и на колѣнахъ стоите. **Хлестаковъ**. Руки, руки прошу! если не согласитесь умру, сейчасъ же умру, на этомъ самомъ мѣстѣ. Застрѣлюсь, на-пропалую застрѣлюсь. **Анна Андреевна**. Я право, не могу еще прійти въ себя... мы никакъ и не смѣемъ думать о такой чести. Вамъ нужна по крайней мѣрѣ графиня или княгиня. **Хлестаковъ**. О, мнѣ все равно! Я не слишкомъ гляжу на графинь. Если вы не рѣшитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; какъ честный человѣкъ увѣряю. Я рѣшительный человѣкъ, мнѣ жизнь копѣйка. **Анна Андреевна**. Ахъ, Боже мой, какъ вы меня пугаете! Отваживать жизнь свою, да еще такимъ страшнымъ образомъ. Встаньте... я согласна, только встаньте».

Показавъ столько достойнаго хорошей комедіи, въ отношеніи къ истинному комизму, самой трудной и высокой части Искусства, мы къ сожалѣнію должны сказать, что «Ревизоръ» г. Гоголя далеко не заслуживаетъ имени комедіи по своему плану и созданію. У г. Загоскина была идея, и хорошая комическая идея, у г. Гоголя идеи

нѣтъ никакой. Его сочиненіе даже не имѣетъ въ предметѣ нравовъ общества, безъ чего не можетъ быть настоящей комедіи: его предметъ—анекдотъ; старый, всѣмъ извѣстный, тысячу разъ напечатанный, разсказанный и обдѣланный въ разныхъ видахъ и на разныхъ языкахъ анекдотъ о томъ, какъ въ маленькомъ провинціальномъ городѣ, гдѣ, по обыкновенію всѣхъ вѣковъ и народовъ, кроются мелкіе административные безпорядки и злоупотребленія, чиновники по ошибкѣ приняли кого-нибудь за важное лицо, ѣдущее къ нимъ изъ столицы, испугались, начали хлопотать, прятать свои грѣхи, и потомъ оказалось, что все это вздоръ, ошибка, напрасный страхъ. Мы знаемъ нѣсколько піесъ и эпизодовъ въ романахъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Италіянскихъ изъ этого анекдота. Онъ былъ даже разсказанъ однажды Г. Вельтманомъ въ Б. для Ч. Этотъ родъ драматическихъ сочиненій, пока существовало уваженіе къ значенію словъ, называли не «комедіями» но pièces anecdotiques, «анекдотическими піесами». Въ подобныхъ піесахъ не можетъ быть характеровъ, потому что авторъ принужденъ заставлять свои лица дѣйствовать прямо въ смыслѣ анекдота, слѣдовать за нимъ неотступно, клонить все къ его уровню, и ему даже некогда и некуда вводить обстоятельства, создаваемыя воображеніемъ для развитія ими разныхъ характеровъ. Поэтому нѣтъ характеровъ и въ «Ревизорѣ», и автора должно упрекать не за то, что его лица безхарактерны, а скорѣе за то, что онъ не создалъ для себя предмета, но взялъ готовый изъ стараго анекдота. Всѣ недостатки въ планѣ піесы происходятъ отсюда. Въ ней нѣтъ ни завязки ни развязки, потому что это исторія одного извѣстнаго случая, а не художественное созданіе; завязка тутъ даже и не нужна, когда съ первыхъ сценъ напередъ знаешь развязку. Въ ней всѣ дѣйствующія лица плуты или дураки: оно и не могло быть иначе,—анекдотъ выдуманъ на плутовъ и дураковъ, и для честныхъ людей въ немъ даже нѣтъ мѣста: вотъ почему впечатлѣніе, которое онъ оставляетъ въ зрителѣ и читателѣ, вовсе несходно съ его понятіями о людяхъ и о обществѣ, состоящихъ всегда изъ смѣси дурнаго и хорошаго. Въ ней наконецъ нѣтъ страстей: что за страсти могутъ быть въ анекдотѣ, то есть, въ эпиграммѣ. О картинѣ Русскаго общества и говорить нечего: самый анекдотъ выдуманъ не въ Россіи. Административныя злоупотребленія въ мѣстахъ, отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ, существуютъ въ цѣломъ мірѣ, и нѣтъ никакой *достаточной причины* приписывать ихъ одной Россіи, перенося

анекдотъ на нашу землю и обставляя его одними только лицами нашего народа. Сверхъ того изъ злоупотребленій никакъ нельзя писать комедіи, потому что не нравы народа, не характеристика общества, но преступленія нѣсколькихъ лицъ, и они должны возбуждать не смѣхъ, а скорѣе негодованіе честныхъ гражданъ. Смѣшное пребываетъ въ обществѣ, а не въ приказѣ. Мы отъ души совѣтуемъ Г. Гоголю не писать болѣе комедій изъ анекдотовъ и административныхъ грѣховъ.

Одинъ или два недостатка въ планѣ могутъ быть еще приписаны уже не ошибочному выбору предмета, но самому сочинителю и его неопытности въ драматическомъ дѣлѣ. Чиновники города слишкомъ легкомысленно увѣряются въ томъ, что Хлестаковъ есть тотъ самый ревизоръ, котораго они ожидаютъ; можно было довести ихъ до этой увѣренности съ большею естественностью и большимъ правдоподобіемъ, и въ этомъ мѣстѣ, самомъ слабомъ во всей комедіи, Г. Гоголь явно не выполнилъ даже своего анекдота. При чтеніи піесы, которая иногда подавляетъ вниманіе кажущимися длиннотами именно оттого, что въ ней нѣтъ сильной завязки для его поддержанія, намъ приходила мысль, что этотъ недостатокъ легко было бы исправить введеніемъ еще одного женскаго лица. Оставаясь дней десять безъ дѣла въ маленькомъ городишкѣ, Хлестаковъ могъ бы приволокнуться за какой нибудь уѣздною барышней, пріятельницею или непріятельницею дочери городничаго, и возбудить въ ней нѣжное чувство, которое родило бы интересъ на всю піесу. Прибавивши къ двумъ первымъ актамъ двѣ или три сцены для этой любви, авторъ оживилъ бы остальную часть сочиненія интригою, которая въ четвертомъ дѣйствіи могла бы запутаться ревностью Марьи Антоновны и доставить комическому дарованію Г. Гоголя много забавныхъ чертъ соперничества двухъ провинціальныхъ барышенъ. Это отчасти поправило бы даже и пошлость анекдота. Мы предаемъ эту мысль благоуваженію автора, который, безъ сомнѣнія, захочетъ усовершенствовать свою первую піесу, уже столько приносящую ему чести, и сдѣлать изъ нея комедію не по одному заглавію.

*) «Ревизоръ». Комедія соч. Н. Гоголя. С.-Петербургъ. 1836.

Литературныя событія у насъ рѣдки. Литература наша кругообращается въ явленіяхъ, подходящихъ подъ стать обыкновенныхъ ежедневныхъ происшествій. Эти явленія скользятъ по вниманію читающей публики, не прорѣзывая глубокихъ слѣдовъ въ общественномъ мнѣніи. Развѣ только въ чрезполосномъ владѣніи журналистовъ возникаютъ по сему случаю тяжбы, обращающія минутное вниманіе однихъ литературныхъ присяжныхъ, или экспертовъ, которымъ также трудно сквозь шумъ, крики и брань понятыхъ вникнуть, о чемъ идетъ дѣло и есть-ли дѣйствительно дѣло въ спорѣ. Часто съѣдутся, шумятъ и чѣмъ-же кончатъ? Поднимутъ мертвое тѣло.... Высшая же власть, завѣдывающая этимъ родомъ дѣлъ, то есть образованная публика, принимаетъ все это просто къ свѣдѣнію безъ лицепріятія, безъ пристрастія, и тѣмъ свободнѣе, что все это—дѣло для нея постороннее. Развѣ случается писателямъ нашимъ задѣть публику за живое, касаясь предметовъ близкихъ къ ней. Писатели наши живутъ слишкомъ внѣ общества; они чужды общежитейскимъ отношеніямъ, понятіямъ, мнѣніямъ, нравственности высшаго круга читателей, то есть образованнѣйшаго; между тѣмъ не довольно положительны, добросовѣстны, чтобы дѣйствовать съ пользою на классы читателей, нуждающихся въ пищѣ простой, но сытой и здоровой. Они какой-то междоумокъ въ обществѣ: они пишутъ для людей, которые ихъ не читаютъ, или не имѣютъ нужды ихъ читать, и слѣдовательно читаютъ равнодушно и разсѣянно, а читаются тѣми, которые не могутъ судить ихъ. Тѣмъ болѣе литературное явленіе, выходящее изъ круга этихъ частныхъ и безжизненныхъ дѣйствій, потрясающее оба противоположные края читателей, рождаетъ у насъ дѣятельность необыкновенную. Каждый спѣшитъ дать голосъ свой, и неминуемымъ слѣдствіемъ того бываетъ разногласіе въ мнѣніяхъ. Драматическое произведеніе, а въ особенности комедія народная, или отечественная, принадлежитъ къ сему разряду явленій, которыя должны преимущественно обратить на себя общее вниманіе. О комедіи каждый въ правѣ судить; голоса о ней собираются не въ тишинѣ кабинета, не предъ зерцаломъ искусства, не по окончаніи медленной процедуры и примѣненія всѣхъ законовъ литературнаго кодекса; публика не выражаетъ, чтобы тотъ или другой трибуналъ, тотъ или другой журналъ,

*) „Современникъ“ 1836 г., томъ 2. (Статья В.).

тотъ или другой критикъ изслѣдовалъ дѣло и подписалъ приговоръ. Нѣтъ, голоса собираются по горячимъ слѣдамъ въ шумномъ партерѣ, гдѣ каждый, кто взнесъ законную долю установленнаго сбора, допускается къ судейскимъ кресламъ и рядитъ и судитъ за свои деньги о дѣлѣ, подлежащемъ общему сужденію. У насъ и въ этомъ отношеніи авторы съ удивительною ловкостію умѣютъ обыкновенно избѣгать прямой встрѣчи и тѣснаго столкновенія съ публикою. Большая часть Русскихъ комедій также дѣло для нея постороннее: это снимки съ картинъ чужой или вымышленной природы. Въ подобныхъ снимкахъ можетъ идти дѣло о искусствѣ художника въ исполненіи, но нѣтъ рѣчи о жизни, о вѣрности, о природномъ сочувствіи. Тѣмъ болѣе комедія, выходящая изъ круга сихъ заимствованій, вымысловъ, или поддѣлокъ, должна произвести общее, сильное и разнородное впечатлѣніе. Мало было у насъ подобныхъ комедій: Бригадиръ, Недоросль, Ябеда, Горе отъ Ума—вотъ, кажется, верхушки сего тѣснаго отдѣленія литературы нашей. «Ревизоръ» занялъ мѣсто въ слѣдъ за ними. Комедія сія имѣла полный успѣхъ на сценѣ: общее вниманіе зрителей, рукоплесканія, задушевный и единогласный хохотъ, вызовъ автора послѣ двухъ первыхъ представленій, жадность публики къ послѣдовавшимъ представленіямъ и, что всего важнѣе, живой отголосокъ ея, раздававшійся послѣ въ повсемѣстныхъ разговорахъ,—ни въ чемъ не было недостатка. Въ чтеніи комедія выдержала театральный успѣхъ, если еще не превзошла его, что и должно быть въ комедіи, писанной съ умомъ и талантомъ, съ истинною комическою веселостью, но съ меньшею заботливостью о игрѣ и сшибкахъ драматическихъ внезапностей. Въ семъ отношеніи, замѣтимъ мимоходомъ, «Ревизоръ» приблизившійся характеристическимъ достоинствомъ своимъ къ вышеупомянутымъ исключеніямъ изъ Русскаго театра, приближается къ нимъ и тѣмъ, что можно было бы наименовать недостатками ихъ, еслибъ сіи недостатки не составляли общей принадлежности и литературы нашей. Но о семъ рѣчь впереди и въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ какъ успѣхъ «Ревизора» ни былъ блистателенъ, а все же не можетъ онъ не быть затмѣваемъ нѣкоторыми оговорками, критическими замѣчаніями и осужденіями. Охотно и предварительно соглашаемся за глаза со всѣми критиками настоящими, прошедшими и будущими, что въ сей комедіи встрѣчаются погрѣшности, и спросимъ у нихъ: знаютъ ли они хотя одно литературное твореніе, которое вышло бы совершенныхъ изъ рукъ творца

своего?... Чисто—литературные споры почти всегда безполезны, потому что въ спорахъ о изящности художническаго произведенія трудно, если не рѣшительно невозможно, провести споръ къ окончательному заключенію. Есть что-то ребяческое въ важности, съ которою аристархи литературные спѣшатъ наложить клеймо свое на каждое новое литературное явленіе. Имъ кажется, что безъ ихъ отмѣтки твореніе не додѣлано и ждетъ отъ нихъ законнаго вида.

Общія замѣчанія о комедіи Г. Гоголя можно подвести подъ три отдѣленія: литературное, нравственное и общественное. Въ изслѣдованіи сихъ замѣчаній и въ возраженіяхъ на оныя обратимъ мы болѣе вниманія на то, что было говорено о «Ревизорѣ», нежели на то, что было о немъ писано: во-первыхъ, потому, что безполезность замѣчаній чисто-литературныхъ уже нами оцѣнена, во-вторыхъ, потому, что въ разговорахъ Русскихъ гораздо болѣе ума, нежели въ журнальныхъ Русскихъ статьяхъ. Вообще умъ нашъ натуры изустной, а не письменной. Къ тому же въ спорѣ гостиныхъ рѣчь идетъ о мнѣніяхъ: въ спорѣ журналовъ—о личности. Съ журналами спорить нельзя, по той же причинѣ, по которой Карамзинъ не отвѣчалъ ни на одну критику, хотя онъ и любилъ спорить. Есть люди, которые жаркіе спорщики въ своемъ кругу и вмѣстѣ съ тѣмъ миролюбивы и безотвѣтны на толкучемъ рынкѣ.

Обратимся къ замѣчаніямъ.

Нѣкоторые говорятъ, что «Ревизоръ» не *комедія*, *а фарса*. Дѣло не въ названіи: можно написать геніальную фарсу и пошлую комедію. Къ тому же въ «Ревизорѣ» нѣтъ ни одной сцены въ родѣ *Скапиновыхъ Обмановъ*, *Доктора по неволѣ Пурсоньяка*, или Расиновыхъ: les Plaideurs: нѣтъ нигдѣ вымышленной каррикатуры, переодѣваній и пр. и пр. За исключеніемъ паденія Бобчинскаго и двери, нѣтъ ни одной минуты, сбивающейся на фарсу. Въ «Ревизорѣ» есть каррикатурная природа: это дѣло другое. Въ природѣ не все изящно; но въ подражаніи природѣ не изящной можетъ быть изящность въ художественномъ отношеніи. Смотрите на картины Теньера, на корову Поль-Потера, и спросите послѣ: какъ могло возвышенное искусство посвятить кисть свою на подобные предметы? Неужели не нашло оно въ природѣ ничего лучшаго и достойнѣйшаго, какъ пьяные мужики и дородная корова? Вы можете быть правы по совѣсти своей, но любитель живописи и знатокъ въ карти-

нахъ заплатитъ большія деньги за корову весьма невѣжливую,

и за Теньера, который каждую картину свою скрѣпляетъ однимъ дѣйствующимъ лицемъ подъ пару помянутой коровѣ, и предоставитъ вашему цѣломудренному вкусу пріобрѣтеніе благородныхъ картинъ Анжелики Кауфманнъ. Разумѣется, «Ревизоръ» не *высокая* комедія, въ смыслѣ *Мизантропа* или *Тартюфа:* тутъ не выводятся на сцену лица придворныя, ни даже гостинныя. Сцена въ уѣздѣ. Авторъ однимъ выборомъ сцены даетъ уже вамъ мѣру и свойство требованій, на кои онъ берется отвѣтствовать. Перенести такъ называемую *высокую комедію* въ уѣздный городокъ было бы уже признакомъ необдуманности и неблагоразумія автора.—Говорятъ, что языкъ низокъ. Высокое и низкое высоко и низко по сравненію и отношенію: низкое, когда оно на мѣстѣ, не низко: оно въ пору и въ мѣру. Но вы, милостивые государи, любите только ту комедію, которая во Французскомъ кафтанѣ при шпагѣ съ стальнымъ эфесомъ, или по крайней мѣрѣ въ черномъ фракѣ и въ башмакахъ, изъясняется александрійскими стихами, или по крайней мѣрѣ академическою и благородною прозою? Прекрасно! Какъ тутъ противъ васъ и спорить? Слава Богу, мы не дожили еще до такой глупости, чтобъ готовы были смѣяться надъ трудами Расина и Мольера и ставить ни во что хотя бы и Лагарпа. Мы соглашаемся, что вы имѣете за себя голоса и авторитетъ, которые каждый благоразумный и чему нибудь учившійся человѣкъ признаетъ, если не исключительно и безусловно, то по крайней мѣрѣ почтительно, съ чувствомъ уваженія и любви къ предкамъ, коихъ заслуги не утрачены и нынѣ, ибо настоящее есть наслѣдіе прошедшаго. Ваши требованія доказываютъ, что вы придерживаетесь *традицій* классическаго вѣка, почерпнули ихъ въ ученіи, или свыклись съ ними въ кругу образованнаго общества: это также въ глазахъ нашихъ не бездѣлица, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые ставятъ ни во что аристократическія традиціи гостиныхъ вѣка Людовика XIV или Екатерины II. Но съ другой стороны, или именно по сей же самой терпимости, которую мы исповѣдуемъ какъ законъ истинной образованности, мы не ограничиваемся заколоченнымъ наглухо и единожды навсегда кругомъ дѣйствій, нравовъ, событій, формъ образцовыхъ и непреложныхъ. Нѣтъ, мы въ искусствѣ любимъ просторъ. Мы полагаемъ, что гдѣ есть природа и истина, тамъ вездѣ можетъ быть и изящное подраженіе оной. А тамъ уже дѣло вкуса, или правильнѣе вкусовъ, избирать любое для подражанія и въ подражаніяхъ. Между тѣмъ не излишнимъ будетъ замѣтить почитателямъ

классическихъ преданій, что Фонъ-Визинъ читалъ своего *Бригадира* и своего *Недоросля* при просвѣщенномъ и великолѣпномъ дворѣ Екатерины II. «Такъ»—скажутъ они,—но въ этихъ комедіяхъ при дурномъ обществѣ, въ нихъ собранномъ, встрѣчаются за то и *Добролюбовы*, *Стародумы*, *Милоны* и добродѣтельныя Софьи, а въ «Ревизорѣ» нѣтъ ни одного *Добролюбова*, хоть для примѣра. «Согласны»; но вотъ маленькая оговорка: когда играли «Недоросля» при Императрицѣ и послѣ предъ публикою, то немилосердно сокращали благородныя роли *Стародума и Милона*, потому что онѣ скучны и неумѣстны, сохранились же въ неотъемлемой цѣлости низкія роли *Скотинина*, *Простаковыхъ*, *Кутейкина*, не смотря на нравы ихъ вовсе неизящные и на языкъ ихъ вовсе не *академическій*. При однихъ добродѣтельныхъ лицахъ своихъ, при лицахъ высокой комедіи Фонъ-Визинъ остался бы незамѣченнымъ комическимъ писателемъ, не читалъ бы своихъ комедій Екатеринѣ Великой и не былъ бы и понынѣ типомъ Русской комической оригинальности. Вывезли его къ безсмертію лица, которыя также не выражаютъ ни одного благороднаго чувства, ни одной свѣтлой мысли, ни одного въ человѣческомъ отношеніи отраднаго слова. А не въ отсутствіи ли всего этого обвиняете вы лица, представленныя Г-мъ Гоголемъ?

Другіе говорятъ, что въ «Ревизорѣ» нѣтъ правдоподобія, вѣрности, потому что комедія есть описаніе нравовъ и обычаевъ извѣстной эпохи, а въ сей комедіи нѣтъ надлежащей опредѣленности. Слѣдовательно, гдѣ зрителю нельзя узнать по лицу и платью, кто какого прихода и въ которомъ году онъ родился, тамъ нѣтъ и комедіи? Кто-то сказалъ, что комедія есть исторія общества; а здѣсь вы отъ комедіи требуете и статистики! Позвольте же спросить теперь: а комедія, въ которой просто описанъ человѣкъ съ страстями, съ слабостями, съ пороками своими, напримѣръ, скупой, ревнивый, игрокъ, тщеславный—эти типы, которые не принадлежатъ исключительно ни тому ни другому столѣтію, ни тому ни другому градусу долготы и широты, а просто человѣческой природѣ и Адамову поколѣнію, развѣ они нейдутъ въ комедію? Берегите свое правило для исторической комедіи, или анекдотической, но не прикладывайте его къ комедіи вообще.

Кто говоритъ, что коренная основа «Ревизора» не правдоподобна, что Городничій немогъ такъ легковѣрно вдаться въ обманъ, а долженъ *былъ потребовать* подорожную, и проч. Конечно такъ; но ав-

торъ въ этомъ случаѣ помнилъ болѣе Психологическую пословицу, чѣмъ полицейскій порядокъ, и для комика, кажется, не ошибся. Онъ помнилъ, что *у страха глаза велики*, и на этомъ укрѣпилъ свою басню. Къ тому же и минуя пословицу, въ самой сущности дѣла нѣтъ ни малѣйшаго насилія правдоподобію. Извѣстно, что Ревизоръ пріѣдетъ *инкогнито*, слѣдовательно можетъ пріѣхать подъ чужимъ именемъ. Извѣстіе о пребываніи въ гостинницѣ неизвѣстнаго человѣка падаетъ на Городничаго и сотоварищей его въ критическую минуту *паническаго страха*, по прочтеніи роковаго письма. Далѣе, почему не думать Городничему, что у Хлестакова двѣ подорожныя, два *вида*, изъ коихъ настоящій будетъ предъявленъ когда нужно? Тутъ нѣтъ никакой натяжки въ предположеніи автора: все натурально. Дѣйствіе, производимое столичнымъ жителемъ въ глуши уѣзднаго городка, откуда, по словамъ Городничаго, *хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь*, представляетъ комику обширное поприще для *сбыточныхъ невѣроятностей*. Самохвальство, ложь, пустословіе столичныя обдаютъ трепетомъ и легковѣріемъ людей и благоразумныхъ, по необразованныхъ:—подобная *мистификація* сбыточна вездѣ. Свѣтскіе самозванцы, пройдохи, шарлатаны являются и во Франціи и въ Англіи, и обманываютъ народъ. Въ одной изъ нашихъ губерній, и не отдаленной, былъ дѣйствительно случай подобный описанному въ «Ревизорѣ». По сходству фамиліи, приняли одного молодаго проѣзжаго за извѣстнаго государственнаго чиновника. Все городское начальство засуетилось и пріѣхало къ молодому человѣку *являться*. Не знаемъ, случилась-ли ему тогда нужда въ деньгахъ, какъ проигравшемуся Хлестакову, но вѣроятно нашлись бы заимодавцы. Все это въ порядкѣ вещей, не только въ порядкѣ комедіи.

Есть критики, которые недовольны языкомъ комедіи, ужасаются простонародности его, забывая что языкъ сей свойственъ выведеннымъ лицамъ. Тутъ авторъ не суфлеръ дѣйствующихъ лицъ, не онъ подсказываетъ имъ свои выраженія: авторъ стенографъ. Вѣроятно, можно найти нѣкоторыя неисправности, сорвавшіяся съ пера писателя; но смѣшно же грамматически ловить слова въ комедіи. Главное въ писателѣ есть слогъ: если онъ имѣетъ выразительную физіономію, на коей отражаются мысль и чувство писателя, то сочувствіе читателей живо отзывается на голосъ его. Можетъ быть, *словоловы* и правы, и языкъ Г. Гоголя не всегда безошибочень, но

слогъ его вездѣ замѣчателенъ. Впрочемъ трудно и угодить на литературныхъ словолововъ. У котораго-то изъ нихъ уши покраснѣли отъ выраженій *супъ воняетъ*, *чай воняетъ рыбой*. Онъ увѣряетъ, что теперь и порядочный лакей того не скажетъ. Да мало ли того, что скажетъ и чего не скажетъ лакей? Не ужь-ли писателю ходить въ лакейскія справляться, какія слова тамъ въ чести и какія не въ употребленіи? Такъ, если онъ описываетъ лакейскую сцену: но иначе къ чему же? Напримѣръ, *Осипъ* въ «Ревизорѣ» говоритъ чисто лакейскимъ языкомъ, лакея въ немъ слышимъ деревенскаго, который прожилъ нѣсколько времени въ столицѣ: это дѣло другое. Впрочемъ критикъ, можетъ быть, и правъ; въ этомъ случаѣ мы спорить съ нимъ не будемъ. *Порядочный лакей*, то есть, что называется un laquai endimmanché точно, можетъ быть, постыдится сказать: *воняетъ*, но *порядочный человѣкъ*, то есть благовоспитанный, смѣло скажетъ это слово и въ гостиной и предъ дамами. Извѣстно, что люди высшаго общества гораздо свободнѣе другихъ въ употребленіи *собственныхъ словъ:* жеманство, чопорность, щепетность, оговорки, отличительные признаки людей—не живущихъ въ хорошемъ обществѣ, но желающихъ корчить хорошее общество. Человѣкъ, въ сферѣ гостиной рожденный, въ гостиной—у себя, дома: садится ли онъ въ кресла? онъ садится какъ въ свои кресла; заговоритъ ли? онъ не боится проговориться. Посмотрите на провинціяла, на выскочку: онъ не смѣетъ присѣсть иначе, какъ на кончикѣ стула: шевелитъ краемъ губъ, кобенясь, извивается вычурными фразами нашихъ правоучительныхъ романовъ, не скажетъ слова безъ прилагательнаго, безъ оговорки. Вотъ отъ чего многіе критики наши, добровольно подвизаясь на защиту хорошаго общества и непарушимости законовъ его попадаютъ въ такіе смѣшные промахи, когда говорятъ, что такое-то слово неприлично, такое-то выраженіе невѣжливо. Охота имъ мѣшаться не въ свои дѣла! Пускай говорятъ они о томъ, что знаютъ; рѣдко будетъ имъ случай говорить,—это правда, но за то могутъ говорить дѣльнѣе. Можно быть очень добрымъ и разсудительнымъ человѣкомъ, и не имѣть доступа въ высшее общество. Смѣшно хвастаться тѣмъ, что судьба, что рожденіе приписали васъ къ этой области; но не менѣе смѣшно, если не смѣшнѣе, не уроженцу, или не получившему права гражданства въ ней, толковать о нравахъ, обычаяхъ и условіяхъ ея. Что вамъ за нея рыцарствовать? Эта *область сама умѣетъ* стоять за себя, сама умѣетъ приводить въ дѣй-

ствіе законы своего покровительства и остракизма. Все это не журнальное дѣло. У васъ уши вянутъ отъ языка «Ревизора»: а лучшее общество сидитъ въ ложахъ и въ креслахъ, когда его играютъ; брошюрка «Ревизора» лежитъ на модныхъ столикахъ работы Гамса. Не смѣшно ли, не жалко-ли съ желудкомъ натощакъ гнѣваться на повара, который позволилъ себѣ поставить недовольно утонченное кушанье на столъ, за коимъ нѣтъ намъ прибора?....

Въ понятіяхъ о нравственности книги или человѣка, казалось бы, спорить не о чемъ и не съ кѣмъ. Нравственность, нравственное чувство, нравственная совѣсть должны быть одинаковы у всѣхъ нравственныхъ и добросовѣстныхъ людей. Такъ! но въ этомъ отношеніи рѣчь идетъ болѣе *о нравоученіи*, нежели о нравственности, болѣе о средствахъ преподавать ее и дѣйствовать именемъ ея на умы и сердца людей. Тутъ можетъ быть разногласіе. Напримѣръ, говорятъ, что «Ревизоръ»—комедія безнравственная, потому что въ ней выведены одни пороки и глупости людскія, что уму и сердцу не на комъ отдохнуть отъ негодованія и отвращенія; нѣтъ свѣтлой стороны человѣчества для примиренія зрителей съ человѣчествомъ, для назиданія ихъ, и проч. О нравственности или нравоученіи литературныхъ произведеній много было говорено. Кажется, г. Баратынскій въ предисловіи къ поэмѣ *Цыганка* изслѣдовалъ сей вопросъ самымъ удовлетворительнымъ и убѣдительнѣйшимъ образомъ.

Съ нашей стороны, совершенно съ нимъ соглашаясь, мы признаемъ безнравственнымъ сочиненіемъ только то, которое вводитъ въ соблазнъ и въ искушеніе. Равнодушное, безпристрастное изложеніе самаго соблазна можетъ не быть безнравственно. Авторъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ Провидѣнію, допускаетъ зло, предоставляя внутренней волѣ и совѣсти читателя и зрителя пользоваться представленнымъ урокомъ по своимъ чувствамъ и правиламъ. Не должно забывать, что есть литтература взрослыхъ людей и литтература малолѣтныхъ: каждый возрастъ имѣетъ свою пищу. Конечно, между людьми взрослыми бываютъ и такіе, которые любятъ быть до старости подъ указкою учителя; говорите имъ внятно: вотъ это дѣлайте! а того не дѣлайте! за это скажутъ вамъ: най дитя; погладятъ по головкѣ и дадутъ сахарцу. За другое: фи дитя, выдерутъ за ухо, и поставятъ въ уголъ! Но какъ же требовать, чтобы каждый художникъ посвятилъ себя на должность школьнаго учителя или дядьки? На что вамъ честные люди въ комедіи, если они не входили въ планъ комическаго писателя?

Онъ въ извѣстную минуту, въ данномъ положеніи взглянулъ на нѣсколькихъ лицъ—и нарисовалъ ихъ въ томъ видѣ, съ тѣми оттѣнками свѣта и тьмы, какъ они представились взору его. Комедія не всеобщая исторія, не всеобщая картина человѣчества или общества, даже не романъ, не біографія. Комедія—отрывокъ; а вы въ отрывкѣ требуете многосложнаго и полнаго объема! Не ужь-ли изъ того, что комикъ не вывелъ ни одного честнаго человѣка, слѣдуетъ заключить, что авторъ имѣлъ цѣлью доказать, что честныхъ людей вовсе нѣтъ? Живописецъ представляетъ вамъ сцену разбойниковъ и убійцъ; вамъ этого не довольно: для нравственной симметріи, вы требуете, чтобы на первомъ планѣ былъ выведенъ человѣкъ, который отдаетъ полный кошелекъ свой нищему; иначе зрѣлище слишкомъ прискорбно и тяжело дѣйствуетъ на нервы ваши. Вы и въ театрѣ не можете просидѣть двухъ часовъ безъ того, чтобы не явился вамъ хотя одинъ честный человѣкъ, одинъ герой добродѣтели, именно герой; ибо въ представленіи просто добраго человѣка, который былъ бы тутъ только для показа, лицемъ безстрастнымъ и бездѣйствующимъ не было бы никакой цѣли; нѣтъ, нужна сопротивная сила для отпора и сокрушенія порочныхъ;—однимъ словомъ нужна вамъ драма съ полнымъ спектаклемъ, весь театральный міръ: «барыня требуетъ» весь туалетъ! Да.... помилуйте, въ жизни и въ свѣтѣ не два часа просидишь иногда безъ благороднаго, утѣшительнаго сочувствія. Автору не мудрено вывести вамъ цѣлый легіонъ честныхъ людей, имѣющихъ патентованное право на премію добродѣтели, установленную филантропомъ Монтіономъ: да что будетъ вамъ отъ ихъ пользы? Въ театрѣ до сыта негодуйте надъ негодными и смѣйтесь надъ глупцами, если они выведены вамъ на глаза. Добрыхъ и порядочныхъ людей ищите для себя, вышедши изъ театра: тогда они будутъ вамъ нужнѣе, и еще пріятнѣе послѣ впечатлѣній, оставленныхъ въ васъ сценическими лицами. Кто изъ зрителей «Ревизора» пожелалъ бы быть Хлестаковымъ, Земляникою, Шпекинымъ или даже и невинными Петрами Ивановичами Добчинскимъ и Бобчинскимъ? Вѣрно, никто! Слѣдовательно, въ дѣйствіи, производимомъ комедіею, нѣтъ ничего безнравственнаго. Можетъ быть дѣйствіе, впечатлѣніе непріятное, какъ во всякой сатирѣ, изображающей неудачи общества: это дѣло другое и слѣдствіе неминуемое; но это непріятное дѣйствіе умѣрено смѣхомъ. Слѣдовательно, условія искусства выдержаны, комикъ

прав

Сущность *общественныхъ* замѣчаній, слышанныхъ нами о «Ревизорѣ» сбиваются во многомъ на вышеприведенныя замѣчанія. Говорятъ, что эта комедія, это изображеніе нравовъ—поклепъ на Русское общество, что нѣтъ ни одного уѣзднаго города въ Россіи, который могъ бы представить подобное жалкое сборище людей: перебираютъ въ Зябловскомъ и Арсеньевѣ всѣ уѣзды Великороссійскихъ, Малороссійскихъ, Западныхъ и Восточныхъ губерній, и заключаютъ, что нѣтъ такого города въ государствѣ. Слѣдовательно, комедія—ложь, клевета, несбыточный и недозволительный вымыселъ! Опять статистическія требованія отъ комика, опять жалобы на драматическаго Дюпена. Да кто же сказалъ вамъ, что авторъ мѣтилъ на такой-то городъ? Что за пристрастный вопросъ, повальный обыскъ таланту? Зачѣмъ искать оскорбленія народному честолюбію въ шуточномъ вымыслѣ автора?... Есть ли на бѣломъ свѣтѣ люди похожіе на тѣхъ, которые выведены въ Комедіи? Безспорно, есть. Довольно этого! Что за дѣло, что комикъ подмѣтилъ одного изъ нихъ на берегу Волги, другаго на Днѣпрѣ, третьяго на Двинѣ, и собралъ ихъ во едино, какъ живописецъ собралъ нѣсколько красавицъ въ одну свою Венеру? Не ужь-ли слѣдовало автору гнать зрителей своихъ по почтѣ изъ губерніи въ губернію, чтобы не ввести васъ въ недоумѣніе и пощадить щекотливость? Между тѣмъ зачѣмъ же увеличивать и вымышленное зло? Зачѣмъ клепать и на сценическія лица? Они болѣе смѣшны, нежели гнусны: въ нихъ болѣе невѣжества, необразованности, нежели порочности. Хлестаковъ—вѣтренникъ, а впрочемъ, можетъ быть, и добрый малой; онъ не взяточникъ, а заемщикъ, нѣсколько легкій на руку, это правда, но однако же не нечистый на руку! Различіе это ясно обозначено въ лицѣ его. Прочія лица даютъ ему деньги, потому что онъ денегъ отъ нихъ проситъ. Гдѣ же видано, чтобъ люди отказывались услужить человѣку въ нуждѣ, когда этотъ человѣкъ можетъ быть имъ полезенъ? все это натурально; все это такъ водится, не только въ глуши Русскаго уѣзднаго городка, но и вездѣ, гдѣ живутъ люди. «Басня Ревизора» не утверждена какомъ нибудь гнусномъ дѣйствіи: тутъ нѣтъ утѣсненія невинности въ пользу сильнаго порока, нѣтъ продажи правосудія, какъ, напримѣръ, въ комедіи Капниста: *Ябеда....*» (Далѣе, для подтвержденія своего мнѣнія, критикъ приводитъ нѣсколько выписокъ изъ «Ябеды» Капниста).*)

*) Сюда не вошли двѣ критическія статьи 1836 года: изъ „Современника“ (томъ III), „Замѣтки на статью Гоголя“ А. Б. (П. А. Плетнева) и изъ Лите-

1841 г.

*) **Ревизоръ**, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, *соч. Н. Гоголя*. Изд. 2-е, пополненное, съ приложеніями. Москва. Въ Типографіи Н. Степанова. 1841. Въ 8-ю д. л. 230 стр.

Наконецъ давно-обѣщанное второе изданіе «Ревизора» появилось и въ Петербургѣ. Поздравляя русскую публику съ такимъ прекраснымъ подаркомъ, предоставляемъ себѣ поговорить о немъ по подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отеч. Записокъ.» Пока замѣтимъ только одно грустное обстоятельство,—что въ настоящее время драгоцѣнные подарки русской публикѣ состоятъ или изъ повыхъ изданій старыхъ сочиненій, или изъ переводовъ... Новое изданіе «Ревизора» напечатано опрятно, красиво, и, сверхъ вновь-написанныхъ сценъ, заключаетъ, въ приложеніяхъ, сцены, исключенныя авторомъ изъ перваго изданія, изъ которыхъ одна (между городничихою и ея дочерью) является здѣсь въ первый разъ; потомъ сцены стараго изданія, исправленныя въ новомъ, и наконецъ письмо автора «Ревизора» къ одному изъ знакомыхъ въ Москву, послѣ представленія комедіи на петербургскомъ театрѣ. Письмо это весьма замѣчательно, какъ взглядъ и притомъ глубоко-критическій взглядъ автора на свое произведеніе.

* * *

) **Ревизоръ, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, *Н. Гоголя*. Изд. 2-е. Москва. Въ типогр. Н. Степанова. 1841. Въ 8-ку.

(*Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» къ одному литератору*).

.... Ревизоръ сыгранъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно.... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облегло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ

ратурная прил. къ „Русскому Инвалиду“ (№№ 59—60, стр. 475—480), статья П. Серебрянаго. *Примѣч. В. Зеленскаго.*

*) „Отечественныя Записки“ 1841 г., т. XVIII, отд. VI. „Библіографическая хроника.“

**) „Москвитянинъ“ 1841 г., часть III, № 6, отдѣлъ: „Критика“. Статья Н. В. Гоголя.

родѣ Альпаскарова, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуповъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться изъ Парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался просто обыкновеннымъ вралемъ, блѣдное лицо, въ продолженіи двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни и намека въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надувается; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ, видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ—и потому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно, и говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину;—и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, если-бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталантныхъ актеровъ, и сказалъ-бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкій, совершенный comme il faut, умный и даже пожалуй добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски—театрально, онъ лжетъ съ чувствомъ, въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни—почти родъ вдохновенія. И хоть-бы что нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физіономіи, рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно несравненно легче каррикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицъ-мундирахъ съ потертыми воротниками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны, и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга—дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который по видимому ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа,

или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная неизмѣняемая, чорствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать въ самомъ дѣлѣ, Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключаетъ въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены между прочимъ хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ-бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто нибудь на него пальцемъ, и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типъ многаго разбросаннаго въ разныхъ Русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только конечно въ кожѣ другаго, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ.—Словомъ рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ томъ, что въ слѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.

И такъ неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ просто блѣдное лицо, а я въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія думалъ, что когда нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ толикихъ разнородныхъ движеній, дадущихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито—досадно.

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. Объ восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного *только судьи* изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся,—и этотъ

судья и былъ самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ, другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожь не относящимся къ искуству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшнаго. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирилъ Ревизора Городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде, ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло остаться необъяснепнымъ въ этой роли. Я радъ по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, объ коемъ уже начинали отзываться равнодушно, и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. За то оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ нибудь вынесетъ и не такъ обкаррикатуритъ! Сдѣлалось напротивъ: вышла именно каррикатура. Уже предъ началомъ представленія увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклокоченные, неопрятные, взъерошенные съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и безсовѣстно каррикатурна. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ, но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры уже знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали не много, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска. Не знаю самъ, отъ чего одолѣваетъ тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется какъ будто теченіе пьесы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво; признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я однако-же не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано, стало быть, сказалъ я самъ въ себѣ, я плохо выполнилъ эту сцену; и точно теперь, во время представленія, я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно, и носитъ признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ-же часъ принялся за передѣлку. Теперь кажется вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ піесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ, — пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи Ревизора.

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и піеса кажется какъ будто не кончена. Но я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты долженъ не опускаться занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ называемыя *живыя картины*. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унизительно для актера и пр. и пр. и пр. Много еще другихъ *прочихъ* увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Не смотря на всѣ эти прочія, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: нѣтъ. Это не свяжетъ ни мало, это не унизительно; пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Талантъ не остановятъ указанныя ему границы, какъ не остановятъ рѣку гранитные берега: напротивъ вошедши въ нихъ она быстрѣе и полнѣе *движетъ свои волны*. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ

можетъ выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна групировка; лицо его свободно выразить всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣніи разнообразія для него бездна. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другаго, какъ не похожи ихъ характеры, и степень боязни и страха въ соотвѣствіи великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій; инымъ образомъ поражена жена и дочь его. Особеннымъ образомъ испугается судья; особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ и пр. и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившіе себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолбенѣть одинакимъ образомъ, но они даль въ картинѣ, которая очерчивается однимъ взмахомъ кисти, и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжитъ свою роль, и не смотря на то, что повидимому покорилъ себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня не достаетъ больше силъ хлопотать и спорить; я усталъ и душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ, и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми; мнѣ опротивила моя піеса. Я хотѣлъ-бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса, могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо...

С.-Петербургъ, 1836 г. Мая 25.

* * *

*) **Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ.** Сочиненіе Владиміра Строева. 2 части. Въ 8; 222 и 215 страницъ.

Римъ. (*Отрывокъ*). Сочиненіе Н. Гоголя. Въ 8; 67 страницъ.

Мы сблизили эти два сочиненія не безъ причины: въ послѣднемъ тоже есть описаніе Парижа; оно занимаетъ 9 страницъ. Только странно, что на *девяти* страницахъ гораздо болѣе сказано, нежели на 437. Таково могущество великаго таланта. Вотъ почему иногда длинный и повидимому оживленный остроуміемъ и веселостію разсказъ гово-

*) „Современникъ“ 1841 г., т. 26. „Новыя сочиненія“.

руна слабѣйшее оставляетъ впечатлѣніе въ душѣ присутствующихъ, нежели одинъ безмолвный взглядъ мыслящаго человѣка. Часто даже въ шуткѣ геніальнаго писателя заключается бо̀льшее число истинъ, нежели въ безконечномъ трактатѣ судьи компилятора. Это чувствуешь невольно, освободясь отъ Парижскихъ сценъ, тянущихся по двумъ томамъ, и встрѣтивъ въ другомъ сочиненіи четыре стиха Альфіери о Французахъ:

Tutto fanno, nulla sanno;
Tutto sanno, nulla fanno:
Giza volta son Francesi.
Piu gli pesi, men ti danno

Не думаемъ, чтобы читатели наши пожалѣли, если мы, освободивъ ихъ отъ душныхъ улицъ Парижа, выведемъ въ окрестности Рима и покажемъ имъ четыре картины въ томъ видѣ, какъ изобразилъ ихъ г. Гоголь. Передъ этой полнотою души, спокойствіемъ созерцанія, гармоніею предметовъ и частей ихъ, передъ этимъ живописно-краснорѣчивымъ слогомъ, что значатъ всѣ усилія модной, звонкой, но мелочной и утомительной литературы?

«Прекрасны были эти нѣмыя, пустынныя Римскія поля, усѣянныя останками древнихъ храмовъ, съ невыразимымъ спокойствомъ разстилавшіяся вокругъ, гдѣ пламенѣя сплошнымъ золотомъ отъ слившихся вмѣстѣ желтыхъ цвѣтовъ, гдѣ блеща жаромъ раздутаго угля отъ пунцовыхъ листовъ дикаго мака. Они представляли *четыре* чудные вида на четыре стороны. Съ *одной*, соединялись они прямо съ горизонтомъ одною рѣзкой равною чертой; арки водопроводовъ казались стоящими на воздухѣ и какъ бы наклеенными на блистающемъ серебряномъ небѣ. Съ *другой*, надъ полями сіяли горы, не вырываясь порывисто и безобразно, какъ въ Тиролѣ или Швейцаріи, но—согласными плывучими линіями выгибаясь и склоняясь, озаренныя чудною ясностію воздуха—онѣ готовы были улетѣть въ небо. У подошвы ихъ неслася длинная аркада водопроводовъ подобно длинному фундаменту, и вершина горъ казалась воздушнымъ продолженіемъ чуднаго зданія, и небо надъ ними было уже не серебряное, но невыразимаго цвѣта весенней сирени. Съ *третьей*, эти поля увѣнчевались тоже горами, которыя уже ближе и выше возносились, выступая сильнѣе передними рядами, и легкими уступами уходя въ даль. Въ чудную постоянность цвѣтовъ облекалъ ихъ тонкой голубой воздухъ; и сквозь

это воздушно-голубое ихъ покрывало сіяли чуть примѣтные дома и виллы Фраскати, гдѣ тонко и легко тропутые солнцемъ, гдѣ уходящіе въ свѣтлую мглу пылившихся вдали, чуть примѣтныхъ рощъ. Когда же обращался онъ (наблюдатель) вдругъ назадъ, тогда представлялась ему *четвертая* сторона вида: поля оканчивались самимъ Римомъ. Сіяли рѣзко и ясно углы и линіи домовъ, круглость куполовъ, статуи Латранскаго Іоанна и величественный куполъ Петра, вырастающій выше и выше по мѣрѣ отдаленія отъ него, и властительно остающійся наконецъ одинъ на всемъ полгоризонтѣ, когда уже совершенно скрылся весь городъ. Еще любилъ онъ оглянуть эти поля съ террассы которой-нибудь изъ виллъ Фраскати, или Альбано, въ часы захожденія солнца. Тогда они казались необозримымъ моремъ, сіявшимъ и возносившимся изъ темныхъ перилъ террасы: отлогости и линіи исчезали въ обнявшемъ ихъ свѣтѣ. Сначала они еще казались зеленоватыми, и по нимъ еще виднѣлись тамъ и тамъ разбросанныя гробницы и арки, потомъ они скозили уже свѣтлой желтизною въ радужныхъ оттѣнкахъ свѣта, едва выказывая древніе остатки, и наконецъ становились пурпурнѣй и пурпурнѣй, поглощая въ себѣ и самый безмѣрный куполъ и сливаясь въ одинъ густой малиновой цвѣтъ, и одна только сверкающая вдали золотая полоса моря отдѣляла ихъ отъ пурпурнаго, такъ же какъ и они, горизонта. Нигдѣ, никогда ему не случалось видѣть, чтобы поле превращалось въ пламя подобно небу. Долго, полный невыразимаго восхищенія, стоялъ онъ передъ такимъ видомъ, и потомъ уже стоялъ такъ просто, не восхищаясь, позабывъ все, когда и солнце уже скрывалось, потухалъ быстро горизонтъ, и еще быстрѣе потухали вмигъ померкнувшія поля, вездѣ устанавливалъ свой темный образъ вечеръ, надъ развалинами подымались огнистыми фонтанами свѣтящіяся мухи, и неуклюжее крылатое насѣкомое, несущееся стоймя какъ человѣкъ, извѣстное подъ именемъ дьявола, ударялось безъ толку ему въ очи. Тогда только онъ чувствовалъ, что наступившій холодъ южной ночи уже прохватывалъ его всего, и спѣшилъ въ городскія улицы, чтобы не схватить южной лихорадки».

1842 г.

*)—**Похожденія Чичикова, *или Мертвыя Души*. Поэма Н. Гоголя.** Москва, въ Университетской Типографіи, 1842 г., въ 8, 475 стран.

Мы сказали мнѣніе наше о литературныхъ достоинствахъ г-на Гоголя, оцѣняя въ немъ, что составляетъ его безспорное достоинство. Повторимъ слова наши: «Никто не сомнѣвается въ дарованіи г-на Гоголя, и въ томъ, что у него есть свой участокъ въ области поэтическихъ созданій. Его участокъ—добродушная шутка, малороссійскій *жартъ*, похожій нѣсколько на дарованіе г-на Основьяненки, но отдѣльный и самобытный, хотя также заключающійся въ свойствахъ Малороссіянъ. Въ шуткѣ своего рода, въ добродушномъ разсказѣ о Малороссіи, въ хитрой простотѣ взгляда на міръ и людей, г. Гоголь превосходенъ, неподражаемъ! Какая прелесть его описаніе ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, его Старосвѣтскіе помѣщики, его исторія о носѣ, о продажѣ коляски! Такъ и «Ревизоръ» его—фарсъ, который нравится именно тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни развязки, ни опредѣленныхъ характеровъ. Языкъ въ немъ неправильный, лица уродливыя гротески, характеры Китайскія тѣни, происшествіе несбыточное и нелѣпое, но все вмѣстѣ уморительно смѣшно, какъ Русская сказка о тяжбѣ ерша съ лещемъ, какъ Малороссійская пѣсня: «Танцовала рыба съ ракомъ». Не думайте, что такія созданія легко писать, что всякій можетъ ихъ писать. Для нихъ надобно дарованіе особенное, надобно родиться для нихъ, и притомъ часто то, что вамъ кажется произведеніемъ досуга, дѣломъ минуты, слѣдствіемъ веселаго расположенія духа, бываетъ трудомъ тяжелымъ, долговременнымъ, слѣдствіемъ грустнаго расположенія души, борьбою рѣзкихъ противоположностей».

Осмѣливаемся думать, что такого мнѣнія не назовутъ мнѣніемъ, которое внушили бы предубѣжденіе, пристрастіе, личность противъ автора (мы не только не имѣемъ чести быть знакомыми съ г-мъ Гоголемъ, но даже никогда не видали его и никогда не находились съ нимъ ни въ какихъ литературныхъ или не-литературныхъ отношеніяхъ—къ сожалѣнію—въ наше время надобно иногда говорить о такихъ посторонникъ литературѣ обстоятельствахъ!).

---

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г., № 5—6, отд. III, „Критика“. Статья *Н. Полеваго.*

Тѣмъ откровеннѣе скажемъ мы, что *Похожденія Чичикова*, или *Мертвыя души*, подтверждая наше мнѣніе, показываютъ справедливость и того, что мы прибавили къ мнѣнію нашему о дарованіи г-на Гоголя.

«Сочинитель «Ревизора» (говорили мы) представилъ намъ печальный примѣръ, какое зло могъ причинить человѣку съ дарованіемъ духъ партій и хвалебные вопли друзей—корыстныхъ прислужниковъ и безсмысленной толпы, которая является окрестъ людей съ дарованіемъ. Такъ въ Ревизорѣ *друзья* автора видѣли что-то Шекспировское, превознесли его, прославили, и—вышла та-же исторія, какая была съ Озеровымъ: авторъ почелъ себя неузнаннымъ геніемъ, не понялъ направленія своего дарованія, началъ писать Исторію, разсужденія о теоріи изящнаго, о художествахъ, принялся за фантастическіе, за патетическіе предметы. Все, что здѣсь сказано, не выдумка наша: прочтите приложенное при новомъ изданіи Ревизора письмо автора, которое можно сохранить, какъ любопытную историческую черту и какъ матеріалъ для исторіи человѣческаго сердца...»

Похожденія Чичикова также любопытная замѣтка для исторіи литтературы и человѣческаго сердца. Здѣсь видимъ, до какой степени можетъ увлечься съ прямой дороги дарованіе, и какія уродливости создаетъ оно, идя путемъ превратнымъ. Съ чего началъ *Ревизоръ*, то кончилъ *Чичиковъ*.

Сказавши, что поэтическія созданія бываютъ слѣдствіемъ противоположностей и труда, прибавимъ, что весьма часто поэтъ смотритъ превратно на свое назначеніе и самую цѣль своего искусства. Такъ Расинъ отказывался отъ театра и писалъ государственные проекты; Конгревъ стыдился своихъ комедій, Лафонтенъ приписывалъ успѣхъ своихъ басенъ апологической формѣ и поучительному направленію ихъ; Петрарка презиралъ свои сонеты и гордился своими Латинскими стихами. Говорятъ, что Жироде, отрекаясь отъ живописи, считалъ себя великимъ стихотворцемъ. Конова думалъ, что онъ рожденъ не ваятелемъ, а живописцемъ, а Гретри, презирая музыку, мечталъ о философическихъ сочиненіяхъ.

Изъ всего, что пишетъ и что о самомъ себѣ говоритъ г-нъ Гоголь, можно заключить, что онъ превратно смотритъ на свое дарованіе. Покупая созданія свои тяжкимъ трудомъ, онъ не думаетъ шутить, видитъ въ нихъ какія-то философическо-гуморическія творенія, почитаетъ себя философомъ и дидактикомъ, составляетъ себѣ какую-то

ложную теорію искусства, и очень понятно, что почитая себя геніемъ универсальнымъ, онъ считаетъ самый способъ выраженія, или языкъ свой, оригинальнымъ и самобытнымъ. Можетъ быть, такое мнѣніе о самомъ себѣ необходимо по природѣ его, но мы не перестанемъ однакожь думать, что при совѣтахъ благоразумныхъ друзей г-нъ Гоголь могъ бы убѣдиться въ противномъ. Вопросъ: произвелъ бы онъ тогда или нѣтъ свои прекрасныя созданія, можетъ быть рѣшенъ положительно и отрицательно. Легко могло бы быть, что г-нъ Гоголь отвергъ бы тогда все, что вредитъ ему, и тогда легко могло бы случиться, что разочарованный въ высокомъ мнѣніи о самомъ себѣ, онъ съ горестью бросилъ бы перо свое, какъ оружіе недостойной его величія шутки. Человѣкъ загадка мудреная и сложная, но мы скорѣе склоняемся на первое изъ сихъ мнѣній—сказать ли?—даже лучше желали бы, чтобы г-нъ Гоголь вовсе пересталъ писать, нежели, чтобы постепенно болѣе и болѣе онъ падалъ и заблуждался. По нашему мнѣнію, онъ уже и теперь далеко устранился отъ истиннаго пути, если сообразить всѣ сочиненія его, начиная съ *Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки* до *Похожденій Чичикова*. Все, что составляетъ прелесть его твореній, постепенно исчезаетъ у него. Все, что губитъ ихъ, постепенно усиливается. Г-нъ Гоголь не только не убѣждается, что онъ не созданъ ни для гумористическихъ, ни для патетическихъ твореній, но онъ на нихъ-то именно и опирается. Онъ хочетъ философствовать и поучать; онъ утверждается въ своей теоріи искусства; онъ гордится даже своимъ страннымъ языкомъ, считая ошибки, происходящія отъ незнанія языка, оригинальными красотами. Читайте новѣйшія сочиненія г-на Гоголя, его письма при Ревизорѣ, и особливо его Похожденія Чичикова, и вы убѣдитесь въ правдѣ словъ нашихъ.

Еще въ прежнихъ сочиненіяхъ своихъ г-нъ Гоголь силился иногда изображать любовь, нѣжность, сильныя страсти, историческія картины, и жалко было видѣть, какъ ошибался онъ въ такихъ попыткахъ. Приведемъ для примѣра его усилія представить Малороссійскихъ казаковъ какими-то рыцарями, Боярдами, Польмерипами. Изъ письма при Ревизорѣ узнаемъ, что и въ этомъ фарсѣ былъ у автора какой-то планъ комедіи, была мысль изобразить жизнь дѣйствительную, создать характеры. Самые жаркіе поклонники г-на Гоголя сознаются, что его философическія и теоретическія творенія суть ошибки. Что же было *слѣдствіемъ* столь превратныхъ понятій г-на Гоголя! Про-

читайте, если у васъ достанетъ силъ, статью въ Москвитянинѣ—*Римъ*. Мы не знаемъ ни въ Русской, ни въ другихъ литературахъ ничего, что выражало бы такъ хорошо то, что называется *галиматьею*. *Римъ* г-на Гоголя—какой то наборъ риторическихъ фразъ, натянутыхъ сравненій, ложныхъ выводовъ, дѣтскихъ наблюденій. И между тѣмъ авторъ думаетъ, что онъ изображаетъ философически и поэтически характеристику Италіи и Франціи, Рима и Парижа! Языкъ, какимъ писана статья, о которой говоримъ, можетъ быть выставляемъ ученикамъ, какъ языкъ, какимъ писать не должно. Приведемъ нѣсколько строкъ, гдѣ видна будетъ уродливость и мыслей и слога.

«Попробуй взглянуть на молнію, когда *раскроивши черныя, какъ уголь*, тучи, нестерпимо *затрепещетъ* она цѣлымъ *потопомъ блеска*».—Такъ начинаетъ авторъ.

Прекрасно, да только *черныхъ, какъ уголь, тучъ* нѣтъ въ природѣ, и если молнія *раскраиваетъ* тучи, то она не ослѣпляетъ блескомъ, а *затрепетатъ потопомъ свѣта* станемъ мы говорить такъ, когда будемъ говорить: *побѣлѣютъ бурей мрака, улыбнуться вихремъ пожара* и т. п. «Таковы *очи* у Албанки Аппунціаты». *Очи* (почему не глаза?), какъ молніи, которыя *трепещутъ потопомъ свѣта!* Вѣдь это похоже на очи, *не перенося блеска коихъ, солнце прячется въ облака!* Но авторъ бросаетъ ихъ—новый прыжокъ: «Все напоминаетъ въ ней тѣ *античныя* времена, когда оживлялся мраморъ и *блистали* скульптурные рѣзцы.» Но мраморъ и нынѣ оживляется рѣзцами, и какіе еще бываютъ *рѣзцы*, кромѣ *скульптурныхъ*—развѣ *живописные, архитектурные?* «Густая *смола волосъ* (т. е. волосовъ) *тяжеловѣсною косою вознеслась* въ два кольца надъ головою, и четырьмя длинными кудрями *разсыпалась* по шеѣ.» *Смола*, которая *возносится* кольцами надъ головою и *разсыпается* кудрями, и еще *густая смола*, и *косою тяжеловѣсною! Кудри* по Русски вовсе не значитъ — локоны. «Какъ ни поворотитъ она *сіяющій снѣгъ своего лица*, образъ ея весь напечатлѣлся *въ* сердцѣ (т. е. *на* сердцѣ).»

Снѣгъ лица, который *поварачиваетъ* красавица! Послѣ сего можно говорить: *Кармінъ щекъ ея остановился передо мною—голубизна взора ея устремилась на меня!* «Станетъ ли профилемъ, благородствомъ дивнымъ дышетъ (т. е. дышитъ) профиль, и *мечется* красота линій, какихъ не создавала кисть.» Какъ вамъ кажутся—дивное благородство, которымъ дышитъ профиль, и красота линій, которая *мечется* т. е. *бросается*, бѣгаетъ взадъ и впередъ!

«Обратится ли *затылкомъ* съ подобранными къ верху *чудесными* волосами, показавъ *сверкающую* позади шею и красоту невиданныхъ землею плечъ—и тамъ она *чудо*.» Подлинно—*чудо*, у котораго и шея сверкаетъ, и плечъ не видала земля, хотя красавица ходитъ по землѣ! «Но *чудесные* всего, когда глянетъ она очами въ очи, *водрузивши хладъ и замиранье въ сердце*.»

Какимъ это манеромъ *водружаютъ хладъ* (т. е. холодъ) *и замиранье въ сердце?* Теперь смѣло можно говорить: *посадила огонь и думу въ душу!* «Полный голосъ ея звенитъ, *какъ мѣдь*.» Хорошъ голосъ, *звонящій, какъ мѣдь!*

«Никакой гибкой пантерѣ (т. е. леопарду) не сравниться съ ней въ быстротѣ, силѣ и гордости движеній.»

Если красавицу можно сравнивать съ леопардомъ, почему не сравнить ее послѣ сего съ слономъ, тигромъ, львомъ? «Все въ ней вѣнецъ созданія, *отъ плечъ до античной, дышущей* (т. е. дышащей) ноги и до послѣдняго пальчика на ея ногѣ.» Все—вѣнецъ созданія, *но только отъ плечъ до ноги*, античной и «дышащей», какъ дышитъ профиль красавицы. А шея и голова? «Куда *не* (т. е. *ни*) пойдетъ она—*уже несетъ съ собой картину*.» Что такое красавица, которая *вездѣ носитъ съ собой картину?* Если авторъ хочетъ сказать, что она сама картина, то какъ она *носитъ сама себя?* Вѣдь это похоже на Москву, которая, у одного изъ Русскихъ писателей, «выбѣжала на встрѣчу царю Михаилу и внесла его въ Кремль!» Но дивитесь далѣе: «Спѣшитъ ли *въ вечеру* (т. е. вечеромъ) къ фонтану съ *кованной мѣдной вазой* на головѣ (т. е. просто съ мѣднымъ кувшиномъ), *вся проникается чуднымъ согласіемъ обнимающая ее окрестность* (т. е. говоря по Русски: «вся обнимающая ее окресность проникается чуднымъ согласіемъ»). Если вы понимаете, какъ можетъ *проникаться согласіемъ окрестность* отъ того, что *какая-то красавица идетъ съ кувшиномъ за водою*, читайте далѣе—«Легче уходитъ въ даль *чудесныя* линіи Албанскихъ горъ (авторъ щедръ на чудеса: затылокъ красавицы у него—*чудо*; волосы у нея *чудесные;* глядитъ она еще *чудеснѣе;* окрестность отъ нея проникается *чуднымъ* согласіемъ, и линіи горъ *чудесныя!*), синѣе *глубина Римскаго неба* (*глубина неба*—высота моря?), прямѣй *летитъ къ верху кипарисъ* (да, развѣ кипарисы летаютъ?), и красавица южныхъ деревъ, Римская *пинна* (что мѣшаетъ послѣ сего говорить: Казанскій *кверкусъ*?) *тоньше* (*т. е. тольше*) и чище рисуется на небѣ своею зонтико-образною,

почти плывущею на воздухъ верхушкою (какъ *плаваетъ*, и еще — *почти плаваетъ на небѣ верхушка деревьевъ* — не понимаемъ!).» Видите ли теперь, какъ *проникается согласіемъ окрестность*, когда красавица идетъ за водою? Видите: когда она идетъ, то линіи горъ начинаютъ уходить въ даль легче, небо становится синѣе, кипарисы летятъ къ верху прямѣе, а сосны рисуются на небѣ чище и тоньше? Это напоминаетъ красавицу, которая, по Русской поговоркѣ, въ окно глянетъ, такъ конь пряпетъ, а выйдетъ на улицу, такъ три дня собаки лаютъ!

«И все: и самый фонтанъ, гдѣ уже столпились *вкучу* (т. е. *въ кучу*, но какъ можно *толпиться* въ кучу? *Куча* значитъ что нибудь накладенное, набросанное одно на другое) на мраморныхъ ступеняхъ Албанскія горожанки, переговаривающіяся сильными *серебряными* голосами (вѣроятно, въ отличіе отъ *мѣднаго* голоса красавицы), пока поочередно бьетъ вода *звонкой алмазной дугой* въ подставляемые *мѣдные чаны*». *Чаны*, которые принесли на головахъ своихъ горожанки, и вода, *бьющая алмазной дугой*, которая притомъ *звонитъ*! «И самый фонтанъ, и самая толпа—все кажется для нея (да, что и говорить о толпѣ и о фонтанѣ, когда для нея и горы, и сосны, и кипарисы и небо!), *чтобы* ярче высказать торжествующую красоту. *чтобы* видно было, *какъ* она предводитъ всѣмъ подобно, *какъ* царица предводитъ *за собою* придворный чинъ свой!» Нестерпимымъ галлицизмомъ слѣдовало заключить изображеніе чудной красавицы. Оставляемъ ее у фонтана, и спрашиваемъ: не *чудная* ли *галиматья* весь этотъ наборъ, гдѣ, смѣшеніе словъ и ошибки противъ языка показываютъ незнаніе грамматики, и безобразіе образовъ, забвеніе всякой логики? Выписывать и разбирать далѣе мы не станемъ—довольно для обращика! Далѣе вы найдете чудеса еще чудеснѣе—глубина галлереи *выдаетъ сверкающую красавицу* изъ *сумрачной темноты*: пурпурное *сукно* ея наряда *вспыхиваетъ* и *чудный праздникъ летитъ* изъ *лица ея на встрѣчу!* Вы увидите—*кипящее* перо—*призракъ пустоты*, который *видится* во всемъ; древній міръ, который *шевелится изъ-подъ темнаго архитрава*; кипарисы, *черные, какъ уголь*; женщинъ, которыя *подобны зданіямъ въ Италіи* или *дворцы* или *лачужки*; ноги, предъ которыми показались бы *щепками ноги Англичанокъ, Нѣмокъ, Француженокъ* и *женщинъ всѣхъ другихъ націй*; огромный запачканный носъ, который *выглянулъ* (носъ) *изъ переулка*, и *какъ большой топоръ повисналъ надъ губа-*

ми. Вы увидите *темную ширину громады*, играющую *толпу стѣнъ*, орнаменты и карнизы, которые *вызначились* въ непостижимой красотѣ, коней, которые *завершаютъ* день карнавала.—И вся эта дикая смѣсь словъ закрываетъ, какъ мы уже говорили, наборъ ложныхъ выводовъ, дѣтскихъ наблюденій, смѣшныхъ и ничтожныхъ замѣтокъ, не проникнутыхъ ни одною свѣтлою или глубокою мыслью. Содержаніе всей статьи составляютъ путешествіе какого-то глупаго Римскаго князя въ Парижѣ, гдѣ онъ шатался по рестораціямъ, возвращеніе его въ Римъ, гдѣ онъ любуется на Римскую масляницу и въ заключеніе влюбляется въ красавицу, описаніемъ которой начинается статья—красавицу такую, что *взглянувши* на грудь и бюстъ ея, уже *становилось очевидно*, чего недостаетъ въ *груди* и *бюстахъ* прочихъ красавицъ, и передъ волосами которой показались бы *жидкими* и *мутными* всѣ *другіе волосы*. Признаемся, что прочитавши письмо при *Ревизорѣ* и *Римѣ*, мы уже немногаго ожидали отъ *Мертвыхъ душъ*, обѣщанныхъ друзьями автора, и предвозвѣщенныхъ, какъ нѣчто чудное и великое. Подлинно чудное! *Мертвыя души* превзошли всѣ наши ожиданія. Можно было ожидать чего нибудь весьма страннаго, но все однакожь не того, что мы увидѣли!

Мы совсѣмъ не думаемъ осуждать г-на Гоголя за то, что онъ назвалъ Мертвыя души *поэмою*. Разумѣется, что такое названіе шутка. Для чего запрещать шутку? Наше осужденіе *Мертвыхъ душъ* коснется болѣе важнаго. Начнемъ съ содержанія—какая бѣдность! Не помнимъ, читали или слышали мы, что кто-то назвалъ Мертвыя души *старой погудкой на новый ладъ*. Дѣйствительно: Мертвыя души сколокъ съ Ревизора — опять какой-то мошенникъ пріѣзжаетъ въ городъ, населенный плутами и дураками, мошенничаетъ съ ними, обманываетъ ихъ, боясь преслѣдованія уѣзжаетъ тихонько, и—«конецъ поэмѣ».

Надобно ли говорить, что шутка, въ другой разъ повторенная, уже становится скучна, а еще болѣе, если она растянута на 475 страницъ? Но если мы къ тому прибавимъ, что *Мертвыя души*, составляя грубую каррикатуру, держатся на необыкновенныхъ и несбыточныхъ подробностяхъ, что лица въ нихъ всѣ до одного небывалыя преувеличенія, отвратительные мерзавцы или пошлые дураки—всѣ до одного, повторяемъ, что подробности разсказа исполнены такими описаніями, что иногда бросаете книгу невольно, и наконецъ, что языкъ разсказа, какъ языкъ Г-на Гоголя въ *Римѣ* и *Ревизорѣ*, можно назвать собраніемъ ошибокъ противъ логики и грамматики,

спрашиваемъ, что сказать о такомъ созданіи? Не должно ли съ грустнымъ чувствомъ видѣть въ немъ упадокъ дарованія прекраснаго, и пожалѣть еще объ одной изъ утраченныхъ надеждъ нашихъ, пожалѣть тѣмъ болѣе, что паденіе автора умышленно и добровольно? Каррикатура, конечно, принадлежитъ къ области искуства, но каррикатура не перешедшая за предѣлъ изящнаго. Русская повѣсть объ Еремушкѣ и повивальной бабушкѣ, какъ Русская сказка о дьячкѣ Савушкѣ, романы Диккенса, пестовые романы новѣйшей Французской Словесности исключаются изъ области изящнаго. Если и допустимъ въ низшій отдѣлъ искуства грубые фарсы, Италіянскія буффонады, эпическія поэмы на изнанку (travesti), поэмы въ родѣ *Елисея* Майкова, можно ли не пожалѣть, что прекрасное дарованіе г-на Гоголя тратится на подобныя созданія. Мы уже не узнаемъ прежняго добродушнаго жартованія, прежней милой шутки, даже прежняго остроумія нашего автора въ его каррикатурѣ, гдѣ герои кабаковъ и харчевенъ, пьяницы и мерзавцы замараны углемъ и сажею! Искуству нечего дѣлать, не въ чемъ разсчитываться съ *Мертвыми душами*. Многіе защитники г-на Гоголя и не спорятъ за художническую отдѣлку, и не ищутъ цѣли искуства въ Мертвыхъ душахъ, но они спорятъ за естественность изображеній, за вѣрность природы, въ нихъ очерченной.

Ни слова о томъ, достойны ли вниманія истиннаго дарованія, истиннаго художника отвратительные предметы кабаковъ, остроговъ, игорныхъ домовъ, картины позора, бѣдности, гибели человѣчества, если ихъ самихъ, безъ эстетической цѣли при изображеніи ихъ, будетъ имѣть цѣлью художникъ. Кто станетъ утверждать противное, мы возразимъ ему, что послѣ сего восковое изображеніе гніющаго трупа, картина пьяницы, котораго рветъ и дергаютъ судороги съ похмѣлья, могутъ быть предметами искуства? Вы говорите, что ошибка прежняго искуства состояла именно въ томъ, что оно румянило природу и становило жизнь на ходули. Пусть такъ, но избирая изъ природы и жизни только темную сторону, выбирая изъ нихъ грязь, навозъ, развратъ и порокъ, не впадаете ли вы въ другую крайность и изображаете ли вы вѣрно природу и жизнь? Природа и жизнь такъ, какъ они есть, представляютъ намъ рядомъ жизнь и смерть, добро и зло, свѣтъ и тѣнь, небо и землю. Избирая въ картину свою только смерть, зло, тѣнь, землю, вѣрно-ли описываете вы природу и жизнь? Вамъ скучны прежніе *герои* искуства, но покажите же намъ *человѣка*, и *людей*, да *человѣка*, а не мерзавца, не чудовище, *людей*, а не толпу

мошенниковъ и негодяевъ. Иначе лучше примемся мы за прежнихъ героевъ, которые иногда скучны, но не возмущаютъ, покрайней мѣрѣ, нашей души, не оскорбляютъ нашего чувства. Изобразить человѣка съ его добромъ и зломъ, мыслью неба и жизнью земли, примирить для насъ видимый раздоръ дѣйствительности изящною идеею искуства, постигшаго тайну жизни—вотъ цѣль художника, но къ ней ли устремлены *Герои нашего времени* и *Мертвыя души?* Напрасно будете вы ссылаться на Шекспира, на В. Гюго; на Гете. Кромѣ того, что худое и у Шекспира худо, Шекспиръ не тѣмъ великъ, что Офелія поетъ у него неблагопристойную пѣсню, Фальстафъ ругается и нянька Юліи говоритъ двусмысленности, но похожи ли на ваши грязныя каррикатуры на созданія высокаго *юмора* Шекспирова, на исполинскіе образы В. Гюго (мы говоримъ объ его Notre-Dame de Paris), на многостороннія творенія Гете!

Гдѣ, скажите, гдѣ видали вы города, въ которыхъ ни *одно* свѣтлое чувство не мелькнуло бы въ душѣ ни *одного* обитателя — гдѣ добродѣтель, умъ, честь, всѣ общественныя связи были бы всѣми забыты, попраны —гдѣ невѣжество и развратъ тяготѣли бы равно и безразлично надъ всѣми—гдѣ, наконецъ, самая природа была бы мертва, грустна, печальна безъ измѣненій? Не говоримъ о Россіи, укажите намъ гдѣ угодно такой городъ. Въ самыхъ дикихъ, варварскихъ племенахъ, у Кафровъ, Чукчей, Эскимосовъ есть добро, есть чувство, въ *своихъ* формахъ, въ *своихъ* условіяхъ, но *есть они*, ибо таковъ человѣкъ! Еще больше, если вы предполагаете вашъ проклятый городъ въ Россіи, то клевещете, не только на человѣка, но и на родину свою. Зная Россію, можетъ быть, больше васъ, изъѣздивши ее во всѣхъ направленіяхъ, живши и съ барами Русскими и съ мужиками Русскими, посѣщавши и великолѣпные *салоны* и курныя *избы* Русскія, смѣло называемъ ложью и выдумкою изображеніе въ Мертвыхъ душахъ. Кто противъ того, что есть у насъ, какъ и вездѣ, Собакевичи, Плюшкины, Поздревы, но *не такіе они*, да еслибы и такіе попались вамъ, они исключенія, уроды. Какъ же по собранію уродовъ изображаете вы человѣка, и гдѣ *естественность* и *вѣрность* изображеній, за которыя превозносите вы Мертвыя души?

Мы скажемъ болѣе: почти каждое положеніе дѣйствующихъ лицъ показываетъ незнаніе автора. Возможно ли, напримѣръ, чтобы Чичиковъ съ перваго слова начиналъ покупать у каждаго встрѣчнаго Мертвыя души? Вѣдь его дѣло все равно, что воровство, что дѣланіе

фальшивыхъ ассигнацій? Возьмемъ мелочь: возможно ли, чтобы *на балъ къ губернатору* пустили Ноздрева, и во время котильона онъ сѣлъ на полъ и хваталъ дамъ за подолы? Наконецъ, возможенъ ли скупецъ такой, какъ Плюшкинъ? Но малыя и большія невозможности встрѣчаются въ Мертвыхъ душахъ безпрестанно. Повторяемъ: гдѣ естественность и вѣрность изображеній, за которыя друзья автора превозносятъ Мертвыя души?

Вообразите себѣ послѣ сего, если вы еще не читали сочиненій г-на Гоголя, что все это исполнено такихъ отвратительныхъ подробностей, такихъ грязныхъ мелочей, что читая Мертвыя души, иногда невольно отворачиваетесь отъ нихъ. Въ доказательство не смѣемъ мы выписывать всего, не смѣемъ даже выписывать чего нибудь вполнѣ. Укажемъ только, для примѣра, на отвратительнаго слугу Чичикова, который провонялъ и вездѣ носитъ съ собой вонючую атмосферу; на каплю, которая капаетъ изъ носа мальчишки въ супъ; на блохъ, которыхъ не вычесали у щенка; на Собакевича, который дремлетъ и рыгаетъ послѣ обѣда, на бабу, съ *съ прорѣхой ниже спины*; на старую зубочистку Плюшкина; на сцены вечеромъ на улицахъ, съ существами въ красныхъ шаляхъ и въ башмакахъ безъ чулокъ; на описаніе прогулки Селифана и Петрушки въ кабакъ; на Чичикова, который спитъ нагой; на Ноздрева, который приходитъ въ халатѣ безъ рубашки; на щипанье Чичиковымъ волосъ изъ носа; на будочника, который... Но увольте насъ отъ исчисленія: ему конца не будетъ, если исчислять все подобное въ Мертвыхъ душахъ? Не такъ думаетъ авторъ: ему, какъ будто тепло, мягко, раздольно въ такой области—онъ повторяетъ, усиливаетъ свои милыя подробности; онъ радъ, когда найдетъ какое нибудь пахучее сравненіе, онъ недоволенъ просто карикатурою—онъ чертитъ уродливости, онъ радъ повторять всѣ лакейскія и трактирныя слова и самъ съ наслажденіемъ подлаживать подъ манеръ ихъ!

Такъ, напримѣръ, онъ нѣсколько разъ обращается къ своему вонючему Петрушкѣ: онъ недоволенъ, сказавши, что Петрушка воняетъ—онъ какъ будто заставляетъ васъ нюхать, и сказать чѣмъ воняетъ отъ него! Пьяница, кучеръ Чичикова для автора занимательное лицо. Ему мало упомянуть о блохахъ — онъ заставляетъ васъ слушать, какъ чешется Чичиковъ въ постелѣ и ругаетъ блохъ — блохи являются вамъ безпрестанно, во всѣхъ видахъ, и не менѣе ласковъ авторъ къ мухамъ. Вы должны у него выслушать, какъ

залѣзла муха въ носъ Чичикову; какъ съ досады онъ давилъ мухъ, и если надобно сравненіе, авторъ указываетъ вамъ на мухъ, ползающихъ по сахару! Такъ въ несбыточныхъ преувеличеніяхъ авторъ увѣряетъ васъ, что въ Русскихъ погребахъ льютъ въ поддѣльную мадеру крѣпкую водку; что провинціальныя барыни стыдятся сказать: «я высморкала носъ — я плюнула», но «я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка»; что у одной изъ нихъ платье было обшито такимъ огромнымъ руло, что растопырилось на полъ-церкви, и частный приставъ приказалъ народу отодвинуться къ паперти, чтобы не измять платья ея высокоблагородія.

Тамъ, одна изъ дамъ, по разсказу автора, страдая какою-то *инкоммодите* на ногѣ, «величиною съ горошину», пріѣхала на балъ въ плисовыхъ сапогахъ, но не вытерпѣла и вальсировала, забывши о сапогахъ и инкоммодите! Если даже надобно сравнить красивое личико съ чѣмъ нибудь, авторъ не находитъ лучше сравненія его съ свѣжимъ яичкомъ, которое держитъ противъ солнца смуглая рука ключницы! На каждой страницѣ книги раздаются передъ вами: *подлецъ*, *мошенникъ*, *бестія*, но это ужь *ни почемъ* какъ говорится: авторъ заставляетъ васъ выслушивать кое-что болѣе—всѣ трактирныя поговорки, брани, шутки, все, чего можете наслушаться въ бесѣдахъ лакеевъ, слугъ, извощиковъ, всѣ, такъ называемыя *драгунскія штуки!* Вы должны присутствовать при описаніи допроса бѣглаго мужика на двухъ страницахъ—должны выслушать глупѣйшій разсказъ почтмейстера о капитанѣ Копейкинѣ, разсказанный такимъ образомъ: «Ну, можете себѣ представить, *этакой* какой нибудь, то есть, капитанъ Копѣйкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, понимаете, *этакая*. Вдругъ какой нибудь *этакой*, можете представить себѣ, Невскій прешпехтъ, или тамъ, знаете, какая нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ, *этакая* какая нибудь Литейная; тамъ шпицъ *этакой* въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ *этакимъ* чортомъ, можете себѣ представить, безъ всякаго то есть прикосновенія—словомъ, Семирамида, сударь, да и полно! Попатолкался было нанять квартиру, только все *это* кусается страшно —гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры—Персія, сударь мой, *этакая*...» И такой разсказъ на *девяти* страницахъ! Мало того, что авторъ заставляетъ васъ *переслушать поговорки* въ родѣ: «съѣздить къ Сопикову, заѣхать къ

Храповицкому», слова въ родѣ: *тюрюкъ*, *ветюкъ*, *галантерный*, *мышиный жеребенокъ*, *кувшинное рыло*, *бабешка*, *взбутетенить*, онъ угощаетъ васъ даже цѣлыми фразами въ родѣ слѣдующей: «*Накаливай! Пришпандорь кнутомъ вонъ того: что онъ корячется*, какъ *карамора?*» Вы должны узнать отъ автора что «бестія Кувшинниковъ ни одной простой бабѣ не спуститъ», и что «онъ называетъ это попользоваться на счетъ клубнички!?» Вы скажете, что описывая свои темныя лица, авторъ долженъ и говорить ихъ языкомъ—совсѣмъ нѣтъ! Авторъ самъ говоритъ языкомъ еще лучше ихъ, употребляетъ ихъ поговорки, выдумываетъ небывалыя пословицы (*Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай*; увѣряетъ, будто о рябыхъ говорятъ, что на ихъ рожѣ *чортъ ночью горохъ молотилъ*, и проч.). Надобно ли ему имя мужика—*Сорокоплехинъ!* имя деревни—*Вшивая спѣсь!* Вотъ вамъ для обращика парочка *собственныхъ* милыхъ шуточекъ автора. «Нѣтъ! Кто ужь кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца, выйдетъ еще хуже»!—«Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностью, съ звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ смотришь, тутъ же, передъ вашими глазами и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе...»

И авторъ увѣренъ, что это страхъ какъ забавно и остро—да онъ *увѣренъ* въ томъ, и смѣло *увѣряетъ* другихъ, что его созданіе геніальная оригинальность! Странная самоувѣренность автора безпрестанно вертится у него на языкѣ, и онъ не скрываетъ ее—онъ гордится ею, онъ оправдываетъ свои разсказы, не боится осужденія, споритъ за выборъ своего героя, и напередъ опровергаетъ возраженія, какія могутъ ему сдѣлать!

Смѣяться ли надъ такими невѣроятными странностями? Нѣтъ! смѣяться можно надъ забавными странностями, но видѣть человѣка съ дарованіемъ, впадающаго въ столь жалкія заблужденія—грустно, нестерпимо грустно! Судя по тону, какимъ говоритъ авторъ, кажется его нельзя убѣдить, но, можетъ быть, любопытно и полезно будетъ для другихъ привесть нѣчто изъ словъ автора, съ нѣкоторыми замѣ-

чаніями, ибо, какъ говоритъ Русская пословица—«на правду словъ немного!»

«Виноватъ! Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что-жь дѣлать? *Таково на Руси положеніе писателя*! Впрочемъ, если слово *изъ* улицы (т. е. *съ улицы*) попало въ книгу, не писатель виноватъ, виноваты читатели, и прежде всего *читатели высшаго общества*: отъ нихъ первыхъ не услышишь *ни одного порядочнаго Русскаго слова*, а Французскими, Нѣмецкими, Англійскими, они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, *что и не захочешь* (чего?) и надѣлятъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній, по Французски *съ носа и картавя*, по Англійски *произнесутъ, какъ слѣдуетъ птица, и даже физіономію сдѣлаютъ птичью*, и даже посмѣются надъ тѣмъ, *кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи*, и вотъ только Русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ, развѣ изъ патріотизма выстроятъ для себя на дачѣ избу въ Русскомъ вкусѣ (отъ *языка* — къ *избѣ*!). *Вотъ каковы читатели высшаго сословія*, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ, какая взыскательность! Хотятъ непремѣнно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ, словомъ, хотятъ, чтобы Русскій языкъ самъ собою *опустился вдругъ съ облаковъ*, обработанный, какъ слѣдуетъ, и *сѣлъ бы имъ прямо на языкъ*, а имъ бы больше ничего, какъ только *разинуть рты, да выставить сю* (читатели *разѣваютъ рты, высовываютъ языки* и Русскій языкъ *садится имъ на языкъ!*). Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода, но почтенные читатели, надо признаться, бываютъ еще мудренѣе!»

Неужели не пошлы такія шуточки? спрашиваемъ каждаго безпристрастнаго читателя. Если же авторъ *не шутитъ*, то каковы у него понятія о составленіи языка! Онъ хочетъ учиться языку въ харчевнѣ и обогащать языкъ взятыми тамъ поговорками!

М. Г., можно бы ему сказать, ратоборствуя противъ логики и грамматики, вы заставите думать, что вы ихъ такъ же худо знаете, какъ худо знаете Русскій языкъ, хотя и наслушались словъ, которыхъ не говорятъ въ порядочномъ обществѣ: первое доказываютъ ваши безпрестанные промахи и ошибки противъ этимологіи и синтаксиса, такъ, что у васъ рѣдкая запятая на мѣстѣ, и несвязность идей, которыя не вяжутся одна съ другою, а второе безпрестанными галлицизмами, барбаризмами и неслыханнымъ на Руси употребленіемъ

словъ. Гдѣ вы слыхали, слѣдующія, напримѣръ, слова на святой Руси: «въ эту пріятность черезъ чуръ *передано* сахару» — «*болтая* головою — *встрѣтилъ* отворявшуюся дверь» — «*здоровье прыскало* съ лица его» — «*юркость* характера» — «пропалъ, какъ *волдырь на водѣ* — онъ *ожидовѣлъ*» — «несъ жидкость, боясь *разхлестать* ее» — «они *изопьются* и будутъ *стельки*» — «*крающка уха* его скручивалась» — «*сапъ* лошадей, *шумъ* колесъ» — «стѣны дома *ощеливали* штукатурную рѣшетку» — «сѣдой *чапыжникъ*, густою щетиною *вытыкавшій* изъ-за ивы?» Мы могли бы усотерить примѣры, но и въ приведенныхъ нами немногихъ не видите-ли вы вашего незнанія Русскаго народнаго языка? По русски говорится: «*переложить сахару*,» а «*передать* сахару» не Русская фраза, въ родѣ: хорошо выглядитъ; головой у насъ *качаютъ*, а не *болтаютъ*; *встрѣтить* можно только то, что идетъ *на встрѣчу;* на водѣ вскакиваютъ *пузыри*, а *волдырь* говорится о пузырѣ или шишкѣ на тѣлѣ; говорится у насъ: пьянъ, *какъ стелька*, а не говорится: *онъ стелька*, потому, что просто: *стелька*, означаетъ совсѣмъ другое; *крающка*, говоря объ ушахъ, не употребляется; *сапъ* значитъ болѣзнь лошадиную, а не *сопѣніе*; колеса у насъ *скрыпятъ*, *стучатъ*, а не *шумятъ*; *чапыжникъ* значитъ мелкій срубленный кустарникъ, а не растущій, и гдѣ вы слыхали слова: *прыскало здоровье*, *юркость* нрава (а не *характера*), *ожидовѣлъ*, *ощеливалъ*, *вытыкалъ*, или *разхлестать*, *испиться*, въ томъ значеніи, въ какомъ вы ихъ употребляете? Никто не отвергаетъ обогащенія языка простонародными словами, но для того надобно знать языкъ простонародный, имѣть вкусъ, а еще болѣе хорошо узнать науку Русскаго слова.

«Счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не опускался *съ вершины своей* къ бѣднымъ ничтожнымъ собратіямъ, и не касаясь земли, *повернался въ свои* далеко отторгнутые отъ нея и *возвеличенные образы*. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди нихъ, какъ въ родной семьѣ, а между тѣмъ далеко и громко разносится его слово. Онъ окурилъ *упоительнымъ* (?) *куревомъ* (?) людскія очи, онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекрас-

наго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится въ слѣдъ за торжественной его колесницей. *Великимъ, всемірнымъ поэтомъ* (?) именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими *геніями міра*, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими (но неужели все это только *за выборъ прекраснаго человѣка*, и за то, что писатель *повергается въ свои возвеличенные образы?*).

... Но не таковъ удѣлъ и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего *не зрятъ* равнодушныя очи, всю страшную, *потрясающую тину мелочей*, *опутавшихъ* нашу жизнь (*страшная тина мелочей*, что-то *потрясающая* и *опутавшая жизнь*), всю *глубину* холодныхъ, *раздробленныхъ*, *повседневныхъ* характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на *всенародныя очи* (?!)... Ему не избѣжать *отъ* современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданія, отведетъ ему *презрѣнный уголъ* въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта (неужели это не сущая галиматья и не пустой наборъ словъ?)—ибо (любопытное *ибо!*) не признаетъ современный судъ, что равно *чудны* стекла, *озирающія* солнцы и передающія движенія *незамѣченныхъ* (т. е. *незамѣчаемыхъ*) насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно *глубины душевной*, дабы *озарить картину* (*глубина*, *озаряющая картину!*), взятую изъ презрѣнной жизни, и *возвести ее въ перлъ созданія* (*картина возводимая въ перлъ*, т. е. *въ жемчужину!*); ибо не признаетъ современный судъ, что высокій, восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что *цѣлая* пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношеніе *не признанному* писателю. Безъ *раздѣленія*, безъ отвѣта, безъ участья, какъ *безсмѣнный путникъ* (?) останется онъ одинъ среди дороги.»

Но, М. Г., можно сказать автору, вы сами себѣ изрекаете здѣсь приговоръ: никто не сомнѣвается, что все можетъ быть изящно, представленное по законамъ эстетическаго творчества, или-какъ вы

довольно нескладно выражаетесь—можно *озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни и возвести ее въ перлъ созданія*, такъ, что *высокій восторженный смѣхъ станетъ рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ*. Законодатель классицизма Буало говорилъ о томъ и всѣ классики о томъ говорили. Но въ такомъ случаѣ надобно отдѣлить ваше созданіе *цѣлою пропастью* отъ *кривлянья балаганнаго скомороха*. Ваши Мертвыя души возведены ли въ *перлъ созданія*, отдѣлены ли *пропастью*? Нимало, и судъ осуждаетъ васъ за то, что избирая изъ природы и жизни самое отвратительное, вы еще бросаете его въ грязную «пропасть кривляній балаганнаго скомороха». Неужели вы думаете, что подобныхъ вашему созданій не бывало прежде, не только гдѣ нибудь, но и на Руси? Прочтите въ Русскомъ переводѣ Скарронновы повѣсти (*Смѣшныя повѣсти забавнаго Скаррона*), Энеиду на изнанку, басни А. Е. Измайлова, и особливо романъ его: *Евгеній Лукичъ Негодяевъ*, *Елисея* Майкова, романы и повѣсти Нарѣжнаго. Вотъ образцы вашихъ Мертвыхъ душъ, и вотъ за что осуждаетъ и всегда осудитъ васъ всякій судъ безпристрастный?

«Очень сомнительно, *чтобы* избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не понравится»... Слѣдуетъ утомительное разглагольствіе, а потомъ авторъ оправдывается, почему не взятъ имъ въ герои *добродѣтельный человѣкъ*. «Потому, что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому, что *праздно вращается* на устахъ слово: добродѣтельный человѣкъ; потому, что *обратили въ лошадь* добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы *не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ, чѣмъ ни попало*; потому, что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ въ немъ и *тѣни добродѣтели*, а остались только *ребра да кожа* (т. е. по Русски—*кости да кожа*) вмѣсто тѣла; потому, что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому, что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора наконецъ *припрячь* и плутоватаго. И такъ припряжемъ его, плутоватаго человѣка!» Да, кто же требуетъ отъ васъ, м. г., *добродѣтельнаго человѣка?* Отъ васъ требуютъ только *человѣка*, и отказываются отъ несообразныхъ каррикатуръ, которыя вы изображаете намъ. Впрочемъ, можно было жаловаться на добродѣтельныхъ героевъ романа лѣтъ за двадцать прежде, а нынѣ, когда современный романъ изображаетъ отребіе человѣчества, когда онъ перешелъ въ юродство и уродство, едва ли и вы вслѣдствіе какой либо другой

мысли изображаете своего Чичикова, кромѣ подражанія модной новѣйшей словесности. Поль де-Кокъ и Диккенсъ кажется вамъ въ близкой родни, но они выше васъ, ибо если Поль де-Кокъ шутитъ, грязно шутитъ, за то онъ и не добивается ни въ учители, ни въ геніи, а у Диккенса темныя стороны оживляются чертами свѣтлыми, за которыя иногда прощаете ему его грязныя уродливости. Ваши забавныя требованія на глубокое познаніе человѣка, вашъ систематическій разсчетъ писать, какъ вы пишите, показываютъ, что вы не знаете ни человѣка, ни искуства. Посмотрите, что говорите вы въ свое оправданіе:

«Не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ, тяжело то, *что* живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, *что* тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ были бы довольны читатели (т. е. *читатели были бы довольны*). Не заглянли авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ ни кому другому не ввѣряетъ человѣкъ (да гдѣ же все это *заглянуто*, *шевельнуто*, *обнаружено*?), всѣ были бы радешеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лице, ни весь образъ его не мета*лся бы*, какъ *живой передъ глазами* (т. е. не мета*лись бы въ глаза*, какъ *живые*), за то по окончаніи чтенія душа *не встревожена ни чѣмъ* (т. е. *не была бы встревожена ни чѣмъ*), и можно (т. е. можно *бы*) обратиться вновь къ карточному столу, *тѣшащему* всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ *бы* не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность (т. е. *вамъ не хотѣлось бы видѣть обнаруженной человѣческой бѣдности*). За чемъ, говорите вы къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе не утѣшительно»... Слѣдуетъ примѣръ помѣщика, который не велитъ прикащику говорить о разстройствѣ дѣлъ своихъ...» И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили (т. е. которыя поправили *бы*) сколько нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвеніе. Спитъ умъ, можетъ быть *обрѣтшій бы* (?!) *внезапный родникъ великихъ средствъ*, а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона, и пошелъ помѣщикъ забываться по міру, съ душею отъ крайности готовою на низости, которыхъ *бы* самъ ужаснулся прежде (т. е. которыхъ самъ ужаснулся *бы* прежде).»

Не понимаемъ, за кого почитаетъ читателей своихъ авторъ и чѣмъ почитаетъ онъ самого себя! Вѣдь подумаете, слушая его, что онъ создалъ вамъ въ Чичиковѣ какое нибудь великое явленіе, подобное созданіямъ Гете, Байрона, В. Гюго, Жанъ-Поля, Шекспира, Сервантеса. Нескладнымъ и неправильнымъ Русскимъ языкомъ изъясняетъ онъ нелѣпую мысль, что почитаетъ себя какимъ то учителемъ своихъ соотечественниковъ—да, онъ хочетъ учить насъ, онъ увѣренъ, что его Мертвыя души—великое созданіе и великое поученіе нравственное! Всего яснѣе высказывается мысль автора въ слѣдующихъ словахъ: «Еще болѣе падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ, но какъ только случится что нибудь по мнѣнію ихъ оскорбительное для отечества, появится какая нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда, они выбѣгутъ *со* всѣхъ угловъ (т. е. *изъ* всѣхъ или *изъ-за* всѣхъ угловъ), какъ пауки, увидѣвшіе что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: «да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? вѣдь это все что ни описано здѣсь, это все наше? хорошо ли это? а что скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ, развѣ это не больно, думаютъ, развѣ мы не патріоты?» На такія мудрыя замѣчанія, особенно на счетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что: жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя»... Слѣдуетъ маленькій разсказецъ—авторъ любитъ *поучать въ притчахъ*—разсказецъ о какомъ-то дуракѣ, Кифѣ Мокіевичѣ, у котораго былъ сынъ Мокій Кифовичъ, и что называютъ на Руси богатырь»—«ни за что не умѣлъ онъ взяться съ легка: все, или рука у кого нибудь затрещитъ, или волдырь вскочитъ на чьемъ нибудь носу»—и все, *отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки*, бѣжало прочь, его завидя»... Когда стали на этого мерзавца сына жаловаться дураку отцу, тотъ отвѣчалъ: «Гласность бѣда! Городъ узнаетъ, назоветъ сына моего *совсѣмъ собакой*! Мнѣ развѣ не больно? Развѣ я не отецъ? *Ахъ вотъ нѣтъ же, отецъ, отецъ, чортъ ихъ побери, отецъ! Ужь если сынъ мой и останется собакой*, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдалъ его!»... Прелестную и остроумную повѣсть свою авторъ считаетъ достаточнымъ отвѣтомъ на обвиненіе со стороны нѣкоторыхъ горячихъ

патріотовъ, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурнаго, а о томъ, чтобы только не говорить, что они дѣлаютъ дурное: отдѣлавши патріотовъ, авторъ становится грозенъ и важенъ.—«Нѣтъ,» восклицаетъ онъ, «не патріотизмъ и *не первое чувство* (?) суть причины обвиненій, другое скрывается подъ ними. Къ чему тянуть слово? Кто, какъ не авторъ, долженъ сказать *святую правду?*» Какая же это *святая правда*? Авторъ увѣряетъ, что намъ не нравится Чичиковъ потому, что *всѣ мы Чичиковы*, такъ, какъ онъ увѣрялъ прежде, что *всѣ мы Хлестаковы*, и только не сознаемся въ томъ, хотя готовы указать на своего ближняго «*и чуть не фыркнувъ отъ смѣха*, побѣжать за нимъ въ догонку, передразнивая сзади и приговаривая: «Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!»—Почитая читателей убѣжденными силою его словъ и побасенокъ, авторъ начинаетъ разсказывать объ ѣздѣ Чичикова—какъ кучеръ его *отшлепавши нѣсколько разъ* (т. е. *шлепнувши* нѣсколько разъ) чубараго, да *помахнувши* (т. е. *махнувши*, или *помахавши*) сверху кнутомъ на всѣхъ, поскакалъ съ пригорка, стремившагося чуть замѣтнымъ *накатомъ* внизъ (авторъ хочетъ сказать: *покатостью*, *наклономъ*: слово: *накатъ*, означаетъ совсѣмъ не то. Читатели извинятъ наши замѣтки о словахъ, ибо они могутъ показать, до какой степени плохо знаетъ авторъ языкъ Русскій и его грамматику). Здѣсь оканчиваетъ онъ свое великое и поучительное созданіе?

Окончимъ и мы наши замѣчанія. Не будемъ болѣе говорить о слогѣ, объ образѣ выраженія, но скажемъ въ заключеніе: Каково понятіе автора объ *искусствѣ* и *цѣли* его, если онъ думаетъ, что художникъ можетъ быть уголовнымъ судьею современнаго общества? Да, если и положимъ, что такова дѣйствительно обязанность писателя, такъ развѣ выдумками на современное общество, развѣ не бывалыми каррикатурами укажетъ она на зло и предупредитъ его? Беремъ на себя кажущееся смѣшнымъ автору названіе *патріотовъ*, даже *такъ называемыхъ патріотовъ*—пусть назовутъ насъ *Кифами Мокіевичами*, но мы спрашиваемъ его: почему, въ самомъ дѣлѣ, современность представляется ему въ такомъ непріязненномъ видѣ, въ какомъ изображаетъ онъ ее въ своихъ *Мертвыхъ душахъ*, въ своемъ *Ревизорѣ*, и для чего не спросить: почему думаетъ онъ, что каждый Русскій человѣкъ носитъ въ глубинѣ души своей зародыши Чичиковыхъ и Хлестаковыхъ! Предвидимъ негодованіе и оскорбленіе защитниковъ автора: они представятъ насъ поддѣльными патріотами,

лицемѣрами, можетъ быть, чѣмъ нибудь еще хуже—вѣдь за такими бездѣлками у многихъ дѣло не станетъ!

Ихъ воля, но мы скажемъ прямо и утвердительно, что приписывая предубѣжденіе автора доброму намѣренію, нельзя не замѣтить какого-то превратнаго взгляда его на многое. Между тѣмъ, какъ его восхищаетъ всякая дрянь Итальянская, едва коснется онъ не-Итальянскаго, все становится у него уродливо и нелѣпо! Вы скажете, что Чичиковъ и городъ, гдѣ онъ является, не изображенія цѣлой страны, но посмотрите на множество мѣстъ въ Мертвыхъ душахъ: Чичиковъ, выѣхавши отъ Ноздрева, ругаетъ его *нехорошими словами* — «что дѣлать?» прибавляетъ авторъ—«*Русскій человѣкъ*, да еще и въ сердцахъ!»—Пьяный кучеръ Чичикова съѣхался съ встрѣчнымъ экипажемъ и начинаетъ ругаться: «*Русскій человѣкъ*», прибавляетъ авторъ—«не любитъ сознаваться передъ другимъ, что онъ виноватъ!»—Авторъ изображаетъ извощика, который «заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай, какъ звали»—«Эхъ! *Русскій народецъ*!» прибавляетъ онъ—«не любитъ умирать своею смертью!»—Авторъ изображаетъ красотку (ту самую, которую сравнивалъ онъ съ яблочкомъ), и увѣряетъ, что у нея было такое лицо, какое только *рѣдкимъ случаемъ попадаетъ на Руси*, гдѣ *любитъ все показаться въ широкомъ размѣрѣ*, все что ни есть, и горы, и лѣса, и степи, *и лица, и губы и ноги*!»—Изображается городъ—фризовая шинель, необходимая принадлежность города, по мнѣнію автора—плетется по улицѣ, «зная одну только (увы!) слишкомъ протертую *Русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу*!»—Какіе-то купцы позвали на пирушку другихъ купцовъ—«*пирушку на Русскую ногу*,» и «пирушка,» прибавляетъ авторъ, «*какъ водится*, кончилась дракой,» причемъ одни *уходили* другихъ, «хоть и отъ нихъ понесли *крѣпкую ссадку на бока*, *подъ микитки и подъ сочельникъ*, и у одного даже *былъ вплоть сколотъ насосъ*, *то есть*, *весь разможенъ носъ*». Спрашиваемъ: такъ ли изображаютъ, такъ ли говорятъ о томъ, что мило и дорого сердцу? *Квасной патріотизмъ*!! Мл. гг., мы сами не терпимъ его, но позвольте сказать, что *квасной патріотизмъ* все же лучше *космополитизма*.... Какого бы?... Да, мы поймемъ другъ друга!....

Намъ укажутъ на тѣ мѣста, гдѣ авторъ разливается въ восторгахъ отъ Русской скорой ѣзды, отъ Русской пѣсни; на тѣ мѣста, гдѣ онъ грозится еще двумя томами, въ коихъ, говоритъ онъ, бу-

детъ изображено что-то *чудное*, гдѣ предъ Чичиковымъ станутъ на колѣни читатели, «почуются иныя, еще совсѣмъ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство Русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или чудная Русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой дивной женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія! И мертвыми покажутся передъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ.... Поднимутся Русскія движенія, и увидятъ, какъ глубоко запало въ Славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ.».... Авторъ очень скромно обращается къ самому себѣ и восклицаетъ, что настанетъ время «когда инымъ ключемъ *грозная вьюга* вдохновенія подымется изъ его *облеченной* во святой ужасъ и *въ блистанье* главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ *величавый громъ* другихъ рѣчей.»... Не подумайте, читатели, что *облеченная въ святой ужасъ и блистанье голова автора*, изъ которой подымается *ключемъ грозная вьюга вдохновенія* съ *величавымъ громомъ рѣчей*, не подумайте, что все это *Русская галиматья*, въ родѣ *Римской галиматьи*—нѣтъ! Авторъ такъ мало хвастливъ, такъ скроменъ, что восклицаетъ наконецъ: «Русь! чего *ты* хочешь отъ *меня?* Какая непостижимая связь таится *между нами?* Что глядишь *ты* такъ, и *за чемъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи!*»...

Еслибы мы осмѣлились взять на себя отвѣтъ автору отъ имени Руси, мы сказали бы ему: М. г., вы слишкомъ много о себѣ думаете—ваше самолюбіе даже забавно, но мы сознаемъ, что у васъ есть дарованіе, и только та бѣда, что вы немножко *сбились съ пантальыку!* Оставьте въ покоѣ вашу *вьюгу вдохновенія*, поучитесь Русскому языку, да разсказывайте намъ прежнія ваши сказочки объ Иванѣ Ивановичѣ, о колескѣ и носѣ, и не пишите, ни такой галиматьи, какъ вашъ *Римъ*, ни такой чепухи, какъ ваши *Мертвыя души!* Впрочемъ, воля ваша! Есть люди, которымъ то и другое нравится.»...

Кстати, въ заключеніе, о людяхъ, которымъ нравятся *Мертвыя души*. Что такіе люди есть на Руси—свидѣтельствуютъ печатные отзывы. Насъ увѣряютъ печатно, будто общее мнѣніе въ пользу Мертвыхъ душъ. Доказательствомъ, что такое увѣреніе не совсѣмъ вѣрно—отзывы Русскихъ критиковъ: только въ двухъ журналахъ, *гдѣ г-нъ* Гоголь привыкъ слышать неумолкаемыя хвалебныя пѣсни,

превознесли его новыми хвалами, всѣ другіе Русскіе журналы отозвались невыгодно объ его сочиненіи, и замѣтьте, что всѣ притомъ соглашались въ его дарованіи, жалѣя о ложномъ направленіи такого прекраснаго дарованія. — Впрочемъ, еслибы и много нашлось поклонниковъ автора между читателями Мертвыхъ душъ, это доказало бы только то, что говоритъ самъ авторъ: «Поди ты, сладь съ человѣкомъ — пропуститъ мимо созданіе поэта, ясное, какъ день, все проникнутое согласіемъ и высшею мудростью простоты, и бросится именно на то, гдѣ какой нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и оно ему понравится, и онъ станетъ кричать: «Вотъ оно! Вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца!» — Гдѣ бываетъ больше толпа—подъ качелями о Святой, или когда разыгрываютъ ораторію Гайдена? и если сосчитать читателей Пушкина и Жуковскаго и читателей Поль-де-Кока, или какихъ нибудь рукописныхъ твореній, на которой сторонѣ будетъ большинство? Съ такимъ *большинствомъ* спорить нечего — критика не для такихъ читателей! Намъ сказывали, что даже женщины читали и хвалили Мертвыя души... Если бы мы встрѣтили такую читательницу и хвалительницу... Да любопытно встрѣтить женщину, которая скажетъ въ слухъ, что она взялась за Мертвыя души и—не оставила ихъ на десятой страницѣ!..

Скажутъ, что мы слишкомъ строго судили «Мертвыя души»—строго, но, говоримъ по совѣсти, *безпристрастно*, а строгость необходима тамъ, гдѣ авторъ такъ странно выказываетъ свое самохвальство, «гдѣ такъ смѣло стоятъ за него друзья и прислужники его! Не изыскиваемъ причинъ ни ихъ возгласовъ, ни его забавной горделивости, но то и другое можетъ имѣть вліяніе на толпу, особливо на толпу людей не мыслящихъ самобытно, на юность, увлекаемую безотчетно. Повторяемъ, что ни автора, ни друзей его не думаемъ мы убѣдить и разувѣрить въ ихъ заблужденіи, но если нашими замѣчаніями заставимъ мы другихъ взглянуть на дѣло безъ предубѣжденій, мы исполнили долгъ нашъ, достигли своей цѣли и награждены за трудъ нашъ — трудъ не малый: мы должны были внимательно читать «Мертвыя души, и когда почти каждая страница ихъ возбуждала въ насъ невольное чувство... Когда мы прочли ихъ, намъ казалось, что мы вышли на свѣжій воздухъ изъ какой то неопрятной гостинницы, гдѣ по неволѣ долженъ проѣзжій пробыть нѣсколько часовъ...

Н. Полевой.

*) *Похожденія Чичикова или Мертвыя души*. Поэма Н. Гоголя. Москва, въ Университетской Типографіи 1842. Въ 8-ю д. л. 475 стр. (цѣна 3 р. сер., съ перес. 3 р. 75 к. сер.).

Есть два способа выговаривать новыя истины. Одинъ—уклончивый, какъ будто не противорѣчащій общему мнѣнію, больше намекающій, чѣмъ утверждающій; истина въ немъ доступна избраннымъ и замаскирована для толпы скромными выраженіями: *если смѣемъ такъ думать*, *если позволено такъ выразиться*, *если не ошибаемся*, и т. п. Другой способъ выговаривать истину—прямой и рѣзкій; въ немъ человѣкъ является провозвѣстникомъ истины, совершенно забывая себя и глубоко презирая робкія оговорки и двусмысленные намеки, которые каждая сторона толкуетъ въ свою пользу, и въ которомъ видно низкое желаніе служить и нашимъ и вашимъ. «Кто не за меня, тотъ противъ меня»:—вотъ девизъ людей, которые любятъ выговаривать истину прямо и смѣло, заботясь только объ истинѣ, а не о томъ, что скажутъ о нихъ-самихъ... Такъ-какъ цѣль критики есть истина же, то и критика бываетъ двухъ родовъ: уклончивая и прямая. Является великій талантъ, котораго толпа еще не въ состояніи признать великимъ, потому-что имя его не притвердилось ей,—и вотъ уклончивая критика, въ осторожнѣйшихъ выраженіяхъ, докладываетъ «почтеннѣйшей публикѣ», что явилось-де замѣчательное дарованіе, которое, конечно, не то, что высокіе генія, гг. А, Б и В, уже утвержденные *общественнымъ мнѣніемъ*, но которое, не равняясь съ ними, все-таки имѣетъ свои права на общее вниманіе; мимоходомъ намекаетъ она, что хотя-де и не подвержено никакому сомнѣнію геніальное значеніе гг. А, Б и В, но что-де и въ нихъ не можетъ не быть своихъ недостатковъ, потому-де, что «и въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя пятна»; мимоходомъ, приводитъ она мѣста изъ новаго автора и, ничего не говоря о немъ-самомъ, равно какъ и не опредѣляя положительно достоинства приводимыхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе говоритъ о нихъ восторженно, такъ-что задняя мысль этой уклончивой критики нѣкоторымъ, весьма-немногимъ, даетъ знать, что новый авторъ выше всѣхъ геніальныхъ гг. А, Б и В, а толпа охотно соглашается съ нею, уклончивою критикою, что новый авторъ очень можетъ быть и не безъ дарованія, и затѣмъ

*) „*Отечественныя Записки*“ 1842 г., т. 23, № 7. „Библіографическая хроника“.

забываетъ и новаго автора и уклончивую критику, чтобъ снова обратиться къ геніальнымъ именамъ, которыя она, добродушная толпа, затвердила уже наизусть. Не знаемъ, до какой степени полезна такая критика. Согласны, что, можетъ-быть, только она и бываетъ полезна; но какъ натуры своей никто перемѣнить не въ состояніи, то, признаемся, мы не можемъ побѣдить нашего отвращенія къ уклончивой критикѣ, какъ и ко всему уклончивому, ко всему, въ чемъ мелкое самолюбіе не хочетъ отстать отъ другихъ въ уразумѣніи истины и, въ то же время, боится оскорбить множество мелкихъ самолюбій, обнаруживъ, что знаетъ больше ихъ, а потому и ограничивается скромною и благонамѣренною службою и нашимъ и вашимъ... Не такова критика прямая и смѣлая: замѣтивъ въ первомъ произведеніи молодаго автора исполинскія силы, пока еще несформировавшіяся и не для всѣхъ примѣтныя, она, упоенная восторгомъ великаго явленія, прямо объявляетъ его Алкидомъ въ колыбели, который дѣтскими руками мощно душитъ завистливыя мелкія дарованьица, пристрастныхъ, или ограниченныхъ и недальновидныхъ критиковъ.... Тогда на бѣдную «прямую» критику сыплятся насмѣшки и со стороны литературной братіи, и со стороны публики. Но эти насмѣшки и шутки чужды всякаго спокойствія и всякой добродушной веселости; напротивъ, онѣ отзываются какимъ-то безпокойствомъ и тревогою безсилія, исполнены вражды и ненависти. И не мудрено: «прямая критика» неудовольствовалась объявленіемъ, что новый авторъ обѣщаетъ великаго автора; нѣтъ, она, при этомъ удобномъ случаѣ, выразилась съ свойственною ей откровенностью, что геніальные гг. А, Б и В, съ компаніею, никогда не были даже и замѣчательно-талантливыми господами; что ихъ слава основалась на неразвитости общественнаго мнѣнія и держится его лѣнивою неподвижностью, привычкою и другими чисто-внѣшними причинами; что одинъ изъ нихъ, взобравшись на ходули ложныхъ, натянутыхъ чувствъ и надутыхъ, пустозвонныхъ фразъ оклеветалъ дѣйствительность ребяческими выдумками; другой ударился въ противоположную крайность и грязью съ грязи мазалъ свои грубыя картины, приправляя ихъ провинціальнымъ юморомъ; и такъ третьяго, четвертаго и пятаго... Вотъ тутъ-то начинается борьба старыхъ мнѣній съ новыми, предразсудковъ, страстей и пристрастій—съ истиною (борьба, въ которой всего болѣе достается «прямой критикѣ», и о которой всего менѣе хочетъ знать «прямая критика»)... Врагами новаго таланта являются даже и умные люди,

которые уже столько прожили на бѣломъ свѣтѣ и такъ утвердились въ извѣстномъ образѣ мыслей, что ужъ въ новомъ свѣтѣ истины по-неволѣ видятъ только помраченіе истины; если же изъ нихъ найдется хоть одинъ такой, который въ свое время и самъ понималъ больше другихъ, былъ поборникомъ новой истины, теперь уже ставшей старою, — то, спрашиваемъ, какова же должна быть его немощная вражда противъ новаго таланта, въ которомъ онъ чуетъ что-то, но котораго понять не можетъ? И если у этого ci devant умнаго и шедшаго впереди съ высшими взглядами, а теперь отсталаго отъ времени человѣка, если у него характеръ слабый, ничтожный и завистливый, а самолюбіе мелкое и раздражительное, то спрашиваемъ, какое жалкое зрѣлище должно представлять, его отчаянно—безсильная борьба съ новымъ талантомъ?.. Что же сказать о тѣхъ «господахъ—сочинителяхъ», которые, благодаря своей ловкости и смѣтливости, замѣняющимъ у людей ограниченныхъ и бездарныхъ умъ и талантъ, пошлыми, въ каммерюнкерскомъ вкусѣ остротами надъ французскимъ языкомъ, балами и модами, лорнетками, куцыми фраками, прическою à la russe, усами, бородами и т. п., успѣли во-время подтибрить себѣ извѣстность нравственно-сатирическихъ и нравственно-описательныхъ талантовъ? Правда, новый талантъ ничего имъ не сдѣлалъ, ничего о нихъ не сказалъ, никогда съ ними не знался ни лично, ни литературно, какъ съ людьми, съ которыми у него общаго ничего нѣтъ и быть не можетъ; но за то, онъ показалъ, что такое истинный юморъ и непрощаемая невѣжествомъ и порокомъ истинная иронія, и какъ должно дѣйствовать въ пользу общественной нравственности, не резонёрствуя о нравственности, но только «возводя въ перлъ созданія» типическія явленія дѣйствительности: а это развѣ не то же самое, что убить наповалъ нашихъ нравственно-сатирическихъ сочинителей, даже и не принимая на себя труда знать о ихъ незанимательномъ существованіи. И вотъ они, эти господа нравственно-сатирическіе и другихъ родовъ сочинители, прославившіеся не одними романами, но и въ качествѣ грамотѣевъ и исправныхъ корректоровъ, прибѣгаютъ для униженія страшнаго имъ таланта, ко всевозможнымъ свойственнымъ имъ уловкамъ: сперва не признаютъ въ немъ никакого таланта и видятъ рѣшительную бездарность; но сознавая, къ своему ужасу, что слава таланта все растетъ и растетъ, все идетъ и идетъ своею дорогою и не замѣчаетъ *раздающагося* вокругъ него лая, они начинаютъ милостиво

замѣчать въ немъ талантъ, изъявляя сожалѣніе, что онъ дозволяетъ себѣ сбиваться съ пути, увлекаться непомѣрными похвалами пріятелей (изъ которыхъ со многими онъ даже и незнакомъ совсѣмъ), которые видятъ въ немъ и Богъ знаетъ что, тогда — какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ имѣетъ талантъ только вѣрно и забавно списывать съ натуры; далѣе, «при сей вѣрной оказіи», доказываютъ, что онъ *даже* и языка-то не знаетъ, въ подтвержденіе чего указываютъ на мелкіе промахи противъ грамматики г. Греча, на типографскія ошибки, или осуждая со всѣмъ негодованіемъ, свойственнымъ «угнетенной невинности», сильныя, оскорбляющія приличіе выраженія, въ родѣ слова *вонять*, котораго, по ихъ увѣренію, не скажетъ въ ихъ обществѣ и порядочный лакей... Большинство публики, съ своей стороны, оскорбленное, сколько похвалами «прямой критики» новому таланту, къ которому оно еще не привыкло, и котораго, потому, еще не могло понять, столько же—или еще больше—ея откровенными выходками противъ геніальныхъ гг. А, Б и В, къ которымъ оно давно привыкло, и которыхъ хотя ужъ и не читаетъ, но по привычкѣ и преданію все еще считаетъ геніями, это большинство публики вдвойнѣ не благоволитъ къ новому таланту. Господа нравственно-сатирическіе сочинители хорошо понимаютъ это и еще лучше пользуются этимъ: они повремени перестаютъ говорить о себѣ и своихъ безсмертныхъ сочиненіяхъ, и являются жаркими поклонниками чужой славы, прежде, т. е. когда она была въ ходу, ими ненавидимой и оскорбляемой, а теперь, т. е. когда та скоропостижно скончалась, будто-бы дорогой и священной для нихъ.... И вотъ они кричатъ о духѣ партіи, который заставляетъ иной «толстый журналъ» хвалить писателя, неумѣющаго писать по русски, и пристрастно унижать истинныя дарованія... Но вотъ слава геніальныхъ господъ А, Б и В наконецъ забывается, благодаря времени и рѣзкой откровенности «прямой критики»; новый талантъ дѣлается авторитетомъ: его оригинальныя и самобытныя созданія, полныя мысли, сіяющія художественною красотою, вѣющія духомъ новой, прекрасной жизни, проникаютъ въ созданіе общества, производятъ новую школу въ искусствѣ и литературѣ, такъ-что сами нравственно-сатирическіе сочинители, волею или неволею, принуждены перечинить на новый ладъ свои притупившіяся перья и передразнивать форму недоступныхъ имъ по содержанію твореній генія; общественное мнѣніе круто поворачивается въ пользу великаго поэта,—и вопіющая партія отсталыхъ посредственностей теряется, не знаетъ, что дѣлать, грозитъ

ругательными статьями и не смѣетъ выполнить угрозы, боясь конечнаго для себя позора... Не знаемъ, какую роль во всемъ этомъ играла «прямая критика» и на сколько содѣйствовала она этому процессу общественнаго сознанія; но знаемъ, что тѣ же люди, которые изъ порицателей великаго поэта сдѣлались жалкими его поклонниками, не любятъ вспоминать, что такой-то критикъ, еще при первомъ появленіи поэта, не боясь идти противъ общественнаго мнѣнія, не боясь равно раздразнить гусей, равно презирая и насмѣшки и неназисть, смѣло и рѣзко сказалъ о немъ то, что теперь говоритъ о немъ большинство и они-сами, эти безпамятные люди... Знаемъ также, что явись опять новое, свѣжее дарованіе, первыми своими созданіями обѣщающее великую будущность,—«прямая критика» также честно разъиграетъ свою роль и ту же игру повторятъ, въ отношеніи къ ней и къ поэту, и завистливая посредственность, и тугая, медленная въ процессахъ своего сознанія толпа... Но знаемъ при этомъ еще и то, что «прямота», какъ и все истинное и великое, должна быть сама себѣ цѣлью и въ самой-себѣ находить свое удовлетвореніе и свою лучшую награду...

Все это-такъ, взглядъ, разсужденія; теперь скажемъ слова два о нѣкоторыхъ фактахъ, подавшихъ намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ и имѣющихъ близкое отношеніе къ автору книги, заглавіе которой выставлено въ началѣ этой статьи. Не углубляясь далеко въ прошедшее нашей литературы, не упоминая о многихъ предсказаніяхъ «прямой критики», сдѣланныхъ давно и теперь сбывшихся, скажемъ просто, что изъ нынѣ-существующихъ журналовъ, только на долю «От. Записокъ» выпала роль «прямой» критики. Давно ли было то время, когда статья о Марлинскомъ *) возбудила противъ насъ столько криковъ, столько непріязненности, какъ со стороны литературной братіи, такъ и со стороны большинства читающей публики?—И что же? смѣшно и жалко видѣть, какъ, съ голосу «Отеч. Записокъ», словами и выраженіями (не новы, да благо ужъ готовы!) преслѣдуютъ теперь блѣдный призракъ падшей славы этого блестящаго фразера—Богъ-знаетъ изъ какихъ щелей попаползшіе въ современную литературу критиканы. Богъ вѣдаетъ какіе журналы и какія газеты! Большинство публики не только не думаетъ сердиться, но тоже въ свою очередь, повторяетъ вычитываемыя имъ о Марлинскомъ

*) „Отеч. Записки“ 1840 г., т. VIII.

фразы! Давно ли многіе не могли намъ простить, что мы видѣли великаго поэта въ Лермонтовѣ? Давно ли писали о насъ, что мы превозносимъ его пристрастно, какъ постояннаго вкладчика въ нашъ журналъ? И что же! Мало того, что участіе и устремленныя на поэта полныя изумленія и ожиданія очи цѣлаго общества, при жизни его, и потомъ общая скорбь образованной и необразованной части читающей публики, при вѣсти о его безвременной кончинѣ, вполнѣ оправдали наши прямые и рѣзкіе приговоры о его талантѣ,— мало того: Лермонтова принуждены были хвалить даже тѣ люди, которыхъ не только критикъ, но и существованія онъ не подозрѣвалъ, и которыя гораздо лучше и приличнѣе могли бы почтить его талантъ своею враждою, чѣмъ пріязнію... Но эти нападки на нашъ журналъ за Марлинскаго и Лермонтова ничто въ сравненіи съ нападками за Гоголя... Изъ существующихъ теперь журналовъ, «Отеч. Записки» *первыя* и *одни* сказали, и постоянно, со дня своего появленія до сей минуты, говорятъ, что такое Гоголь въ русской литературѣ... Какъ на величайшую нелѣпость, со стороны нашего журнала, какъ на самое темное и позорное пятно на немъ, указывали разные критиканты, сочинители и литературщики на наше мнѣніе о Гоголѣ... Еслибъ мы имѣли несчастіе увидѣть генія и великаго писателя въ какомъ-нибудь писакѣ средней руки, предметѣ общихъ насмѣшекъ и образцѣ бездарности, и тогда бы не находили этого столь смѣшнымъ, нелѣпымъ, оскорбительнымъ, какъ мысль о томъ, что Гоголь—великій талантъ, геніальный поэтъ и *первый* писатель современной Россіи... За сравненіе его съ Пушкинымъ на насъ нападали люди, всѣми силами старавшіеся бросать грязью своихъ литературныхъ воззрѣній въ страдальческую тѣнь перваго великаго поэта Руси... Они прикидывались, что ихъ оскорбляла одна мысль видѣть имя Гоголя подлѣ имени Пушкина; они притворялись глухими, когда имъ говорили, что самъ Пушкинъ первый понялъ и оцѣнилъ талантъ Гоголя, и что оба поэта были въ отношеніяхъ, напоминавшихъ собою отношеніе Гёте и Шиллера... Изъ всѣхъ немногихъ высоко-превозносимыхъ въ «Отеч. Запискахъ» поэтовъ, только одинъ Лермонтовъ находился съ ихъ издателемъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ и почти исключительно одному ему отдавалъ свои произведенія; такъ какъ этого нельзя было поставить въ упрекъ ни издателю, ни его журналу;—то вздумали увѣрять, что *немногимъ* (sic!) успѣхомъ своимъ «Отеч. Записки» обязаны Лермонтову. Это увѣреніе воспослѣдовало послѣ

многихъ другихъ увѣреній въ томъ, что «Отеч. Записки» никогда не имѣли, не имѣютъ и не будутъ имѣть *никакого* успѣха. Судя по такому постоянству въ мнѣніи объ успѣхѣ «Отеч. Записокъ», можно думать, что эти люди скоро убѣдятся въ слѣдующей истинѣ: хотя стихотворенія такого поэта, какъ Лермонтовъ, не могли не придать собою большаго блеска журналу, но еще не было на Руси (да и нигдѣ) примѣра, чтобъ какой-нибудь журналъ держался чьими бы то ни было стихотвореніями... При этомъ, можетъ быть, вспомнятъ они, что «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ Пушкинъ исключительно печаталъ свои стихотворенія, не имѣлъ никакого успѣха, ни большаго, ни малаго, потому-что въ немъ, кромѣ стиховъ Пушкина, ничего интереснаго для публики не было... Издатель «Отеч. Записокъ» всегда сохранитъ, какъ лучшее достояніе своей жизни, признательную память о Пушкинѣ, который удостоивалъ его больше, чѣмъ простаго знакомства; но признаетъ себя обязаннымъ отречься отъ высокой чести быть пріятелемъ, или, какъ обыкновенно говорится, «другомъ» Пушкина: если онъ высоко ставитъ поэтическій геній Пушкина, такъ это по причинамъ чисто-литературнымъ... Въ его журналѣ читатели не разъ встрѣчали восторженныя похвалы Крылову и Жуковскому:—и это опять по причинамъ чисто-литературнымъ, хотя издатель и пользуется честью знакомства съ обоими лавреатами нашей литературы, и хотя послѣдній удостоилъ его журналъ помѣщеніемъ въ немъ нѣсколькихъ пьесъ своихъ... Въ «Отеч. Запискахъ» читатели не разъ встрѣчали также восторженныя похвалы Батюшкову и особенно Грибоѣдову: но этихъ двухъ поэтовъ издатель «Отеч. Записокъ» даже никогда и не видывалъ... Что касается до Гоголя, издатель «Отеч. Записокъ» дѣйствительно имѣлъ честь быть знакомъ съ нимъ; но не больше какъ знакомъ,—и въ то время, какъ «Отеч. Записки», своими отзывами о Гоголѣ возбуждали къ себѣ ненависть и навлекали на себя осужденія разныхъ критиковъ,—Гоголь жилъ въ Италіи, а возвращаясь на родину, жилъ преимущественно въ Москвѣ, и ни одной строки его еще не было въ нашемъ журналѣ... Что же заговорятъ наши критическіе рыцари печальнаго отзыва, если когда-нибудь увидятъ въ «Отеч. Запискахъ» повѣсть Гоголя?.. О, тогда они завопятъ: «видите ли, все хвалятъ *своихъ*!..»

Мы не безъ умысла разговорились, по поводу поэмы Гоголя, о такихъ не прямо литературныхъ предметахъ. Что дѣлать! наша литература еще такъ молода, общественное мнѣніе такъ еще не твердо,

что намъ должно говорить о многомъ, о чемъ уже давно не говорится въ иностранныхъ литературахъ, и о чемъ, есть надежда, скоро совсѣмъ перестанутъ говорить и въ нашей литературѣ... Журналъ издается не для извѣстнаго круга, а для всѣхъ; «Отеч. Записки» имѣютъ такой обширный кругъ читателей, въ которомъ нельзя никакъ предполагать единства въ мнѣніи. Притомъ же, иногородная публика, которая издалека смотритъ на Петербургъ, какъ на центръ литературной дѣятельности въ Россіи, не можетъ иногда не приходить въ смущеніе отъ противорѣчащихъ журнальныхъ толковъ, не зная кому вѣрить, кому не вѣрить: и потому должно давать ей ключъ къ истинѣ не одними словами, но и фактами. Чего добраго!—можетъ быть, скоро ей начнутъ превозносить Гоголя тѣ же самые люди, которые поносили насъ за похвалы ему, и которые теперь, потерявшись отъ неслыханнаго успѣха «Мертвыхъ Душъ», подобно утопающему, хватаются даже за соломенку для своего спасенія отъ потопленія въ волнахъ Леты, и увѣряютъ, что «Кузьма Петровичъ Мирошевъ» выше «Мертвыхъ Душъ»... Чего добраго!—можетъ-быть, скоро эти люди будутъ упрекать насъ въ невѣжествѣ, безвкусіи и пристрастіи, если бы намъ пришлось когда нибудь новое произведеніе Гоголя найдти неудовлетворительнымъ... Времена перемѣнчивы... Притомъ же есть люди, которые думаютъ, что то и хорошо, что въ ходу... Но пока для насъ еще существуетъ достовѣрность, что всѣ знаютъ *кто* первый оцѣнилъ на Руси Гоголя...

Мы знаемъ, что еслибъ гдѣ и случилось публикѣ встрѣтить болѣе или менѣе подходящее къ истинѣ сужденіе о Гоголѣ, особенно въ тонѣ и духѣ «Отеч. Записокъ», публика будетъ знать источникъ, откуда вытекло это сужденіе, и не пріиметъ его за новость... Теперь всѣ стали умны, даже люди, которые родились не умны; и каждый съумѣетъ поставить яйцо на столъ... Послѣ появленія «Мертвыхъ Душъ» много найдется литературныхъ Коломбовъ, которымъ легко будетъ открыть новый великій талантъ въ русской литературѣ, новаго великаго писателя русскаго—Гоголя...

Но не такъ-то легко было открыть его, когда онъ былъ еще дѣйствительно—новымъ. Правда, Гоголь, при первомъ появленіи своемъ, встрѣтилъ жаркихъ поклонниковъ своему таланту; но ихъ число было слишкомъ мало. Вообще ни одинъ поэтъ на Руси не имѣлъ такой странной судьбы, какъ Гоголь: въ немъ не смѣли видѣть великаго писателя даже люди, знавшіе наизусть его творенія; къ его таланту

никто не былъ равнодушенъ; его или любили восторженно, или ненавидѣли. И этому есть глубокая причина, которая доказываетъ скорѣе жизненность, чѣмъ мертвенность нашего общества. Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность, и если къ этому присовокупить его глубокій юморъ, его безконечную иронію, то ясно будетъ, почему ему еще долго не быть понятымъ, и что обществу легче полюбить его, чѣмъ понять... Впрочемъ мы коснулись такого предмета, котораго нельзя объяснить въ рецензіи Скоро будемъ мы имѣть случай поговорить подробно о всей поэтической дѣятельности Гоголя, какъ объ одномъ цѣломъ, и обозрѣть всѣ его творенія въ ихъ постепенномъ развитіи. Теперь же, ограничимся выраженіемъ въ общихъ чертахъ своего мнѣнія о достоинствѣ «Мертвыхъ Душъ»—этого великаго произведенія.

Нашей литературѣ, въ слѣдствіе ея искуственнаго начала и неестественнаго развитія, суждено представлять изъ себя зрѣлище отрывочныхъ и самыхъ противорѣчащихъ явленій. Мы уже не разъ говорили, что не вѣримъ существованію русской литературы, какъ выраженію народнаго сознанія въ словѣ, исторически-развивавшагося; но видимъ въ ней прекрасное начало великаго будущаго, рядъ отрывочныхъ проблесковъ, яркихъ какъ молнія, широкихъ и размашистыхъ, какъ русская душа, но не болѣе, какъ *проблесковъ*. Все остальное, изъ чего слагается вседневная дѣятельность нашей литературы, имѣетъ мало, или совсѣмъ не имѣетъ отношенія къ этимъ проблескамъ, кромѣ развѣ, того, какое отношеніе имѣетъ тѣнь къ свѣту и мракъ къ блеску. Гоголь началъ свое поприще еще при Пушкинѣ и съ смертію его замолкъ, казалось, навсегда. Послѣ «Ревизора», онъ не печаталъ ничего до половины текущаго года. Въ этотъ промежутокъ его молчанія, столь печалившаго друзей русской литературы и столь радовавшаго литературщиковъ, успѣла взойдти и погаснуть на горизонтѣ русской поэзіи яркая звѣзда таланта Лермонтова. Послѣ «Героя Нашего Времени» только въ журналахъ (читатели знаютъ, въ какихъ) и альманахѣ Смирдина явилось нѣсколько повѣстей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; но ни въ журналахъ, ни отдѣльно не явилось ничего капитальнаго, ничего такого, что составляетъ вѣчное пріобрѣтеніе литературы и, какъ лучи солнечные въ фокусѣ стекла, сосредоточиваетъ въ себѣ общественное сознаніе, въ одно и то же время возбуждая и любовь и ненависть, и восторженныя похвалы и ожесточенныя порицанія, полное удовлетвореніе и совершенное недовольство,

но во всякомъ случаѣ общее вниманіе, шумъ, толки и споры. Какое-то апатическое уныніе овладѣло литературою; торжество посредственности было полное; видя, что никто ей не мѣшаетъ, она овладѣла и романомъ, и повѣстью, и театромъ; она выпустила длинную фалангу уродовъ и недоносковъ, то передразнивая Марлинскаго въ призракахъ, то шарлатаня французскою исторіею и литовскими преданіями, растягивая ихъ на длинные томы скучныхъ росказней; то перебиваясь старою ветошью мнимо-патріотическихъ и мнимо-народныхъ сценъ пресловутой старины, то выдавая намъ за народность грязь простонародья, за патріотизмъ сало и галушки, а за юморъ и остроуміе карикатуры нигдѣ небывалыхъ идіотовъ, которые, по волѣ г. сочинителя, то глупы; то умны, то опять глупы; то пародируя Шекспира и перелагая его драмы на русскіе нравы; то переводя на русскій языкъ и русскую сцену мусоръ и щебень съ задняго двора нѣмецкой драматической литературы... И вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этихъ пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, приторной народности,—вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, первистою, кровною любовію къ плодовитому зерну русской жизни, твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,—и въ то же время, глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое... Въ «Мертвыхъ Душахъ» авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ ними... Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ «Мертвыхъ Душахъ» вездѣ ощущаемо и, такъ сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разумѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности или односторонности, искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ поэтомъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичною душою и духовно-*личною* самостію,—ту субъективность, которая не до-

пускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою *душу живу* явленіе внѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать *душу живу*... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собою всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго паѳоса и освѣжительными волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ, напр., тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, «который изъ великаго омута ежедневно-вращающихся образовъ избралъ одинъ немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго стр[illegible] испускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничт[illegible] обратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался [illegible] ргнутые отъ нея и возвеличенные образы»; или [illegible] онъ о грустной судьбѣ «писателя, дерзнувшаго [illegible]е, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ [illegible] всю страшную, потрясающую тину мелочей, опу[illegible], всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повсед[illegible]ь, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горька[illegible] и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувша[illegible]ыпукло и ярко на всенародныя очи»; или тамъ [illegible]лучаю встрѣчи Чичикова съ плѣнившею его бородинкою, говоритъ, что «вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли чорствыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно-плеснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, непохожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; вездѣ, поперегъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотою упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской телеги,—и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ»... Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много—всѣхъ не выписать. Но этотъ паѳосъ субъективности поэта проявляется не въ *одныхъ* такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется *безпрестанно, даже и среди* разсказа о самыхъ прозаическихъ предме-

тахъ, какъ, наприм., объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубённымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: «Эхъ, русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью!»...

Столь же важный шагъ впередъ со стороны таланта Гоголя видимъ мы въ томъ, что въ «Мертвыхъ Душахъ» онъ совершенно отрѣшился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова. При каждомъ словѣ его поэмы, читатель можетъ говорить:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!

Этотъ русскій духъ ощущается и въ юморѣ, и въ ироніи, и въ выраженіи автора, и въ размашистой силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, и въ пафосѣ всей поэмы, и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и «подлеца чубараго» включительно,—въ Петрушкѣ, носившемъ съ собою свой особенный воздухъ, и въ будочникѣ, который, при фонарномъ свѣтѣ, въ просонкахъ, казнилъ на ногтѣ звѣря и снова заснулъ. Знаемъ, что чопорное чувство многихъ читателей оскорбится въ печати тѣмъ, что такъ субъективно-свойственно ему въ жизни, и назоветъ сальностями выходки въ родѣ казненнаго на ногтѣ звѣря; но это значитъ не понять поэмы, основанной на пафосѣ дѣйствительности, какъ она есть. Изображайте мѣщанско-филистерскую жизнь Нѣмцевъ, и вы принуждены будете упоминать (въ похвалу, или насмѣшку) о педантизмѣ ихъ опрятности, касаясь же жизни русскаго простонародья, не отличающагося, какъ извѣстно, излишнею чистоплотностью, значило бы пропустить одну изъ характеристическихъ чертъ ея, еслибъ не замѣтить, что не только въ деревняхъ, днемъ, сидя у воротъ, бабы усердно занимаются казненіемъ звѣрей у ребятишекъ, изъявляя имъ этимъ свою нѣжность и заботливость, но въ столицахъ извощики на биржахъ и работники на улицахъ, не рѣдко оказываютъ другъ другу подобную услугу, единственно изъ безкорыстной любви къ такому занятію... Мы знаемъ напередъ, что наши сочинители и критиканы не пропустятъ воспользоваться расположеніемъ многихъ читателей къ чопорности и ихъ склонностію находить въ себѣ образованность большаго свѣта, выказывая при этомъ собственное знаніе приличій высшаго общества. Нападая на автора «Мертвыхъ Душъ» за сальности его поэмы, они съ сокрушеннымъ сердцемъ воскликнутъ, что по-

рядочный лакей не станетъ выражаться, какъ выражаются у Гоголя благонамѣренные и почтенные чиновники... Но мимо ихъ, этихъ столь посвященныхъ въ таинства высшаго общества критикановъ и сочинителей; пусть ихъ хлопочутъ о томъ, чего не смыслятъ, и стоятъ за то, чего не видали, и что̀ не хочетъ ихъ знать...

«Мертвыя Души» прочтутся всѣми, но понравятся, разумѣется, не всѣмъ. Въ числѣ многихъ причинъ есть и та, что «Мертвыя Души» не соотвѣтствуютъ понятію толпы о романѣ, какъ о сказкѣ, гдѣ дѣйствующія лица полюбили, разлучились, а потомъ женились и стали богаты и счастливы. Поэмою Гоголя могутъ вполнѣ насладиться только тѣ, кому доступна мысль и художественное выполненіе созданія, кому важно содержаніе, а не «сюжетъ»; для восхищенія всѣхъ прочихъ остаются только мѣста̀ и частности. Сверхъ того, какъ всякое глубокое созданіе, «Мертвыя Души» не раскрываются вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда не виданное произведеніе. «Мертвыя Души» требуютъ изученія. Къ тому же еще должно повторить, что юморъ доступенъ только глубокому и сильно-развитому духу. Толпа не понимаетъ и не любитъ его. У насъ всякій писака такъ и таращится рисовать бѣшеныя страсти и сильные характеры, списывая ихъ, разумѣется, съ себя и съ своихъ знакомыхъ. Онъ считаетъ для себя униженіемъ спизойдти до комическаго и ненавидитъ его по инстинкту, какъ мышь кошку. «Комическое и юморъ» большинство понимаетъ у насъ какъ шутовское, какъ каррикатуру,— и мы увѣрены, что многіе не шутя, съ лукавою и довольною улыбкою отъ своей проницательности, будутъ говорить и писать, что Гоголь въ шутку назвалъ свой романъ поэмою... Именно такъ! Вѣдь Гоголь большой острякъ и шутникъ, и что за веселый человѣкъ, Боже мой! Самъ безпрестанно хохочетъ и другихъ смѣшитъ!.. Именно такъ вы угадали, умные люди...

Что касается до насъ, то не считая себя въ правѣ говорить печатно о личномъ характерѣ живаго писателя, мы скажемъ только, что не въ-шутку назвалъ Гоголь свой романъ «поэмою», и что не комическую поэму разумѣетъ онъ подъ нею. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ ней ничего шуточнаго и смѣшнаго; ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя: все серьезно, спокойно, истинно и глубоко... Не *забудьте, что книга* эта есть только экспозиція, введеніе въ поэму.

что авторъ обѣщаетъ еще двѣ такія же большія книги, въ которыхъ мы снова встрѣтимся съ Чичиковымъ и увидимъ новыя лица, въ которыхъ Русь выразится съ другой своей стороны... Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на «Мертвыя Души» и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру. Но объ этомъ и о многомъ другомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ, подробнѣе; а теперь пусть скажетъ что нибудь самъ авторъ:

«...И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ съ деревянными лавченками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы, чинимыя мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую; помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: «такой-то артиллерійской батареи», зеленыя, желтыя и свѣже-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ; затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя изъ моего чуднаго, прекраснаго далёка, тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искуства, города съ многоокопными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчный пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы, не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто—пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора! Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и

хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земля даль! Русь!..

«... И какой же Русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чортъ побери все!» его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ — и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летитъ на встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и воронымъ крикомъ, летитъ вся дорога ни весть куда въ пропадающую даль—и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мелькань, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка! птица—тройка! кто тебя выдумалъ? Знать у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ—гладнемъ разметнулась на полъ-свѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебя въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а на скоро живьемъ, с однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскі расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесах смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! И вотъ она понеслась понеслась, понеслась!.. И вотъ уже видно вдали, какъ что-то пышетъ *и сверлитъ* воздухъ...

«Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и отстаетъ назади. Остановился, пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое-ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ одне вытянутыя линіи, летящія по воздуху,—и мчится вся вдохновенная Богомъ!.... Русь, куда жь несешься ты, дай отвѣтъ? Не даетъ отвѣта! Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на земли, и косясь, постараниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.....»

Грустно думать, что этотъ высокій лирическій пафосъ, эти гремящіе, поющіе дифирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія, достойные великаго русскаго поэта, будутъ далеко не для всѣхъ доступны, что добродушное невѣжество души станетъ хохотать отъ-того, отъ-чего у другаго волосы встанутъ на головѣ при священномъ трепетѣ... А между тѣмъ, это такъ, и иначе быть не можетъ. Высокая, вдохновенная поэма пойдетъ для большинства за «преуморительную штуку». Найдутся также и патріоты, о которыхъ Гоголь говоритъ на 468-й стран. своей поэмы, и которые, съ свойственною имъ проницательностію, увидятъ въ «Мертвыхъ душахъ» злую сатиру, слѣдствіе холодности и нелюбви къ родному, къ отечественному,—они, которымъ такъ тепло въ нажитыхъ ими потихоньку домахъ и домикахъ, а можетъ-быть и деревенькахъ—плодахъ благонамѣренной и усердной службы... Пожалуй, еще закричатъ и о личностяхъ... Впрочемъ, это и хорошо съ одной стороны: это будетъ лучшею критическою оцѣнкою поэмы... Что касается до насъ, мы, напротивъ, упрекнули бы автора скорѣе въ излишествѣ непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства, мѣстами слишкомъ-юношески увлекающагося, нежели въ недостаткѣ любви и горячности къ родному и отечественному... Мы говоримъ о нѣкоторыхъ,—къ счастію немногихъ, хотя къ несчастію и рѣзкихъ мѣстахъ, гдѣ авторъ слишкомъ-легко судитъ о національности чуждыхъ племенъ, и не слишкомъ-скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго

племени надъ нимп. Мы думаемъ, что лучше оставлять всякому свое, и сознавая собственное достоинство, умѣть уважать достоинство и въ другихъ... Объ этомъ много можно сказать, какъ и о многомъ другомъ,—что мы и сдѣлаемъ скоро въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

*) *Похожденія Чичикова или Мертвыя души.* Поэма Н. Гоголя. Москва. Въ Универс. тип. 1842 г. 8 д. с. 475 стр.

Критика бываетъ особенно въ затруднительномъ положеніи, когда суду ея предлагается твореніе автора, уже успѣвшаго возбудить живое соучастіе въ публикѣ, но еще не вполнѣ совершившаго свое поприще, еще не окончательно исполнившаго свое назначеніе. Ей гораздо легче изрѣчь приговоръ свой трудамъ писателя, уже опочившаго во гробѣ, потому что на могилѣ его утихаютъ восторженные гимны его обожателей, перестаетъ шипѣть зависть и прекращаются всѣ мелкіе меркантильно-литературные разсчеты на его славу. Но все это, по-крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, необходимо заглушаетъ голосъ критики и колеблетъ ея рѣшимость, когда она намѣревается судить о книгѣ, творецъ которой, полный силы и дарованія, заслуживши славу и зависть, не сошелъ еще съ литературной арены. «Похожденія Чичикова» могутъ служить доказательствомъ истины нашего мнѣнія.

Едва прошелъ мѣсяцъ съ того времени, когда появилась эта новая поэма *Гоголя*, а мы уже о ней слышали и читали много, и вѣроятно услышимъ и прочитаемъ еще болѣе толковъ и мнѣній самыхъ разнорѣчащихъ и почти противоположныхъ. Въ наше время едвали «Горе отъ ума» производило столь сильные споры. Но эти самые споры, возникшіе по поводу «Мертвыхъ душъ», убѣдительнѣе всѣхъ похвалъ и доказываютъ высокое достоинство сего превосходнаго творенія.

Зоркій взглядъ опытнаго, глубокомысленнаго наблюдателя, проникающій въ природу, сердце и жизнь человѣка, рѣдкое умѣнье крупными широкими чертами живописать страсти, изъ ихъ игры созидать характеры и изъ развитія сихъ послѣднихъ выводить дѣйствіе, служащее содержаніемъ повѣсти, романа или комедіи (смотря потому,

*) „Санктпетербургскія Вѣдомости" 1842 г., №№ 163, 164 и 165. „Библіографія". *Статья М. Сорокина.*

что пишетъ *Гоголь*), воображеніе быстрое, дальновидное, всегда согрѣтое пламенемъ истиннаго чувства, острая, колкая сатира, по наружности забавная и смѣющаяся, но въ сущности глубоко грустная, внушенная негодованіемъ на пороки и слабости человѣческія; языкъ, иногда небрежный, но всегда живописный, оригинальный, сообразный характеру выражаемаго предмета—вотъ черты, которыми болѣе или менѣе ознаменованы всѣ прежнія беллетристическія произведенія *Гоголя* и которыя всѣ отпечатлѣлись въ новой его поэмѣ. Нужно ли доказывать, что всѣ портреты и характеры съ удивительною полнотою и вѣрностію списываются имъ съ окружающей насъ природы. Правда, иногда слишкомъ бойко разыгравшееся воображеніе *Гоголя*, наущенное его надмѣру сатирическимъ духомъ, вмѣсто портретовъ и характеровъ рисуетъ образы, близко подходящіе къ карикатурамъ; расточительное въ своемъ неистощимомъ богатствѣ, не довольствуется двумя тремя чертами, но густо кладетъ яркія краски и не опускаетъ безъ вниманія ни одной подробности въ описываемомъ предметѣ. Простодушно разгульное и чуждое лицемѣрной чопорности, воображеніе его иногда слишкомъ смѣло выступаетъ изъ предѣловъ приличія, постановленныхъ едва ли всегда искренними и справедливыми законами литературы; опрометчивое въ своемъ рьяномъ полетѣ, оно подъ часъ презираетъ надъ предписаніями грамматики, къ великой досадѣ сердитыхъ блюстителей языка. Самая строгая критика, если только она не лишена сочувствія къ прекрасному, всѣ недостатки, встрѣчаемыя въ твореніяхъ *Гоголя*, можетъ счесть только за промахи распаленной фантазіи, иногда порывающіе бразды логики, а не за грѣхи, проистекающіе отъ недостатка надлежащихъ свѣдѣній и скудности дарованія.

Авторъ «Мертвыхъ душъ» кромѣ изданной имъ одной части этой поэмы, обѣщаетъ еще двѣ, а потому мы и не можемъ произнести окончательнаго сужденія объ этой книгѣ; но увѣренные въ сильномъ талантѣ писателя, вполнѣ убѣждены, что двѣ послѣднія части будутъ достойны первой. Въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ, Коллежскомъ Совѣтникѣ *Чичиковѣ*, сосредоточенъ весь интересъ этой огромной, ярко разцвѣченной картины, фонъ которой составляетъ быть нашихъ провинціальныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Этотъ *Чичиковъ* совершенно типическое лицо, котораго еще мы не встрѣчали въ нашей литературѣ. Мы живемъ двоякою жизнію: юною, перелитою къ намъ изъ *Европы*, *и другою*, ветхою которую наслѣдовали мы отъ нашихъ

до-Петровскихъ предковъ. Если представителями первой назовемъ *Чацкаго*, *Евгенія Онѣгина и Печорина*, то типами, выражающими вторую прежде были *Простакова* и *Митрофанъ*, а теперь являются *Хлестаковъ*, *Сквозникъ-Дмухановскій* съ своимъ причетомъ и—*Чичиковъ*. Авторъ самъ глубоко понималъ, что въ портретѣ его героя многіе, весьма многіе будутъ смотрѣться, какъ въ зеркало, и мы съ полнымъ убѣжденіемъ сочувствуемъ этимъ словамъ его:

«А кто изъ васъ, полный Христіанскаго смиренья, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубитъ во внутрь собственной души этотъ тяжелый запросъ: «А нѣтъ ли и во мнѣ какой нибудь части *Чичикова*?» Да, какъ бы не такъ. А вотъ пройди въ это время мимо его какой нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ не слишкомъ большой, не слишкомъ малый, онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: смотри, смотри, вонъ *Чичиковъ*, *Чичиковъ* прошелъ! И потомъ какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «*Чичиковъ*, *Чичиковъ*, *Чичиковъ*.»

А кто же такой этотъ *Чичиковъ*, имя котораго сдѣлается нарицательнымъ, какъ имена *Гарпагона* или *Фальстафа*? Не думаете ли вы, что это существо вѣчно кланяющееся и сгибающееся, по вечерамъ играющее въ вистъ и не таящее въ себѣ никакой задушевной идеи, какъ привыкли у насъ представлять людей подобнаго разряда? Не вообразите ли вы, что это лицо безотчетное, легкое, ежеминутно готовое на всякое поползновеніе, лицо, подобное *Хлестакову*, съ которымъ такъ опрометчиво вздумалъ сравнить *Чичикова* какой-то рецензентъ. Напротивъ, это человѣкъ съ сильною натурою, сжатою въ одно чувство, порожденное въ немъ общественными нуждами, взлелѣянное по недостатку высшей образованности; чувство почти животное, по которому онъ подчинилъ всѣ прочія человѣческія: и дружбу, и любовь, и благодарность, но въ угодность которому, какъ средство для достиженія цѣли, сохранилъ приличіе, лицемѣрное благонравіе, всѣ добродѣтели *Тартюфа*—и это чувство—корыстолюбіе. Онъ легкомысленно не побѣжитъ со сплетнями по всему городу, какъ *Петръ Ивановичъ Бобчинскій*, не станетъ волочиться за каждою дѣвочкой или вызывать на дуэль за всякую бездѣлицу какъ *Грушницкій*, *не проиграетъ* въ штосъ, не позарится на сытный обѣдъ и

не напьется при первомъ удобномъ случаѣ, какъ *Хлестаковъ*. *Не Чичиковъ* и не свирѣпый злодѣй мелодрамы: онъ не ограбитъ, не зарѣжетъ васъ въ лѣсу, не опозоритъ публично оплеухой; *Чичикову* до такой степени знакомы всѣ правила приличія и онъ такъ хорошо ихъ выполняетъ, что каждый хозяинъ дома съ радостію пригласитъ его къ себѣ на обѣдъ или на преферансъ; мать семейства охотно отдастъ ему руку дочери и всѣмъ станетъ говорить: ахъ, какъ моя Надинька будетъ счастлива; женихъ ея прекрасный человѣкъ! А это такой прекрасный человѣкъ, предъ которымъ ни что и ваше доброе имя и счастіе семейственнаго міра и священная честь женщины—все это онъ предастъ въ жертву своему корыстолюбію. *Чичиковъ* сильный характеръ, и авторъ не даромъ назвалъ его героемъ, а похожденія его поэмою.

Нашъ герой, какъ и многіе герои, родился въ нуждѣ и бѣдности. «Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга ни товарища въ дѣтствѣ». Первымъ наставникомъ его на стезѣ корысти и бродяжничества былъ самъ отецъ. Бросивъ сына въ какую-то жалкую школу, онъ сказалъ ему:

«Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а ужь если пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобъ при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не подчуй никого, а веди себя лучше такъ, чтобъ тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой»... Эти слова и наставленія запомнились глубоко ему въ душу.

И вотъ Павлуша тутъ же въ школѣ сталъ щечиться насчетъ своихъ товарищей, разными способами выманивать у нихъ деньги, а себѣ отказывать во всемъ. Для большаго его преуспѣянія въ наукѣ лицемѣрства, учитель въ школѣ (а такихъ въ старые годы встрѣчали мы не мало) «былъ большой любитель тишины и хорошаго порядка и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они не-

премѣнно должны надъ нимъ смѣяться... Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади: какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія своего въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами *за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе*».

Вскорѣ отецъ *Чичикова* умеръ, самъ онъ вышелъ изъ ученья, учителя выгнали изъ школы за глупость; онъ впалъ въ крайнюю нищету; бывшіе ученики его, умники и остряки, собрали ему на помогу нѣкоторую сумму.

«Одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: эхъ, ты жила!»

«Нельзя однако же, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства и чувства его были до того притуплены, чтобъ онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія: онъ чувствовалъ то и другое, онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только чтобъ не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено не трогать; словомъ отцовское наставленіе: береги и копи копѣйку, пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ; имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не онѣ двигали имъ: ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками, экипажи, домъ отлично устроенный, вкусные обѣды, вотъ что безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы наконецъ потомъ, современемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для него береглась копѣйка, скупо отказываемая до времени и себѣ и другому».

И такъ предъ вами уже вполнѣ начертался образъ героя этой поэмы. Онъ лицемѣръ, чтобъ насытить свою жажду корысти, а корыстолюбивъ, чтобъ насладиться земными благами. Это артистъ въ своемъ искуствѣ. Это *Паганини* на инструментѣ своего сердца, на которомъ давнымъ давно перервались всѣ струны, кромѣ одной, но *на этой одной онъ* играетъ отлично. Вотъ онъ опредѣляется въ Ка-

зенную Палату, подбивается въ милость къ своему повытчику, человѣку безстрастному, безчувственному, но *Чичиковъ* и въ немъ нашелъ слабую сторону, получилъ черезъ него самъ мѣсто повытчика и въ ту же минуту пересталъ угождать и кланяться своему благодѣтелю. Онъ переходитъ изъ мѣста въ мѣсто, беретъ взятки съ просителей и воруетъ казенныя деньги, наконецъ опредѣляется въ Таможню, и дѣлается образцемъ честности и расточительности и страхомъ контрабандистовъ. Но это былъ съ его стороны тонкій, глубоко обдуманный разсчетъ: лишь только начальство, обративъ вниманіе на неутомимаго, безкорыстнаго *Чичикова*, поручило ему команду и дало неограниченное право производить всякіе поиски, онъ немедленно сдѣлалъ стачку съ огромнымъ обществомъ контрабандистовъ, которые при его пособіи, привезли въ Россію на нѣсколько милліоновъ Брабантскихъ кружевъ. Послѣ этой продѣлки у *Чичикова* очутилось въ карманѣ болѣе пяти сотъ тысячъ рублей. Но горе! товарищъ *Чичикова*, также поживившійся при этомъ случаѣ, поссорился съ нимъ и подалъ на него доносъ. Ихъ обоихъ удалили отъ должности и конфисковали у нихъ все имѣніе. Но точно Митридатъ, пораженный Римлянами, *Чичиковъ* не упалъ духомъ.

«Это называлъ онъ потерпѣть по службѣ за правду... Надобно отдать справедливость его характеру. Послѣ всего того, что бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, роптalъ на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей и однакожъ, не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Кровь Чичикова играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все то, что хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на волѣ».

Случай для новой попытки скоро представился. Принявши по необходимости званіе повѣреннаго, *Чичиковъ* однажды закладывалъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ нѣсколько сотъ чьихъ-то крестьянъ, изъ которыхъ половина вымерла.

«Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?... сказалъ Секретарь Опекунскаго Совѣта.—Числятся, отвѣчалъ Чичиковъ. Ну, такъ что-жъ вы оробѣли? сказалъ Секретарь: одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится. А между тѣмъ нашего героя осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда либо приходила въ человѣческую голову». Эхъ, и Акимъ простота, сказалъ онъ самъ въ себѣ: ишу

рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ положимъ тысячу, да положимъ Опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу; вотъ уже двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное, недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало... Не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ эта поэма».

Теперь только собственно начинается поэма, а первоначальная исторія героя, изъ которой мы нарочно сдѣлали нѣсколько длинныя выписки для уразумѣнія его характера, помѣщена авторомъ въ концѣ поэмы, какъ объясненіе, какъ ключъ, ведущій къ истолкованію всего, что̀, можетъ быть, найдется темнаго и страннаго въ его произведеніи. Въ намѣреніи накупить себѣ мертвыхъ душъ, *Чичиковъ* пріѣзжаетъ въ губернскій городъ N. и здѣсь открывается передъ читателемъ широкая картина провинціальныхъ нравовъ и обычаевъ; галерея портретовъ, изумительныхъ по своей естественности, выразительности и окончательной, истинно художнической отдѣлкѣ. Всегда вѣрный своему характеру, *Чичиковъ* прежде всего позаботился пріобрѣсть расположеніе и любовь первыхъ людей въ городѣ и успѣлъ въ томъ совершенно: Губернаторъ, Вице-Губернаторъ, Предсѣдатель Гражданской Палаты, однимъ словомъ, всѣ старшіе чиновники и многіе окрестные помѣщики, очарованные его «деликатнымъ обращеніемъ и отмѣнными манерами», нашли, что онъ любезнѣйшій, ученѣйшій, пріятнѣйшій и прекраснѣйшій человѣкъ. *Чичиковъ*, не откладывая дѣла въ длинный ящикъ, отправился къ разнымъ помѣщикамъ для покупки своего мертваго товару. Прежде всего онъ пріѣхалъ къ Манилову. Это человѣкъ съ сердцемъ теленка и съ философіею времени Бѣдной Лизы, добрякъ и мечтатель; онъ безпрестанно цѣлуется съ своей женой, на весь свѣтъ и на людей смотритъ глазами Аркадскаго пастушка и фантазируетъ, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ: какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ, а между тѣмъ не видитъ и знать не хочетъ, что прикащикъ обворовываетъ его очертя голову, мужики пьянствуютъ, и кресла въ его гостиной *стоятъ* не обитыя. Сентиментальный провинціалъ крайне удивился *предложенію Чичикова*, такъ что уронилъ чубукъ, изъ котораго ку-

рилъ, но потомъ уступилъ ему всѣхъ своихъ умершихъ мужиковъ даромъ, да еще былъ очень радъ, что могъ услужить пріятелю. Вслѣдъ за этимъ предстаетъ новое лицо—старая помѣщица Коробочка, вся, отъ самой колыбели, заключенная въ тѣсныхъ предѣлахъ своего владѣнія, состоящаго изъ пряхъ свиней и индѣекъ. *Чичиковъ*, едва успѣлъ убѣдить глупую старуху, что мертвые крестьяне ни къ чему не нужны въ хозяйствѣ, и наконецъ заключилъ съ нею торгъ за пятнадцать рублей ассигнаціями. Сдѣлка съ третьимъ помѣщикомъ, Ноздревымъ, ему не удалась. Во всей Русской литературѣ и даже въ произведеніяхъ самаго *Гоголя* мы рѣдко встрѣчали лицо столь оригинальное и столь хорошо выдержанное въ своемъ характерѣ, какъ этотъ Ноздревъ. Это малой отъ природы бойкій, живой, откровенный, даже теплый сердцемъ; но воспитаніе и разгульная жизнь сдѣлали изъ него буяна, лгуна, картежника и пьяницу. Это одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ все нараспашку, которые съ первой встрѣчи съ вами подружатся, будутъ говорить вамъ ты, будутъ съ вами цѣловаться и обниматься, любя станутъ называть васъ душенькой и подлецомъ, а потомъ васъ обыграютъ на-чисто или приколотятъ при первой вспышкѣ. Встрѣтясь съ вами послѣ драки, они какъ ни въ чемъ не бывало опять лѣзутъ съ вами цѣловаться. Такъ и случилось съ *Чичиковымъ*. Ноздревъ, обыгранный и прибитый гдѣто на ярмаркѣ, зазвалъ его къ себѣ, сталъ его подпаивать съ тѣмъ, чтобъ послѣ *поддедюлить* гостя въ *банчишкѣ*; но *Чичиковъ*, всегда воздержный, когда ведетъ дѣло, не поддался этому обольщенію и прямо пошелъ къ своей цѣли. Ноздревъ расхохотался надъ предложеніемъ *Чичикова* купить у него мертвыя души, но рѣшился уступить ихъ своему гостю даромъ, съ тѣмъ только, чтобы *Чичиковъ* купилъ у него жеребца, или собаку или хоть изломанную шарманку. *Чичиковъ* не согласился. Буянъ помѣщикъ хотѣлъ было сыграться съ нимъ въ банчишку на мертвыя души, но *Чичиковъ* отвергнулъ и это. Наконецъ они стали играть въ шашки, и *Чичиковъ* съ первыхъ ходовъ замѣтилъ, что Ноздревъ одну шашку подвигаетъ пальцемъ, а другую рукавомъ. Между пріятелями возникла ссора и кончилась бы дракой, если бы *Чичиковъ*, воспользовавшись внезапнымъ пріѣздомъ Капитанъ-Исправника, не успѣлъ ускользнуть изъ дому и уѣхать въ своей бричкѣ.

Чичиковъ ѣдетъ далѣе, и вотъ передъ нимъ возвышается массивная, неуклюжая усадьба, а въ ней обитаетъ помѣщикъ Собакевичъ, который *ѣстъ за* четверыхъ и ругаетъ всѣхъ и каждаго. Нисколько

изумленный предложеніемъ *Чичикова*, онъ прехладнокровно согласился продать ему мертвыхъ крестьянъ по сту рублей за душу и сталъ выхвалять добрыя качества своихъ покойниковъ. *Чичиковъ* посулилъ ему по семи гривенъ за каждаго, наконецъ сторговалъ по два съ полтиной и отправился къ Плюшкину, владѣтелю тысячи душъ.

Вы уже знаете скупыхъ, Плавтова и Мольерова. И Бальзакъ превосходно обрисовалъ характеръ скряги въ «Ростовщикѣ Корнеліи», и Пушкинъ мастерски изобразилъ его въ «Скупомъ рыцарѣ»; Гоголь въ лицѣ Плюшкина представляетъ намъ опять олицетвореніе скупости и его находчивая фантазія въ этой избитой страсти находитъ еще черты новыя и оригинальныя. Когда то Плюшкинъ былъ умный, бережливый хозяинъ; но вотъ умерли у него жена и меньшая дочь; старшая убѣжала и обвѣнчалась съ какимъ то Штабсъ-Ротмистромъ; сынъ противъ воли отца опредѣлился въ военную службу и проигрался въ карты. Очерствѣвъ душею въ сиромъ одиночествѣ, Плюшкинъ сталъ подозрителенъ и скупъ до крайности. Онъ все сбираетъ и копитъ хлѣбъ, произведенія фабрикъ, овощи: все это навалено грудами и безъ жалости гніетъ и черствѣетъ въ его кладовыхъ, закромахъ и анбарахъ. Онъ гроша не даетъ виновной дочери и шалуну сыну, не можетъ продать своихъ залежалыхъ продуктовъ и матеріаловъ покупщикамъ, запрашивая съ нихъ слишкомъ дорого, а между тѣмъ таскаетъ въ домъ и сноситъ въ одну кучу все, что̀ ему попадется: и ведро, забытое бабою на берегу рѣки, и шпору, потерянную проѣзжимъ офицеромъ, и обломокъ лопаты, брошенный мужикомъ, и кусочекъ сургуча, и лоскутокъ бумаги. Крестьянскія избы въ его селѣ ветшаютъ и разваливаются, все кругомъ его дома заросло страшною дичью, въ самомъ домѣ всѣ окна закрыты ставнями, кромѣ двухъ, частію залѣпленныхъ бумагой. Въ его прихожей валяется пара сапогъ, единственная для всей дворни: слуги «отплясывая по двору босикомъ» при входѣ въ барскія комнаты, попеременно надѣваютъ эти сапоги и потомъ уже являются въ гостиной. Съ такимъ человѣкомъ свела судьба *Чичикова*. Плюшкинъ сперва подумалъ, что это какой-нибудь пройдоха, который пріѣхалъ къ нему поболтать, напиться чаю и уѣхать, но когда *Чичиковъ* сказалъ ему, что готовъ за чистыя деньги купить всѣхъ его мертвыхъ и бѣглыхъ мужиковъ, старый скряга обрадовался, схватилъ деньги, всего двадцать четыре рубля девяносто *шесть копѣекъ и понесъ* ихъ въ горсти, точно какую нибудь *жидкость, которую боялся* пролить. Пораженный гнуснымъ видомъ соб-

ственнаго своего созданія, авторъ восклицаетъ въ неподдѣльномъ лирическомъ одушевленіи:

«И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! Могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду! Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте-жъ съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно. Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего, ничего не прочитать въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.»

Только *Гоголь*, со своею изобрѣтательною фантазіею, со своимъ анализирующимъ, наблюдательнымъ умомъ, съ своимъ живописнымъ, исполненнымъ энергическаго комизма слогомъ, можетъ въ такомъ дивномъ разнообразіи нарисовать пять сценъ, въ которыхъ одно и то же главное дѣйствующее лицо трактуетъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Изображеніе характеровъ Манилова, Коробочки, Собакевича и особенно Плюшкина и Ноздрева до того рельефно, что, кажется, видишь ихъ передъ своими глазами, и до того подробно и отчетливо, что воображеніе читателя, не утомленное, а пресыщенное, едва успѣваетъ перебѣгать отъ одного очертанія къ другому.

Чичиковъ, покончивъ дѣла свои съ помѣщиками, явился въ Гражданскую Палату для совершенія купчихъ на мужиковъ, которыхъ онъ, по словамъ своимъ, намѣревался перевести въ свое помѣстье, въ Херсонскую губернію. Желаніе его было исполнено въ нѣсколько минутъ, да и какъ было не услужить человѣку, который вдругъ накупилъ крестьянъ почти на сто тысячъ рублей. Изъ Гражданской Палаты его почти на рукахъ понесли къ Полиціймейстеру, который насчетъ тамошнихъ торговцевъ, въ одно мгновеніе успѣлъ приготовить богатый завтракъ. Тутъ-то Чичиковъ позволилъ себѣ выпить лишнюю рюмку, но скоро спохватился и поспѣшилъ уѣхать домой. Между тѣмъ въ городѣ разнесся слухъ, что Чичиковъ милліонщикъ; дамы, съ которыми Чичиковъ былъ какъ-то не ловокъ, нашли, что онъ красавецъ, и вотъ отъ одной изъ нихъ получилъ онъ страстное посланіе. Но Чичиковъ герой, неуклонно стремящійся къ одной высокой цѣли,

потому на любовь и подобныя безполезныя страсти смотритъ весьма прозаически. Еще на дорогѣ къ Собакевичу встрѣтился онъ съ какою-то очаровательною блондинкою, взглянулъ на нее, и что же сказалъ?

«Славная бабешка! сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку. Но вѣдь что главное въ ней хорошо? Хорошо то, что она сейчасъ выпущена изъ какого-нибудь пансіона или института, что въ ней, какъ говорится, нѣтъ ничего бабьяго, то есть именно того, что у нихъ есть самаго непріятнаго. Она теперь какъ дитя, все въ ней просто, она скажетъ, что ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нее все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выйти и дрянь, и выдетъ дрянь. Вотъ пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость и чопорность, станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ, станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ, и какъ, и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть, всякую минуту будетъ бояться, чтобъ не сказать больше, чѣмъ нужно, запутается наконецъ сама и кончится тѣмъ, что станетъ врать всю жизнь, и выдетъ просто чортъ знаетъ что.»

Здѣсь онъ нѣсколько времени подумалъ и потомъ прибавилъ: «Любопытно бы знать, чьихъ она? что, какъ ея отецъ? богатый-ли помѣщикъ почтеннаго права, или просто благомыслящій человѣкъ съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь если положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нее бы могъ выйти очень очень лакомый кусочекъ».

Такъ и теперь получивъ любовную записку, онъ промолвилъ только: «А письмо очень, очень кудряво написано.» Однако съ нетерпѣніемъ отправился на балъ къ Губернатору, надѣясь тамъ по выраженію глазъ узнать сочинительницу письма. Описаніе бала поражаетъ васъ яркостію и вѣрностію красокъ. Мужчины приняли Чичикова съ распростертыми объятіями, дамы стали перебивать одна у другой мѣста, стараясь сѣсть къ нему поближе. Но здѣсь начинается катастрофа поэмы. Губернаторша представила Чичикову свою дочь, институтку, въ которой онъ узналъ очаровательную блондинку, встрѣченную имъ на дорогѣ къ Собакевичу. Неучтиво забывъ всѣхъ дамъ и даже сочинительницу письма, онъ подсѣлъ къ институткѣ и постарался занять ее пріятнымъ разговоромъ. Уже змѣя любви начала помаленьку *вускать сладкое свое жало* въ это окостенѣвшее сердце, какъ вдругъ

передъ Чичиковымъ явился Ноздревъ, «захлебнувшій куражу въ двухъ чашкахъ чаю, конечно, не безъ рому.»

«А, Херсонскій помѣщикъ, Херсонскій помѣщикъ! кричалъ онъ подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя какъ весенняя роза, щеки; а что, много наторговалъ мертвыхъ? Вѣдь вы не знаете, Ваше Превосходительство, горланилъ онъ, тутъ же обратившись къ Губернатору, онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей Богу! Послушай, Чичиковъ, вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и Его Превосходительство здѣсь, я бы тебя повѣсилъ, ей Богу, повѣсилъ!

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ.

— Повѣрите ли, Ваше Превосходительство, продолжалъ Ноздревъ, какъ сказалъ онъ мнѣ: продай мертвыхъ душъ, я такъ и лопнулъ со смѣху. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ: какихъ на выводъ! да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ, да ты скотина, ей Богу, скотина, вотъ и Его Превосходительство здѣсь, не правда ли, Прокуроръ?»

Никто не повѣрилъ Ноздреву, какъ отчаянному лгуну, но слова его произвели сильное волненіе. Въ эту же самую ночь притащилась Коробочка для справки, не слишкомъ ли дешево продала Чичикову свои мертвыя души. Ея словами подтвердились обвиненія Ноздрева. Въ то же время пришли въ городъ двѣ бумаги: одна о дѣлателѣ фальшивыхъ ассигнацій, другая о разбойникѣ, будто бы скрывающихся въ предѣлахъ губерніи. Все это упало на голову нашего героя. Всѣ стали говорить, что онъ дѣлаетъ фальшивыя бумажки, будто хочетъ увезти Губернаторскую дочку, иные утверждали, что Чичиковъ никто другой, какъ Наполеонъ, выпущенный Англичанами съ острова Елены. Въ такомъ недоумѣніи всѣ обратились къ Ноздреву, хотя и наперед знали, что отъ него правды не добьешься. Ноздревъ, не задумавшись, подтвердилъ все, что говорили въ городѣ дурнаго о Чичиковѣ, который въ это время, больной, не выходилъ изъ своей квартиры и ничего не зналъ объ этихъ продѣлкахъ. Ноздревъ все пересказалъ ему. Чичиковъ, по выздоровленіи, встрѣтилъ во всѣхъ домахъ предурной пріемъ и видя, что дѣло плохо, уѣхалъ изъ города.

Никогда еще прекрасный талантъ *Гоголя* не производилъ творенія столь обширнаго въ своемъ объемѣ, столь поразительнаго по разнообразію и выдержанности, по оригинальности и новости характеровъ, по яркости *и вѣрности* красокъ. Всѣ прежнія его сочиненія, не

исключая Тараса Бульбы, Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, Повѣсти о томъ, какъ поссорился и проч. и Ревизора, суть или миніатюры или слегка набросанные очерки въ сравненіи съ этою огромною картиною. Смѣло предрекаемъ сей превосходной поэмѣ самую блистательную участь, какую заслужили въ нашей литературѣ весьма не многія творенія. На нее, какъ на всякое смѣлое, оригинальное созданіе таланта, пролагающаго новые пути въ области искусства, мы должны взирать не съ обветшалыми убѣжденіями запоздавшей науки, а съ любовію теплаго сердца, легко увлекающагося юными красотами, которыя открываетъ художникъ на вновь проторенной стезѣ. Мы должны смотрѣть на нее не столько по правиламъ, когда-то нами затвержеными, сколько по законамъ, выводимымъ изъ самаго творенія, по законамъ, которые въ благо самой науки легко усваиваетъ себѣ свободный и зоркій умъ, болѣе доступный вновь возникающимъ понятіямъ, нежели упорно придерживающійся старовѣрскихъ преданій пінтики. Иначе въ ущербъ собственнымъ своимъ наслажденіямъ и во вредъ литературѣ, мы будемъ видѣть одни недостатки въ каждомъ произведеніи, отличающемся своею оригинальностію—признакомъ самобытнаго дарованія. Примѣры не далеки. Въ нашей памяти свѣжо сохранились обвиненія, которыми наши Аристархи осыпали *Пушкина*, *Грибоѣдова* и *Лермонтова*. То же самое испытываетъ теперь и *Гоголь*, котораго созрѣвающій талантъ какъ бы вызываетъ себѣ новыя когорты рьяныхъ противниковъ. Въ немъ видятъ только мастера шутить и смѣшить, унижая его до Поль-де-Кока, или въ смѣшной запальчивости, ставя еще ниже этого Французскаго разскащика, говорятъ, что всѣ характеры и картины его утрированы, упрекаютъ его за грязность описаній и выраженій и обвиняютъ въ незнаніи Русскаго языка. Сходства между Поль-де-Кокомъ и Гоголемъ немного больше, какъ между Хлестаковымъ и Чичиковымъ. Сходство между этими писателями совершенно внѣшнее: тотъ и другой срываютъ улыбку съ устъ читателя, а иногда заставляютъ его разсмѣяться. Но Французскій романистъ замѣчаетъ и описываетъ только наружныя странности общества; онъ только скользитъ по сердцу человѣка, не имѣя силъ и отваги заглянуть въ глубину его, прикоснуться къ тяжкимъ, гніющимъ его ранамъ. Его романы, если они немножко длинны, сначала займутъ и разсмѣшатъ васъ, а потомъ прискучатъ, потому что лишены внутренняго содержанія. (Мы увѣрены, что теперь уже всякому *извѣстно понятіе*, сопрягаемое съ этимъ словомъ, и что его не смѣ-

шаютъ съ тѣмъ, что въ старину называлось у насъ сюжетомъ). Поль-де-Кокъ самъ чувствуетъ, что вѣчно смѣшить невозможно и иногда прикидывается страстнымъ, но не имѣя въ сердцѣ истинной энергіи, становится сантиментальнымъ и приторнымъ. Напротивъ того у Гоголя взглядъ на жизнь и общество столь же вѣренъ, сколько и глубокъ; онъ не простой забавникъ, а юмористъ, грустный и возвышенный, съ улыбкою на устахъ, но со слезой въ очахъ и вздохомъ въ сердцѣ. Кажется, онъ только смѣется надъ человѣчествомъ; нѣтъ, онъ любитъ его всею силою мощной души и горько соболѣзнуетъ объ его страданіяхъ и тяжкомъ его паденіи. Иногда, онъ, отторгаясь отъ своихъ юмористическихъ созданій, въ лирическомъ забытьи, размышляетъ о бѣдствіяхъ и грѣхахъ человѣческихъ, или пламенно умиленнымъ взоромъ созерцаетъ красу дѣвственной, неискаженной природы и тогда его отступленія бываютъ полны страстнаго, высокаго паѳоса. Гоголь самъ, съ убѣжденіемъ сознающей себя силы, говоритъ о своемъ назначеніи:

«Не таковъ удѣлъ и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неутомимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи. Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ на встрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головкою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ: ему не избѣжать наконецъ отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ у него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что *много нужно глубины душевной, дабы озирить картину, взятую изъ презрѣнной жизни*, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ совре-

менный судъ, что *высокій, восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха*! Не признаетъ сего современный судъ и все обратитъ въ упрекъ и попошенье непризнанному писателю; безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще и горько его одиночество»... «И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, *озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы*! И далеко еще то время, когда иным ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей.....»

Неужели хоть тѣнь всего этого есть у Поль-де-Кока?

Гоголь утрируетъ!... Прежде надобно доказать до какой степени его созданія вѣрны съ природою, изъ которой онъ ихъ почерпаетъ; но мы не беремся этого объяснить уже и потому только, что это увлекло бы насъ слишкомъ далеко. Если они вѣрны; то этого уже и довольно. Когда мы будемъ *списывать* копіи съ дѣйствительно существующихъ людей, то наши списки всегда будутъ безцвѣтны или въ противномъ случаѣ созданія геніальныхъ писателей, идеалы всегда будутъ утрированы, потому что проявляютъ въ себѣ не *дѣйствительное, а возможное*. Неужели вы гдѣ-нибудь въ жизни встрѣчали ревнивца подобнаго Отелло, скрягу какъ Гарпагона или такое милое созданіе, какъ Маргарита Гёте? Вы не найдете воплощенныхъ Хлестаковыхъ, Сквозниковъ—Дмухановскихъ, Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, но согласитесь, что каждая черта въ характерахъ этихъ лицъ напоминаетъ вамъ что-то знакомое, когда-то вами видѣнное.

Картины, рисуемыя Гоголемъ, иногда бываютъ грязны. Это правда, но какова же и та природа, элементы которой служатъ содержаніемъ его твореній? Кому не извѣстны неопрятный бытъ Русскаго простонародья, и неужели Гоголь, изъ угожденія къ вашему желанному, переутонченному вкусу, долженъ жертвовать истиною! Какихъ притязаній на искусство не имѣлъ этотъ чопорный вкусъ. Вспомните Французовъ, которые въ своей напудренной трагедіи, въ своей нарумяненной лирикѣ каждую вещь боялись назвать тѣмъ именемъ, какое придавали ей въ обыкновенномъ разговорѣ. Люди, въ дѣйстви-

тельной жизни за ничто считающіе нравственность и законы чести, отъ литературы требуютъ строжайшей благопристойности. Французы Расиновскихъ временъ, утопая въ развратѣ, съ негодованіемъ отворотились бы отъ могильщиковъ въ Гамлетѣ или отъ Отелло, который въ порывѣ ревности колотитъ свою жену, потому что это выходитъ изъ предѣловъ приличія!! Неслишкомъ ли мы сами изнѣженны, неслишкомъ ли упорно привержены къ этимъ щедушнымъ извнѣ на насъ навязаннымъ законамъ вкуса, въ учрежденіи которыхъ принимали не малое участіе односторонность, близорукость и лицемѣрная любовь къ благопристойности, и которые утвердились у насъ по упрямой привычкѣ и по недостатку свободы мышленія?

Истинный талантъ созидаетъ свой собственный обаятельный міръ. Все, что онъ вноситъ въ этотъ міръ, даже предметы самые обыкновенные отъ одного прикосновенія его кисти принимаютъ высшее значеніе. У него дѣлаются привлекательными и граціозными даже тѣ образы, которые сдѣлались бы отвратительными, если бы ихъ обрисовала рука, менѣе искусная. Какъ ни своенравна, какъ ни безумна, по видимому, бурная фантазія Гофмана, но мы увлекаемся его чудными видѣніями, мы вѣримъ имъ какъ дѣйствительнымъ существамъ. Возьмемъ примѣръ поближе, хотя не столь сильный и блистательный. Намъ нравился, насъ увлекалъ *Давыдовъ*, а помните, какими красками малевалъ онъ своихъ сѣдыхъ собутыльниковъ, и своего друга, свой идеалъ, ёру и забіяку *Бурцова*, и самого себя...

Въ Твери опять напьюся,
И пьяный въ Петербургъ на пьянство прискачу.

Но все это согрѣто пламенемъ неподдѣльнаго дарованія и потому плѣняетъ насъ точно также, какъ Петрушка и Селифанъ, слуга и кучеръ Чичикова. Неужели, изъ уваженія къ литературной опрятности, вы промѣняете ихъ, вѣрно и простодушно изображенныхъ, на какого нибудь Провора, созданнаго чопорнымъ воображеніемъ нашихъ чистоплотныхъ поэтовъ, или Криспина, выхваченнаго изъ старинной Французской комедіи? Неужели, отметая истину, въ угоду прихотливому вкусу, мы изъ области литературы изгонимъ или станемъ подкрашивать тѣхъ людей, которые вокругъ насъ бродятъ вереницами?

Обвиненіе, будто Гоголь не знаетъ языка и пишетъ варварскимъ слогомъ, имѣетъ нѣкоторую тѣнь истины, по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ было къ чему привязаться. Дѣйствительно, въ «Мертвыхъ

Душахъ», какъ и во всѣхъ твореніяхъ этого писателя, попадаются кое-гдѣ неокругленные періоды, плеоназмы и другія грамматическія неправильности. Не дивимся этому обвиненію: кто идетъ впереди всѣхъ, тотъ первый и встрѣчаетъ удары. Мы еще помнимъ, какъ Коцебу порицалъ слогъ и языкъ Гёте, помнимъ нападки Славянофиловъ на слогъ и языкъ Карамзина, помнимъ какъ Каченовскій осуждалъ стихи Пушкина и какъ многіе шестистопнымъ ямбамъ Князя Шаховскаго отдавали преимущество предъ истинно разговорнымъ языкомъ «Горе отъ ума». Гоголь также подвергся подобному осужденію, къ которому по[illegible] небрежностію. Но за то, какъ хорошо говорятъ [illegible]ца, каждое сообразно своему характеру! Какія сокро[illegible]ова и Пушкина, умѣлъ онъ найти въ богатомъ, еще [illegible]отанномъ рудникѣ Русскаго языка! Какъ много ком[illegible]простодушномъ слогѣ, какъ много энергіи въ его [illegible]гибленіяхъ, напримѣръ, въ этихъ словахъ, которы[illegible]ъ свою поэму:

«И какой же Русскій [illegible]трой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружитьс[illegible]азать иногда: чортъ побери все! его ли душѣ не лю[illegible]е любить, когда въ ней слышится что-то восторжен[illegible]ь, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и [illegible] летишь и все летитъ: летятъ версты, летятъ на встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темнымъ строемъ елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и воронымъ крикомъ, летитъ вся дорога ни вѣсть куда въ пропадающую даль и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мелькани, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ тройка! птица тройка, кто тебя выдумалъ? знать у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а на скоро живьемъ съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя Ярославскій расторопный мужикъ. Не въ Нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ, а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню—какъ вихремъ спицы въ колесахъ смѣшались *въ одинъ гладкій кругъ*, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ

испугѣ остановившійся пѣшеходъ! и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже вдали видно что-то пышитъ и сверлитъ воздухъ».

«Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобой дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ этихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони? Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ въ каждой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ одинѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда же несешься ты, дай отвѣтъ? Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаются колокольчики; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все что ни есть на землѣ, и косясь посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства».

М. Сорокинъ.

***

*) *Похожденія Чичикова, или Мертвыя души.* Поэма Н. Гоголя.

Господинъ Гоголь неоспоримо принадлежитъ къ числу первоклассныхъ русскихъ литераторовъ. Онъ одаренъ въ высокой степени комическимъ талантомъ, наблюдательностію и умѣньемъ подмѣчать и списывать смѣшныя черты оригиналовъ, которыхъ много существуетъ на бѣломъ свѣтѣ. Въ особенности отличается онъ картинами малороссійскаго міра, къ которому и самъ принадлежитъ по своему происхожденію. Нельзя однакожъ не пожалѣть, нельзя не досадовать, что нѣкоторые критики, черезъ-чуръ строгіе и явно несправедливые почти ко всѣмъ прежнимъ и нынѣшнимъ русскимъ писателямъ, безусловно восхищаются всѣмъ, что ни напишетъ Гоголь, приходятъ въ восторгъ отъ каждой его строчки, безотчетно кричатъ объ его заслугахъ и ставятъ его на такую высоту, на которой самая здоровая голова закружится. Восторгъ этихъ критиковъ, постепенно воспламеняясь, обратился въ какую-то мономанію, дошелъ наконецъ до

*) „Сынъ Отечества“ 1842 г., часть III, № VI. Статья Масальскаго.

вопіющей и смѣшной нелѣпости. Мало того, что эти критики,—унижая безпрерывно всѣхъ живыхъ русскихъ писателей не своего прихода и отказывая въ заслугахъ писателямъ уже умершимъ, какъ-то Державину, Карамзину, Марлинскому и многимъ другимъ,—провозгласили господина Гоголя громаднымъ талантомъ, геніемъ, первымъ русскимъ прозаикомъ, первымъ поэтомъ, со времени котораго началась новая эпоха словесности; они наконецъ готовы были пожаловать его въ чинъ литературнаго генералиссимуса; но такъ какъ этого чина не существуетъ, то эти критики, по принадлежащей имъ власти, произвели господина Гоголя за *Тараса-Бульбу*, впредь до усмотрѣнія, въ Гомеры! Скажите, пожалуйста, что это такое? Шутка или насмѣшка? Правда, что между Гомеромъ и Гоголемъ есть сходство: обѣ эти фамиліи начинаются, какъ видите, съ *Го*; но сходство только тѣмъ и ограничивается. Еще подмѣчена одна непонятная странность; а именно: всѣ послѣдователи покойнаго, туманной памяти, нѣмецкаго философа Гегеля,—который всю жизнь проповѣдывалъ премудрость и самъ объявилъ, умирая, что его никто изъ смертныхъ не понялъ,—всѣ Гегелисты непремѣнно и Гоголисты. Отчего это? Задача очень мудреная! Между Гегелемъ и Гоголемъ ровно ничего общаго нѣтъ. Кажется, во всей этой путаницѣ виновата буква Г. Въ самомъ дѣлѣ—Гоголь, Гегель, Гомеръ. Есть что-то сходное. Долго ли сбиться! А если ужъ кто-нибудь имѣлъ несчастіе на чемъ бы то ни было *сбиться съ панталыку*, какъ говорятъ земляки господина Гоголя, то ужъ такого человѣка не переспорить. Мономаніи, какъ извѣстно, бываютъ чрезвычайно странны и разнообразны. Мы и не намѣрены спорить съ Гегелистами, и Гоголистами и проч. Пускай ихъ потѣшаютъ себя, упражняясь въ гиперболическихъ, восторженныхъ похвалахъ и панегирикахъ. Упражненіе это было бы довольно невинно, если бы такія похвалы писались по одному искреннему чувству и убѣжденію, а не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы литераторовъ *своего прихода* возвысить до небесъ, и потомъ всѣхъ прочихъ низвергнуть въ преисподнюю. Но и безъ этого, всѣ подобныя, доведенныя до нелѣпости, похвалы могутъ быть сами по себѣ вредны, убаюкивая дарованія писателей, поселяя въ нихъ излишнюю самонадѣянность и гордость, и тѣмъ самымъ сбивая съ пути истинные таланты. И кто же сами эти критики,

Которые всемощны, какъ Зевесъ,
Свергаютъ смертныхъ въ адъ, возносятъ до небесъ!

Кто, скажите, эти критики? Вѣроятно, они люди съ умомъ и знаніями громадными, со вкусомъ твердымъ и чистымъ, какъ алмазъ? Вѣроятно, они пожалованы кѣмъ-нибудь въ критическіе генералиссимусы? Нѣтъ, никто еще ихъ не жаловалъ этимъ чиномъ. Они, покуда, еще ничѣмъ не доказали сами ни своего громаднаго ума, ни своего алмазнаго вкуса, а упражнялись только въ звонкихъ похвалахъ и громоподобныхъ порицаніяхъ, написанныхъ большею частію надутымъ, неправильнымъ, ученическимъ слогомъ!

Но вотъ еще что всего забавнѣе. Эти критики, для приданія себѣ вѣса и кредита, вздумали увѣрять всѣхъ то прямо, то намеками, что они проникнуты отъ головы до пятокъ аристократическимъ духомъ; что они проводятъ дни и чуть-чуть не почуютъ въ лучшихъ гостиныхъ; что они люди самаго лучшаго тона; что они—сливки человѣчества, самые образованные и просвѣщенные Европейцы.

Съ которыми теперь и графы и князья.
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ.

Всѣ просвѣщенные и обрадованные читатели давно уже очень хорошо поняли и оцѣнили эту неумѣстную и ни на чемъ не основанную претензію на аристократизмъ, потому-что они хорошо знаютъ истинное значеніе слова: аристократъ. Такихъ читателей не проведешь никакими уловками. Но встрѣчаются и такіе, которые въ простотѣ сердца вѣрятъ, что нѣкоторые критики въ самомъ дѣлѣ люди высшаго полета, и потому считаютъ обязанностію держаться мнѣній этихъ критиковъ, воображая, что думать несогласно съ ними значитъ впасть въ противорѣчіе съ аристократическою сферою, съ высшимъ кругомъ общества. Не безпокойтесь! Можемъ васъ увѣрить, что аристократизмъ всѣхъ этихъ господъ заключается лишь въ томъ, что они, нерѣдко чувствуя сквозной вѣтеръ въ карманѣ, ведутъ себя важно и гордо, какъ лорды, считающіе свои доходы милліонами; что они носятъ весьма граціозно бѣлыя или желтыя перчатки, говорятъ и судятъ обо всемъ наотрѣзъ, какъ слѣдуетъ лордамъ, и, наконецъ, что они знаютъ великое и важное правило, что за обѣдомъ бѣлое *вино должно быть* холодно, а красное не холодно.

Всѣ эти черты, которыя выше набросаны только слегка, заключаютъ въ себѣ пребогатый запасъ для сатиры и комедіи. Если бы вздумалъ Гоголь употребить этотъ запасъ въ дѣло, то вышла бы презабавная комедія или превосходный сатирическій романъ. Его талантъ служитъ въ томъ порукою. Но вотъ онъ пишетъ поэму подъ заглавіемъ: *Похожденія Чичикова или Мертвыя души*. Этой поэмы издана теперь первая часть. Мы ее внимательно прочитали, чуждые всякаго предубѣжденія, и выскажемъ наши впечатлѣнія и замѣчанія. Повторимъ здѣсь, что мы поставили себѣ за неизмѣнное правило не дѣлить писателей на приходы, не руководиться никакими личными отношеніями и разсчетами, и отдавать каждому литератору свое. Любя русскую словесность, мы любимъ и всѣхъ русскихъ писателей. Разбирая ихъ произведенія, будемъ всегда высказывать прямо наше мнѣніе объ нихъ. Можемъ иногда ошибиться, потому-что всѣ люди подвержены ошибкамъ, но по-крайней-мѣрѣ похвалы или указанія какихъ-нибудь недостатковъ всегда будутъ согласны съ искреннимъ нашимъ чувствомъ и убѣжденіемъ.

Мы не понимаемъ: почему *Мертвыя души* названы поэмой. Насмѣшники, пожалуй, скажутъ, что авторъ повѣрилъ критикамъ, которые произвели его за *Тараса Бульбу* въ Гомеры, и назвалъ *Похожденія Чичикова* поэмою потому, что Гомерова Иліада называется поэмою. Вѣроятно это шутка; но намъ кажется, что шутить въ заглавіи сочиненія неумѣстно. Всякую вещь должно называть ея именемъ, говоритъ французская пословица. Если *Похожденія Чичикова* поэма, то мы не видимъ препятствія назвать *Ревизора* трагедіей въ пяти дѣйствіяхъ.

Разскажемъ содержаніе *Мертвыхъ душъ*, и вы сейчасъ убѣдитесь, что это сочиненіе такъ же похоже на поэму, какъ мы съ вами на китайскаго богдыхана. Разскажемъ притомъ сущность новой поэмы не по европейской методѣ извѣстныхъ критиковъ, которые всегда разсказываютъ содержаніе произведеній всѣхъ писателей, не принадлежащихъ къ ихъ приходу, *своимъ* слогомъ, съ приличными украшеніями, прибавками и убавками. Изложимъ содержаніе новой поэмы вѣрно, съ сохраненіемъ даже подлинныхъ словъ автора, которыя вездѣ станемъ отмѣчать, для отличія, косыми буквами.

У какого-то бѣднаго дворянина родился сынъ. *Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло—непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко.* Отецъ его былъ больной человѣкъ,

въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босу ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ *) *и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу.* Онъ былъ человѣкъ безъ образованія. Когда герой поэмы, на котораго жизнь при началѣ взглянула кисло—непріятно, подросъ; то плевавшій въ песочницу почтенный его родитель повезъ сынка въ городъ, сдалъ его на руки родственницѣ, *дряблой старушонкѣ*, и распорядился, чтобы онъ ежедневно ходилъ въ классы городскаго училища. Прощаясь съ сыномъ, родитель далъ ему между прочимъ слѣдующее отеческое наставленіе: *Не угощай и не подчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку, эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой.* Сказавъ такое трогательное и умное наставленіе, почтенный родитель, плевавшій въ песочницу, уѣхалъ домой и умеръ, а сынъ, герой поэмы, на котораго жизнь при началѣ взглянула какъ-то кисло—непріятно, началъ учиться, копить копѣйку, вышелъ наконецъ изъ училища и опредѣлился на службу, въ казенную палату. Послѣднія родительскія *слова и наставленія запонились глубоко ему въ душу.* Онъ продолжалъ и въ палатѣ копить копѣйку. *Надобно сказать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрачностію и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица точно дурно выпеченный хлѣбъ; щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая въ прибавку къ тому еще и треснула.* И одного чиновника, со всѣми исчисленными качествами, пріискать трудно, а въ этой палатѣ посчастливилось подобрать многихъ по одной формѣ: щека на сторону, подбородокъ въ другую, верхняя губа пузыремъ, да еще въ прибавку и треснула. *Между такими чиновниками не могъ быть не замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленьемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ.* Чичиковъ подбился къ старому рябому новытчику, прикинулся влюбленнымъ въ рябую его дочь, по ходатайству новытчика самъ сдѣлался новытчикомъ и потомъ обманулъ своего покровителя, не женясь на рябой его дочери. Потомъ досталъ онъ хлѣбное мѣстечко и продолжалъ копить копѣйку; потомъ опредѣлился въ какую-

*) *Вздыхавшій, ходя* по комнатѣ! Это Гомеровскій грамматическій промахъ.

то строительную коммиссію. *Тутъ только, и теперь только сталъ Чичиковъ по немногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанья и неумолимаго своего самоотверженья.* Онъ завелъ повара, купилъ тонкія рубашки, тонкаго сукна, пріобрѣлъ пару лошадей. Но вдругъ поступилъ новый начальникъ и выгналъ изъ службы Чичикова. Онъ началъ искать другой должности. *Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать,* (о! чрезвычайно пріятно!) *что онъ всякіе два дня перемѣнялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ во время жаровъ даже всякой день: всякой сколько нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его.* Наконецъ онъ опредѣлился въ таможню, служилъ усердно, отлично ловилъ контрабандистовъ и обратилъ на себя вниманіе начальства. *Онъ получилъ чинъ и повышеніе, и вслѣдъ за тѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому.* Начальству понравился проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ разомъ, и оно возложило этотъ подвигъ на Чичикова. *Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право производить всякіе поиски.* Добившись такого неограниченнаго права, онъ заключилъ условіе *съ сильнымъ обществомъ контрабандистовъ*, которое весьма кстати въ то время *образовалось обдуманно-правильнымъ образомъ*, и въ слѣдствіе этого союза Чичикова съ обществомъ приступлено было къ дѣйствіямъ. *Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ часто повторяемую давнишнюю исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ.* Послѣ этого *остроумнаго* путешествія барановъ, Чичиковъ и другой его сотоварищъ, сѣдой статскій совѣтникъ, приглашенный имъ для подвига, нажили по четыреста-тысячъ капитала. *У Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пять сотъ, потому-что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цифры не возрасли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ попереть всему.* Хотя совершенно неясно, что значитъ такое: какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ попереть всему, но непосредственно за тѣмъ *чортъ сбилъ съ толку обоихъ чиновниковъ: чиновники, говоря попросту перебранились и поссорились ни за что. Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ быть нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другаго*

чиновника поповичемъ. Тотъ его также назвалъ поповичемъ и прибавилъ: *Да, вотъ-молъ, что! Но не довольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядреная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ, Богъ ихъ вѣдаетъ.* Авторъ предоставляетъ это досочинить читателю. *Пусть лучше читатель охотникъ досочинитъ самъ.* Поэтому и неизвѣстно: какъ было дѣло въ самомъ *дѣлѣ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ хоть и самъ пропалъ, но-таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли* (говорятъ по-русски: отдали) *подъ судъ, конфисковали, описали все, что у нихъ было, и все это разрѣшилось вдругъ какъ громъ надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали.* Статскій совѣтникъ,—поднявшій на себя руки и надѣлавшій, что *все это разрѣшилось какъ громъ,* хотя громъ никогда не разрѣшается, *гдѣ-то погибъ въ глуши,* а Чичиковъ *обработалъ дѣло, по-крайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовнаго суда. Но уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ, ничего не осталось.* Онъ успѣлъ только сохранить десять тысячъ, двѣ дюжины голландскихъ рубашекъ, бричку и двухъ крѣпостныхъ человѣкъ, *да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ, вотъ и все. Вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову!* Герой поэмы однако-жъ не потерялся съ десятью-тысячами рублей и съ пятью кусками мыла. Онъ захотѣлъ непремѣнно опять разбогатѣть и для этого выдумалъ прекрасное средство. *Героя нашего осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову.* Онъ вздумалъ накупить, на выводъ, крестьянъ, которые уже умерли, но не были еще исключены изъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣсти ихъ до тысячи и заложить за двѣсти-тысячъ рублей въ Опекунскій Совѣтъ, переселивъ ихъ прежде, разумѣется на бумагѣ, въ Херсонскую Губернію. *И вотъ такимъ образомъ составился въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который, не знаю, будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно. Ибо что ни говори, не приди въ голову Чичикова* эта

мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма. Потомъ Чичиковъ ѣдетъ въ губернскій городъ, (съ этого начинается поэма) останавливается въ гостинницѣ, знакомится съ губернскими чиновниками и нѣсколькими помѣщиками, и потомъ начинаетъ разъѣзжать по окрестностямъ города, для покупки мертвыхъ душъ. Сначала ѣдетъ къ помѣщику Манилову, потомъ къ помѣщику Собакевичу, но сбивается съ дороги и пріѣзжаетъ къ помѣщицѣ Коробочкѣ. На пути отъ Коробочки завернулъ онъ въ трактиръ, гдѣ встрѣтился съ помѣщикомъ Ноздревымъ. Потомъ ѣдетъ онъ къ Ноздреву, отъ Ноздрева къ помѣщику Собакевичу, отъ Собакевича къ помѣщику Плюшкину. Такимъ образомъ разъѣзжалъ онъ, чтобы торговаться и скупать мертвыя души. Удалось ему уже сторговать до четырехъ-сотъ. Замѣтивъ однако-жъ, что далеко еще до тысячи, и что на разъѣзды отъ помѣщика къ другому, для покупки четырехъ-сотъ душъ, употребилъ уже до 252 страницы поэмы, рѣшился наконецъ воротиться въ городъ, чтобы на остальныхъ 223 страницахъ совершить купчую крѣпость въ палатѣ, позавтракать у полицеймейстера, съѣздить на балъ къ губернатору, и, по случаю распространившагося слуха о купленныхъ имъ мертвыхъ душахъ, и взведенной на него клеветы, будто бы онъ хочетъ увезти дочь губернатора, уѣхать неизвѣстно куда изъ губернскаго города, чтобы опять явиться въ двухъ остальныхъ частяхъ поэмы, которыя еще не вышли, но обѣщаны. Если нѣкоторые рецензенты укоряли Загоскина за бѣдность содержанія его превосходнаго *Мирошева*, то что̀ должно сказать въ этомъ отношеніи о поэмѣ Мертвыя души? Мы разсказали очень вѣрно и довольно подробно все ея содержаніе; разсказали большею частію словами самаго автора; но просимъ не выводить еще заключенія о достоинствѣ всего сочиненія по этому сокращенному разсказу. Мы уже прежде сказали, что такіе сокращенные разсказы,—даже вѣрные, безъ приличныхъ украшеній, прибавокъ и убавокъ,—ничего не доказываютъ и не составляютъ критики, которая обязана показать красоты сочиненія и его недостатки, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Признаемся откровенно, что особенной красоты въ идеѣ цѣлаго романа или, пожалуй, поэмы *Мертвыя души*, мы не видимъ. Не знаемъ, что̀ будетъ въ остальныхъ двухъ частяхъ поэмы; но до-сихъпоръ на первомъ планѣ люди, злоупотребляющіе своею должностію и наживающіеся противозаконными средствами. Всѣ лица автора, *начиная съ героя*, или плуты, или дураки, или подлецы, или не-

вѣжды и ничтожные люди. Одна губернаторская дочь исключена изъ этого почтеннаго собранія, но и та не обрисована нисколько, ничего почти не говоритъ, ничего не дѣйствуетъ. Можетъ быть она и прекрасная дѣвушка, но это одно предположеніе. Мы слышали о ней отъ автора что-то мелькомъ, но совершенно ее не знаемъ. Завязки въ поэмѣ нѣтъ никакой. Ни одно лице не возбуждаетъ участія въ читателѣ. Интересъ поддерживается только желаніемъ узнать: для чего Чичиковъ скупаетъ мертвыя души, потому-что объясненіе его цѣли авторъ помѣстилъ въ концѣ. Это не романъ и не поэма, а сатира въ лицахъ, переходящая иногда въ каррикатуру. Въ жизни мы видимъ безпрерывную борьбу добра со зломъ. Это законъ земной жизни человѣчества. Сатира обличаетъ или осмѣиваетъ зло. Поэма, въ формахъ поэтическихъ, и романъ, въ формахъ дѣйствительности, должны изображать по возможности жизнь въ полнѣ, а не одну ея сторону. Изобразите одно добро—картина ваша будетъ холодна и не естественна; изобразите одно зло—и въ картинѣ вашей не будетъ настоящей жизни. Вы впадаете въ ту же неестественность и однообразіе. Для всякой картины необходимы свѣтъ и тѣнь; необходимо разнообразіе цвѣтовъ. Если же художникъ возьметъ одну бѣлую или одну черную краску, что произведетъ онъ? Одинъ живописецъ, для шутки, замазалъ холстъ черною краской и подписалъ: глубокая ночь. Конечно, никто не назвалъ, и не назоветъ художественною картиной такого произведенія.

Въ частяхъ *Мертвыя души* имѣютъ много красокъ и много недостатковъ. Описанія во многихъ мѣстахъ чрезвычайно живы, комическія черты схвачены мастерски, избранные авторомъ характеры обрисованы чрезвычайно удачно.

Вотъ герой автора, коллежскій совѣтникъ Чичиковъ, на вечеринкѣ у губернатора.

«Не успѣлъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, который представилъ его тутъ же губернаторшѣ. Пріѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой-то комплиментъ, весьма прилично для человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда установившіеся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно.—Многія дамы были хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во что Богъ послалъ въ губернскій городъ. Мущины здѣсь, какъ и

вездѣ, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ Петербургскихъ, имѣли также весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лицъ, также небрежно подсѣдали къ дамамъ, также говорили по французски, и смѣшили дамъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мущинъ составляли толстые, или такіе же какъ Чичиковъ, то есть не такъ чтобы слишкомъ толстые, однако-жъ и не тонкіе. Эти напротивъ того косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставлялъ ли гдѣ губернаторскій слуга зеленаго стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ, волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями, на манеръ чортъ меня побери, какъ говорятъ Французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особеннымъ порученіямъ, или только числятся, и виляютъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а все прямыя, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ, что скорѣй мѣсто затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, за то въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души не заложенной въ ломбардъ; у толстаго спокойно, глядь, и явился гдѣ нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Наконецъ толстый, прослуживши Богу и Государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ барином, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. — А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ наконецъ присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица: про-

курора съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигавшимъ лѣвымъ глазомъ, такъ какъ будто бы говорилъ: «пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу», человѣка впрочемъ серьезнаго и молчаливаго; почтмейстера, низенькаго человѣка, но острика и философа, предсѣдателя палаты, весьма разсудительнаго и любезнаго человѣка, которые всѣ привѣтствовали его какъ стариннаго знакомаго, на что Чичиковъ раскланивался, нѣсколько на бокъ, впрочемъ не безъ пріятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ, и нѣсколько неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши: «прошу прощенія». Тутъ же ему всунули карту на вистъ, которую онъ принялъ съ такимъ-же вѣжливымъ поклономъ. Они сѣли за зеленый столъ, и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда наконецъ предаются занятію дѣльному. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ-же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую физіономію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая если была дама: «пошла старая попадья!» если-же король: «пошелъ тамбовскій мужикъ!» А предсѣдатель приговаривалъ: «А я его по усамъ! А я ее по усамъ!» Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: а! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ! —Или-же просто восклицанія: черви! червоточина! пикенція, или пикендрасъ! пичурущукъ! пичура! и даже просто: пичукъ! названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры, спорили какъ водится довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спорилъ, но какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: вы пошли, но вы изволили пойти, я имѣлъ честь покрыть вашу двойку, и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякой разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой они замѣтили двѣ фіялки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщики Маниловъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотъ часъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону предсѣдателя и почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ,

показали въ гостѣ не только любознательность, но и основательность; ибо прежде всего распросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ душъ крестьянъ, и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ уже освѣдомился какъ имя и отечество. Въ немного времени, онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Маниловъ, еще вовсе человѣкъ не пожилой, имѣвшій глаза сладкіе, какъ сахаръ, и щурившій ихъ всякой разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку, и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню, къ которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы. На что Чичиковъ съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы искреннимъ пожатіемъ руки отвѣчалъ, что онъ не только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почтетъ за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически: «и ко мнѣ прошу», шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри.

Вотъ описаніе слуги Чичикова:

«Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча, и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное понужденіе къ просвѣщенію, то есть, чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ:—онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему правилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или лучше сказать, процессъ самаго чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ чортъ знаетъ что и значитъ. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежачемъ положеніи въ передней, на кровати и на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка.»

Еще удачнѣе описаніе кучера. Это едва ли не лучшее мѣсто во всей поэмѣ.

«А Чичиковъ въ довольномъ расположеніи духа сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предъидущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ его вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ

него и тѣломъ, и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно были очень пріятны; ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людей Манилова, дѣлалъ весьма дѣльныя замѣчанія чубарому пристяжному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида, будто бы везетъ, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся засѣдателемъ, потому-что былъ пріобрѣтенъ отъ какого-то засѣдателя, трудился отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе. «Хитри, хитри! вотъ я тебя перехитрю!» говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыстнувъ кнутомъ лѣнивца. «Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкой! Гнѣдой почтенный конь, онъ исполнитъ свой долгъ, и ему съ охотою далъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь, и засѣдатель тожъ хорошій конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты дуракъ слушай, коли говорятъ! я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползетъ!» Здѣсь онъ опять хлыстнулъ его кнутомъ, примолвивъ: «у варваръ!...» Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ: «эй вы, любезные!» и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ. Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому: «ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить—съ охотою коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякой отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякой уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, сполнялъ службу государскую, онъ колѣской совѣтникъ...

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался наконецъ въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушался, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотрѣть вокругъ себя. Все небо совершенно было обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ громовой ударъ раздался въ

другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ въ другую, потомъ измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги наконецъ стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой срединѣ рѣчи, смекнулъ, что точно не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянь изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки возжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное разслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдется что сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то поворотивши на право, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: «эй вы, други почтенные!» и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога. Дождь однако же казалось зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ грязь, и лошадямъ ежеминутно становилось тяжелѣе тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно безпокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По разсчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая, хоть глазъ выколи.

— Селифанъ! сказалъ онъ наконецъ, высунувшись изъ брички.

— Что баринъ? отвѣчалъ Селифанъ.

— Поглядн-ка, не видно-ли деревни?

— Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно!—Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительные и побудительные крики, которыми подчиваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца до другого, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, какъ что первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ наконецъ секре*тарями.*

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и вѣроятно тащились по взбороненному полю. Селифанъ казалось самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь? сказалъ Чичиковъ.

— Да что жъ, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!—Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

— Держи, держи, опрокинешь!—кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ, говорилъ Селифанъ. Это не хорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину.—Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и наконецъ выворотилъ ее совершенно на бокъ. Чичиковъ и руками и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей однако-жъ остановилъ, впрочемъ онѣ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія: Вишь ты и перекинулась!—

— Ты пьянъ, какъ сапожникъ!—сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! я знаю, что это нехорошее дѣло быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому-что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить, въ томъ нѣтъ худаго; и закусили вмѣстѣ. Закуска не обидное дѣло; съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить».

Много и другихъ прекрасныхъ мѣстъ въ поэмѣ, которыхъ не перечисляемъ. Просвѣщенные читатели ихъ найдутъ, конечно, и оцѣнятъ сами. Прочитавъ приведенныя выписки, каждый, кто даже и не признавалъ бы въ Гоголѣ таланта, убѣдится, что у него талантъ необыкновенный.

И какъ послѣ этого не жалѣть, какъ не досадовать на льстецовъ автора, которые своими гиперболическими, нелѣпыми похвалами произвели въ немъ, (что будетъ ясно доказано ниже), самонадѣянность, ослѣпляющую автора до того, что онъ не видитъ въ произведеніяхъ

своихъ явныхъ недостатковъ, бросающихся въ глаза каждому, безпристрастному читателю,—недостатковъ, которые были бы непростительны даже самому посредственному писателю, не только Гоголю. Предвидимъ, что авторъ, не зная насъ лично, припишетъ все сказанное нами какимъ-нибудь разсчетамъ, какому-нибудь вліянію партіи, зависти, враждѣ, и другимъ подобнымъ вещамъ, которыя у насъ привыкли предполагать въ каждомъ критикѣ. Предвидимъ, что льстецы постараются утвердить его въ этой несправедливой мысли и внушить ему, если возможно, вражду къ намъ. Но пускай бранятъ они насъ, какъ хотятъ, пускай авторъ думаетъ объ насъ, какъ ему угодно. Какъ рады были бы мы, если бы онъ хоть не теперь, а когда нибудь, увѣрился, что мы не руководимся никакими разсчетами, но однимъ искреннимъ убѣжденіемъ и желаніемъ принесть автору пользу, высказавъ ему правду объ его недостаткахъ, которыхъ отсутствіе возвысило бы вдвое неоспариваемое достоинство его литературныхъ произведеній. Сынъ Отечества, по своему независимому положенію, не имѣетъ надобности, ни прибѣгать къ лести, ни угождать какой бы то ни было литературной партіи, какому бы то ни было автору. Онъ любитъ искренно словесность, любитъ всѣхъ отечественныхъ писателей, безъ различія партій, которыхъ и знать не хочетъ.

Главный недостатокъ автора, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ, увлекаясь своимъ комическимъ направленіемъ, переходитъ часто границы чистаго вкуса и, для возбужденія смѣха, свою художническую кисть обмакиваетъ въ грязныя, недостойныя художника краски. Мы увѣрены, что всѣхъ образованныхъ читателей поражаютъ самымъ непріятнымъ образомъ мѣста въ новой поэмѣ, подобныя слѣдующимъ:

«Въ это время, стоявшій позади лакей утеръ посланнику (восьмилѣтнему сыну помѣщика Манилова) носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы капнула въ супъ препорядочная посторонняя капля».

По приказанію помѣщика Ноздрева, приноситъ слуга, безъ всякой надобности щенка.

«— Ты однако-жъ не сдѣлалъ того, что я тебѣ говорилъ, сказалъ Ноздревъ, обратившись къ Порфирію и разсматривая тщательно брюхо *щенка*, и не подумалъ вычесать его?

— *Нѣтъ, я его вычесывалъ.*

— *А отъ чего же блохи?*

— Не могу знать. Статься можетъ, какъ нибудь изъ брички поналѣзли.

— Врешь, врешь, и не воображалъ чесать, я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ.»

А вотъ философическое разсужденіе, которое могло бы быть легко выражено нѣсколько благопристойнѣе:

«Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностію, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ смотришь, тутъ же, предъ вашими глазами и нагадитъ вамъ. И нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе; такъ что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да ничего болѣе.»

Вотъ разговоръ между дворянами:

— Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право поѣду, говорилъ зять, ты меня очень обидишь.

— Пустяки, пустяки! мы соорудимъ сію минуту банчишку.

— Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу, жена будетъ въ большой претензіи, право, я долженъ ей разсказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право нужно доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!

— Ну ее жену къ....! важное въ самомъ дѣлѣ дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!

. . . . . .

«Охъ какой любопытный! ему всякую дрянь хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!»

А вотъ опять блохи на сценѣ, безъ большой надобности, и другія подробности, столько же интересны:

«Ночь спалъ онъ (Чичиковъ) очень дурно. Какія-то маленькія пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая: а чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Поздревымъ! Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться чрезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь чрезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Поздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.»

Ноздревъ привѣтствовалъ его подружески и спросилъ, каково ему спалось?

— Такъ себѣ, отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

— А я, братъ, говорилъ Ноздревъ, такая мерзость лѣзла всю ночь, что гнустно разсказывать, и во рту послѣ вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь: снилось, что меня высѣкли, ей, ей! и вообрази кто? Вотъ ни за что не угадаешь: штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ.

— Да, подумалъ про себя Чичиковъ: хорошо бы, если-бъ тебя отодрали наяву.

— Ей Богу! да пребольно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается, вѣрно, вѣдьмы блохи.

. . . . . .

— Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что они на рынкѣ покупаютъ. Купитъ вонъ тотъ каналья поваръ, что выучился у Француза, кота, обдеретъ его, да и подаетъ на столъ, вмѣсто зайца.

— Фу! какую ты непріятность говоришь, сказала супруга Собакевича.

— А что-жъ, душенька, такъ у нихъ дѣлается, я не виноватъ, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все что ни есть ненужнаго, что Акулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лахань, они его въ супъ! да въ супъ! туда его.

— Ты за столомъ всегда эдакое разскажешь! возразила опять супруга Собакевича.

— Что-жъ, душа моя, сказалъ Собакевичъ, если-бъ я самъ это дѣлалъ, но я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облепи, не возьму ее въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа.

. . . . . .

Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который лежа въ креслахъ, только покряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою.

. . . . . .

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ, но Собакевича, какъ видно, понесло: полились такія потоки рѣчей, *что только нужно* было слушать.

. . . . . .

Зубочистка совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, *ковырялъ* въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву Французовъ.

. . . . . .

Лице его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ, одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякой разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать.

Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ съ просонья, что стало мочи: кто идетъ? но увидѣвъ, что никто не шелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и подошелъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ.

Работы оставалось еще, по-крайней-мѣрѣ, на двѣ недѣли; во все продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить меделянскому щенку шерсть особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ.»

Какъ вамъ нравится все это? Мы не видимъ тутъ ничего прекраснаго и достойнаго кисти художника. Господину Гоголю, обладающему истиннымъ комическимъ талантомъ, не было вовсе нужды прибѣгать къ такой грязи и возбуждать смѣхъ блохами, щенками, звѣрями, казненными на ногтѣ, грубыми площадными выраженіями, ободранными котами, посторонними каплями, попадающими въ супъ, и прочее и прочее. По нашему мнѣнію, все это низкій, балаганный комизмъ, недостойный такого художника, какъ Гоголь. Отчего же онъ допускаетъ въ своихъ произведеніяхъ подобные недостатки? Оттого, что всѣ восторженные его почитатели донынѣ говорили ему только преувеличенныя похвалы и лесть; оттого, что они готовы и теперь доказывать, что и блохи, и ободранные коты, и всѣ прочія прелести—геніальныя, художественныя созданія, которыхъ высоты люди, отставшіе отъ вѣка, понять не въ состояніи. Мудрено, чтобы кто-нибудь изъ образованныхъ читателей не поморщился, встрѣтивъ подобную красоту въ Мертвыхъ душахъ, и не пожалѣлъ, что авторъ не удерживаетъ своего комизма въ границахъ художественной чистоты и благородства. Къ сожалѣнію, должно сказать, что онъ убѣжденъ, какъ кажется, въ достоинствѣ подобныхъ красотъ. Вотъ что онъ самъ пишетъ на страницѣ 306 своей поэмы:

«Еще нужно сказать, что дамы города *** отличались подобно многимъ дамамъ петербургскимъ необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: этотъ стаканъ, или эта тарелка воняетъ. И даже нельзя было сказать ничего такого, чтобы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя, или что нибудь въ родѣ этого.»

Но кажется ни дамы петербургскія, ни дамы всѣхъ другихъ русскихъ городовъ не заслуживаютъ насмѣшекъ за то, что онѣ не говорятъ, какъ желаетъ авторъ: «я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, этотъ стаканъ или тарелка воняетъ.» О такихъ вещахъ и говорить, кажется, нѣтъ большой необходимости ни въ книгахъ, ни въ гостинныхъ. Не знаемъ также, въ какой столовой могутъ вонять стаканы и тарелки. Можетъ-быть, иные критики и тутъ похвалятъ автора и скажутъ, что все это списано съ натуры. Спорить не станемъ. Мы сидимъ болѣе въ кабинетѣ и не бываемъ въ тѣхъ столовыхъ и гостинныхъ, о которыхъ такъ часто говорятъ критики.

Второй недостатокъ автора состоитъ въ томъ, что слогъ его по мѣстамъ чрезвычайно небреженъ и неправиленъ, иногда же надутъ и высокопаренъ. Сравненія его иногда черезъ-чуръ длинны и не только не составляютъ красотъ, но напротивъ того кажутся неумѣстными, лишними вставками. Приведемъ нѣсколько мѣстъ для доказательства неправильности и небрежности слога.

«Не безъ радости *былъ вдали узрѣть* полосатый шлахбаумъ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ, *и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не вспоминалъ о немъ*. Кончилъ онъ наконецъ тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а чрезъ *носовыя* ноздри. Ту же, (муху), которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ *носовой* ноздрѣ, онъ потянулъ въ просонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть. И навретъ совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой, или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе наконецъ *все отходятъ произнести:* ну братъ, ты *кажется ужъ началъ* пули лить. Прежде всего пошли они обсматривать

конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ гнѣдаго жеребца, на видъ и не казистаго, *но за котораго Ноздревъ божился*, *что* заплатилъ десять тысячъ. Нѣтъ, братъ, это кажется *ты сочинитель*, да только *неудачно*. Лучше я съѣмъ *двухъ блюдъ*. Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который *попавши* гдѣ-то на дорогѣ, *претолстое бревно*, тащилъ *его* на плечѣ, подобно неутомимому муравью, къ себѣ въ избу. Частями, сталъ выказываться господскій домъ, и наконецъ *глянулъ* весь *въ томъ мѣстѣ*, гдѣ и проч. Стѣны дома *ощеливали* мѣстами нагую штукатурную рѣшетку. Длинный, пожелтѣвшій *гравюръ* какого-то сраженія. Счастливъ путникъ, *который* послѣ длинной, скучной дороги.... видитъ наконецъ знакомую крышу, *и предстанутъ предъ нимъ* знакомыя комнаты и проч. Почтмейстеръ тоже *отступился* (вмѣсто *отступилъ*). Теплилась сальная свѣчка. *Пересвистывались вдали отдаленные пѣтухи*. Изъ *одного* разговора, который произошелъ между *однѣми двумя* дамами. *Что* объ дамы наконецъ рѣшительно убѣдились въ томъ, *что* прежде *предположили* только какъ одно *предположеніе*, въ этомъ ничего нѣтъ необыкновеннаго.»

Но, покуда, довольно выписокъ, доказывающихъ, что слогъ автора бываетъ часто небреженъ и не правиленъ. Теперь докажемъ выписками же сказанное нами о сравненіяхъ автора.

«Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго Іюльскаго лѣта, когда старая клюшница рубитъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ: дѣти всѣ глядятъ собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и пользуясь подслѣповатостію старухи и солнцемъ, безпокоющимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ разбитую, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу раставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучкѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя

подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться и опять улетѣть и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами.»

Сравненіе черныхъ фраковъ, мелькавшихъ посреди блестящихъ дамскихъ платьевъ, съ мухами на рафинадѣ, очень удачно въ началѣ; но для чего авторъ не остановился, для чего растянулъ онъ свое сравненіе на цѣлую страницу? Описаніе подслѣповатой ключницы, дѣтей, которые на нее смотрятъ, мухъ, которыя трутъ одна о другую заднія или переднія ножки, или чешутъ ими у себя подъ крылышками, и наконецъ протягиваютъ лапки, чтобы потереть ими у себя надъ головою,—все это совершенно нейдетъ тутъ къ дѣлу и не имѣетъ ничего общаго съ черными фраками.

Вотъ другое сравненіе. Помѣщикъ Ноздревъ, разсердясь на Чичикова, кликнулъ слугъ, чтобы вмѣстѣ съ ними поколотить своего гостя.

— Бейте его! кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость. Бейте его! кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричитъ своему взводу: ребята, впередъ! какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже пріобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло. Ребята, впередъ! кричитъ онъ порываясь, не помышляя, что вредитъ уже обдуманному плану общаго приступа, что милліоны ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ какъ пухъ на воздухъ его безсильный взводъ и что уже свищетъ роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступившаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на непреступную. Напротивъ крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки».

Очевидно, какъ это сравненіе длинно и натянуто. Къ чему тутъ подробное описаніе поручика, къ чему тутъ Суворовъ, обдуманный планъ приступа, крѣпость съ неприступными амбразурами, съ *милліонами ружейныхъ* дулъ, съ уходящими *за облака* стѣнами? Срав-

неніе неудачно и невѣрно, хотя и унеслось за облака. Вотъ еще сравненіе, сначала удачное, а потомъ испорченное отъ лишней прибавки:

«Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна почти въ одно время два лица: женское въ чепцѣ, узкое, длинное какъ огурецъ, и мужское круглое, широкое какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья.»

Лицо круглое, какъ молдаванская тыква,—это понятно. Но къ чему тутъ ученое и статистическое свѣдѣніе, что ихъ называютъ горлянками, что изъ нихъ дѣлаютъ двухструнныя балалайки, что эти балайки составляютъ потѣху ухватливыхъ парней, *мигачей*, *подмигивающихъ* и посвистывающихъ на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ. Все это совершенно лишнее и совсѣмъ не клеится съ круглымъ лицомъ. Притомъ: подмигивать на кого нибудь—не говорятъ по-русски.

Третій недостатокъ въ авторѣ, какъ намъ кажется, тотъ, что онъ слишкомъ много говоритъ о самомъ себѣ въ своей поэмѣ. Докажемъ и это выписками.

«Не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святый ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей.

Русь! чего ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное обла-

ко, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему.

Можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся передъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло по природѣ другихъ народовъ... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія, забываться подобно юношѣ.

И такъ читатели не должны негодовать на автора, если лица, до нынѣ являвшіяся, не пришлись по его вкусу; это вина Чичикова, здѣсь онъ полный хозяинъ, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если точно падетъ обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда въ началѣ не видно всего широкаго теченья и объема дѣла. Въѣздъ въ какой бы ни было городъ, хоть даже въ столицу, всегда какъ-то блѣденъ, сначала все сѣро и однообразно: тянутся безконечные заводы да фабрики, закопченныя дымомъ, а потомъ уже выглянутъ углы шести-этажныхъ домовъ, магазины, вывѣски, громадныя перспективы улицъ, всѣ въ колокольняхъ, колонахъ, статуяхъ, башняхъ съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всѣмъ, что на диво произвела рука и мысль человѣка. Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и не удачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двинутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, *то увидитъ потомъ.*

Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденья его въ свѣтъ и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаніями онѣ ведутся и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, не умолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ: все равно: въ мрачномъ ли образѣ, или пропестись свѣтлымъ явленьемъ возрадующимъ, міръ—одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И можетъ быть, въ этомъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростію небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ.

Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ, тяжело то, что живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ, были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта.

И вотъ такимъ образомъ составился въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который не знаю будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ выразить трудно. Ибо, что ни говори, не приди въ голову Чичикову эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма...»

Видѣли ли вы картину нашего великаго художника: *Послѣдній день Помпеи?* Слышали объ его *Осадѣ Пскова*, которую онъ готовитъ въ тишинѣ и которой всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ? Великій ли художникъ Брюловъ? Не найдется, конечно, ни одного голоса, который сказалъ бы: нѣтъ! Что, если бы тогда, какъ всѣ собирались толпами удивляться его картинѣ, только-что привезенной въ Петербургъ, что, если бы онъ вдругъ явился тогда передъ зрителями и сказалъ бы что-нибудь въ этомъ родѣ. «Еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ картинѣ. Русь! Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи? Уже главу осѣнило грозное облако. Иныхъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святый ужасъ и въ блистанье главы, и увидятъ въ смущеномъ трепетѣ величавую кисть въ другихъ твореніяхъ». Какое впечатлѣніе произвели бы на восхищенныхъ картиною зрителей подобныя *слова, если бы* художникъ произнесъ ихъ? Но Брюловъ никогда

не говорилъ и никогда не скажетъ ничего подобнаго, хотя онъ неоспоримо великій художникъ. И Гоголь, неоспоримо, отличный художникъ, и потому нельзя не пожалѣть, что онъ не вычеркнулъ изъ своей поэмы приведенныхъ выше мѣстъ. Сказанныя слова, какъ бы ни было непріятно впечатлѣніе, ими произведенное, забываются, а слова написанныя остаются. Самъ авторъ въ своей поэмѣ написалъ:

«Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденіямъ, смѣется надъ неразумiемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отвсюду устремленъ пронзительный трепетъ, на него же, на него, на текущее поколѣніе, и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки».

Мы смѣемся теперь надъ предками, которые, уважая Сумарокова за оказанныя въ свое время заслуги, до того его захвалили, что онъ писалъ и печаталъ: «Шествуя по стопамъ Горація, Ювенала, де-Про и Моліера. Я еще втораго своего изданія къ чести моего отечества не выпустилъ». Мы смѣемся теперь надъ такою хвастливою самонадѣянностью. А вѣдь и мы будемъ предками. Подумайте и выведите сами изъ этихъ данныхъ заключеніе. Теперь мы высказали откровенно все, что мѣшало намъ вполнѣ насладиться новою поэмою господина Гоголя. Повторимъ: въ ней много первокласныхъ, частныхъ красотъ, которыя, можетъ быть, выкупятъ всѣ недостатки, выше указанныя и, кажется, доказанныя. Очень желали бы, чтобы разборъ нашъ принесъ автору пользу; чтобы онъ въ двухъ остальныхъ частяхъ своей поэмы избѣжалъ замѣченныхъ недостатковъ, и доказалъ, что онъ, какъ истинный художникъ, безотчетнымъ, громкимъ похваламъ и пошлой лести предпочитаетъ высказанныя по убѣжденію чувства и мысли.

Предвидимъ, какую грозу накликали мы на себя нашею откровенностью, напередъ знаемъ, что автора будутъ увѣрять, что его новая поэма есть верхъ совершенства, вѣнецъ художества; что въ ней нѣтъ никакихъ недостатковъ; что мы — Вандалы и варвары; что авторъ Мертвыхъ душъ—Гомеръ, Шекспиръ, Тассъ, Сервантесъ; что онъ даже выше ихъ. Сердечно желаемъ, чтобы нашъ отечественный писатель достигъ въ самомъ дѣлѣ такой высоты; но на нее не помогутъ ему взойти критики, безотчетно хвалящіе, какъ бы они громко

ни восклицали. Пускай ихъ шумятъ, а мы спокойно будемъ, пока, читать басенку несравненнаго нашего Крылова:

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть... и прочее.

* * *

Похожденія Чичикова, *или Мертвыя Души. Поэма Н. Гоголя.*

Странная участь постигаетъ поэтическое произведеніе, когда оно изъ головы художника выступитъ въ полномъ своемъ вооруженіи и перейдетъ въ собственность читателей! Художникъ успокоился, и предавъ свое созданіе въ жертву толпѣ, отошелъ отъ него въ святилище души своей:—тутъ начинается тревога внѣшняя. Масса читателей рветъ на куски живое, цѣлое созданіе, и наслаждается его крохами; милліоны точекъ зрѣнія наведены на него: каждый съ своихъ собственныхъ подмостковъ, на которые его поставили природа, образованіе и положеніе въ обществѣ, вытягивается, чтобы кинуть и свой взглядъ на явленіе, поразившее всѣ очи. Одни безотчетно восхищаются имъ, другіе безотчетно его порицаютъ. Тамъ изъ норы своей выползла мелкая зависть въ видѣ газетчика, и наводитъ свой шаткій и темный микроскопъ на немногія грамматическія ошибки, случайно вкравшіяся въ произведеніе. Но вотъ съ другой стороны, изъ тѣсныхъ рядовъ толкучаго рынка литературы, выскочило наглое самохвальство въ видѣ крикливаго пигмея, съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою; обрадовавшись случаю изъ-за похвалы таланту похвалить самого себя, оно, ставши передъ произведеніемъ, пялитъ на немъ свою тощую фигуру, силится прикрыть его собою, и потомъ показать вамъ, и увѣрить васъ, что точно оно вамъ его показало, а безъ того вамъ бы его и не увидѣть. Безмолвно возвышается произведеніе надъ выскочкой—непризваннымъ трубачемъ его славы—и только обличаетъ собою его крохоту и умственное безсиліе. Разрываемое на куски, оно хранитъ въ себѣ таинственно свое цѣлое и живетъ полною жизнію, которую далъ ему художникъ. Рѣдко бываетъ намъ случай прилагать эстетическую критику къ современнымъ произведеніямъ Русской Словесности, и говоря объ нихъ, касаться

*) „Москвитянинъ“ 1842 г., ч. IV, № 7. „Критика“. Статья С. Шевырева. Статья первая.

важныхъ вопросовъ объ искусствѣ. Пропустимъ ли мы теперь, когда онъ открывается намъ такъ блистательно въ произведеніи художника, который послѣ такого продолжительнаго безмолвія вдругъ представилъ намъ плодъ многолѣтней думы, изученія и творчества? Конечно нѣтъ,—напротивъ мы нѣсколько разъ возвратимся еще къ *Мертвымъ душамъ*, ибо едва ли можно высказать съ одного разу все множество мыслей и вопросовъ, какіе это произведеніе возбуждаетъ.

Давно уже поэтическія явленія не производили у насъ движенія столь сильнаго, какое произвели Мертвыя души; но мы живемъ къ сожалѣнію въ такое время, когда едва ли можетъ явиться созданіе, которое соединило бы единодушно всѣ голоса въ свою пользу. Если бы геній первой степени, самъ Шекспиръ явился снова, то и онъ въ наше время едва ли покорилъ бы себѣ умы, раздѣленные страннымъ разномысліемъ?

Мудрено-ли послѣ этого, что произведеніе Гоголя подверглось разнообразнымъ толкамъ и сужденіямъ? Мы замѣтили даже, что мнѣніе едва ли когда дѣлилось на столь противоположныя крайности, какъ въ настоящемъ случаѣ; такое явленіе не должно быть безъ причины,—нѣтъ, оно чрезвычайно важно и требуетъ объясненія. Можно было даже встрѣтить такихъ людей, которые сами въ себѣ соединяли эти крайнія противоположности, колебались между тѣмъ и другимъ мнѣніемъ, и не въ силахъ были дать себѣ полнаго отчета въ своей странной нерѣшимости. Если такое явленіе дѣйствительно совершилось въ людяхъ мыслящихъ, безпристрастныхъ, простодушно принимавшихъ впечатлѣнія,—то причина ему должна конечно содержаться въ самомъ созданіи. Мы такъ и полагаемъ. Двѣ стороны имѣетъ всякое произведеніе художника; одною стороною обращено оно къ жизни, изъ которой черпаетъ матеріялъ, свое содержаніе, но другою все оно принадлежитъ создателю, все есть плодъ его творческаго духа, тайна его внутренней жизни. Цѣнители по большей части дѣлятся на двѣ стороны: одни смотрятъ только на содержаніе и на ту связь, которая находится между произведеніемъ и жизнію, особенно современною; другіе наслаждаются искусствомъ художника безотчетно или съ отчетомъ, и не тревожитъ ихъ вопросъ о жизни. Давно не встрѣчали мы произведенія, въ которомъ внѣшняя жизнь и содержаніе представляли бы такую рѣзкую и крайнюю противоположность съ чуднымъ міромъ искусства, въ которомъ положительная сторона жизни и творящая сила изящнаго являлись бы въ такой разительной

между собою борьбѣ, изъ которой одинъ лишь талантъ Гоголя могъ выйти достойно съ вѣнцомъ побѣдителя. Можетъ быть таковъ долженъ быть характеръ современной поэзіи вообще: какъ бы то ни было, но здѣсь первый источникъ разногласію мнѣній, которыми встрѣчено произведеніе. Ясно, что взглядъ на него будетъ тогда только полонъ, когда обниметъ обѣ стороны: сторону жизни и искусства, и покажетъ ихъ взаимное отношеніе въ созданіи художника. Вотъ та трудная задача, которую мы задаемъ себѣ теперь, и на которую будемъ отвѣчать по мѣрѣ силъ нашихъ и по внутреннему, безпристрастному убѣжденію.

Раскроемъ сначала сторону жизни внѣшней и прослѣдимъ поглубже тѣ пружины, которыя поэма приводитъ въ движеніе. Кто герой ея? Плутоватый человѣкъ, какъ выразился самъ Авторъ. Въ первомъ порывѣ негодованія противъ поступковъ Чичикова, можно бы прямѣе назвать его и мошенникомъ. Но авторъ раскрываетъ намъ глубоко всю тайную психологическую біографію Чичикова: беретъ его отъ самыхъ пеленъ, проводитъ черезъ семью, школу и всѣ возможные закоулки жизни, и намъ открывается ясно все его развитіе, и мы увлечены необыкновеннымъ даромъ постиженія, какой раскрытъ Авторомъ при чудной анатоміи этого характера. Внутренняя наклонность, уроки отца и обстоятельства воспитали въ Чичиковѣ страсть къ пріобрѣтенію. Прослѣдивъ героя вмѣстѣ съ Авторомъ, мы смягчаемъ имя мошенника и согласны его даже переименовать въ *пріобрѣтателя*. Что же? герой, видно, пришелся по вѣку. Кто жь не знаетъ, что страсть къ пріобрѣтенію есть господствующая страсть нашего времени, и кто не пріобрѣтаетъ? Конечно, средства къ пріобрѣтенію различны, но когда всѣ пріобрѣтаютъ, нельзя же не испортиться средствамъ — а въ современномъ мірѣ должно же быть болѣе дурныхъ средствъ къ пріобрѣтенію чѣмъ хорошихъ. Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на Чичикова, то мы не только поддадимся на приглашеніе Автора назвать его пріобрѣтателемъ, но даже принуждены будемъ воскликнуть въ слѣдъ за Авторомъ: да ужь полно нѣтъ ли въ каждомъ изъ насъ какой нибудь части Чичикова? Страсть къ пріобрѣтенію ужасно какъ заразительна на всѣхъ ступеняхъ многосложной лѣстницы состояній человѣка въ современномъ обществѣ, едва ли не найдется по нѣскольку Чичиковыхъ. Словомъ, всматриваясь все глубже и пристальнѣе, мы наконецъ заключимъ, что Чичиковъ въ воздухѣ, что онъ разлитъ по всему современному человѣчеству

что на Чичиковыхъ урожай, что они какъ грибы невидимо рождаются—что Чичиковъ есть настоящій *герой нашею времени*, и слѣдовательно по всѣмъ правамъ можетъ быть героемъ современной поэмы. Но изъ всѣхъ пріобрѣтателей Чичиковъ отличился необыкновеннымъ поэтическимъ даромъ въ вымыслѣ средства къ пріобрѣтенію. Какая чудная, подлинно *вдохновенная*, какъ называетъ ее Авторъ, мысль осѣнила его голову! Разъ поговоривши съ какимъ-то Секретаремъ, и услыхавъ отъ него, что мертвыя души по ревизской сказкѣ числятся и годятся въ дѣло, Чичиковъ замыслилъ скупить ихъ тысячу, переселить въ Херсонскую землю, объявить себя помѣщикомъ этого фантастическаго селенія и потомъ обратить его въ наличный капиталъ посредствомъ залога. Не правда-ли, что въ этомъ замыслѣ есть какая-то геніальная бойкость, какая-то удаль плутовства, *фантазія* и *иронія*, соединенныя вмѣстѣ? Чичиковъ въ самомъ дѣлѣ герой между мошенниками, поэтъ своего дѣла: посмотрите, затѣвая свой подвигъ, какою мыслію онъ увлекается: «А главное-то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ». Онъ веселится своему необычайному изобрѣтенію, радуется будущему изумленію міра, который до него не могъ выдумать такого дѣла, и почти не заботится о послѣдствіяхъ, въ порывѣ своей предпріимчивости. Самопожертвованіе мошенничества доведено въ немъ до крайней степени: онъ закаленъ въ него, какъ Ахиллъ въ свое безсмертіе, и потому какъ онъ, безстрашенъ и удалъ.

Для того, чтобы привести въ исполненіе свой поэтическій замыселъ, Чичиковъ долженъ былъ найти особенный городъ N, и людей къ тому способныхъ. Герой и его предпріятіе привели за собою неизбѣжно достойное ихъ окруженіе. Нѣкоторые читатели порицаютъ Автора за выводимыя имъ лица; но это напрасно Авторъ весьма благоразумно предупредилъ подобные упреки, сказавъ, что «если лица, до нынѣ являвшіяся, не пришлись по вкусу читателя, то вина не его, а Чичикова, который здѣсь вполнѣ хозяинъ». Въ самомъ дѣлѣ, если герой пришелся по вѣку, если его замыселъ отличается какою-то поэзіею изобрѣтенія, то конечно, онъ не могъ его исполнить въ иномъ городѣ и съ другими лицами, кромѣ тѣхъ, какія изображены чудною мастерскою кистью создателя поэмы. Пройдемъ же внимательно галлерею этихъ странныхъ лицъ, которыя живутъ своею особенною, полною жизнію въ томъ мірѣ, гдѣ совершаетъ подвиги Чичиковъ. Мы не нарушимъ порядка, въ которомъ они изо-

бражены. Начнемъ съ Манилова, предполагая, что самъ Авторъ не даромъ начинаетъ съ него. Едва ли не тысячи лицъ сведены въ этомъ одномъ лицѣ. Маниловъ представляетъ многое множество людей, живущихъ внутри Россіи, о которыхъ можно сказать вмѣстѣ съ Авторомъ: люди такъ себѣ, ни то ни её, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ. Коль хотите, они вообще добрые люди, но пустые, все и всѣхъ они хвалятъ, но и въ ихъ похвалахъ нѣтъ никакого толку. Живутъ въ деревнѣ, хозяйствомъ не занимаются, а такъ глядятъ на все спокойнымъ и добрымъ взглядомъ, и курятъ трубку (трубка ихъ аттрибутъ непзбѣжный), предаются праздпымъ мечтаніямъ въ родѣ того, какъ бы черезъ прудъ выстроить каменный мостъ и на немъ завести лавки. Доброта души ихъ отражается въ семейной ихъ нѣжности: они любятъ цѣловаться, но и только. Пустота ихъ сладкой и приторной жизни отзывается баловствомъ въ дѣтяхъ и дурнымъ воспитаніемъ. Мечтательное ихъ бездѣйствіе отразилось на всемъ ихъ хозяйствѣ: взгляните на ихъ деревни: всѣ онѣ будутъ походить на Маниловку, какъ она сама походитъ на Манилова. Сѣренькія, бревенчатыя избы; нигдѣ-никакой зелени; вездѣ только одно бревно; прудъ по серединѣ; двѣ бабы съ бредпемъ, въ которомъ запутались два рака и плотва, да общипанный пѣтухъ съ продолбленной до мозгу головою (да, у такихъ людей въ деревнѣ и пѣтухъ непремѣнно долженъ быть ощипанъ)—вотъ необходимые внѣшніе признаки ихъ сельскаго быта, къ которому очень пришелся даже и день свѣтло-сѣраго цвѣта, потому что при солнечномъ освѣщеніи такая картина была бы не столько занимательна. Въ домѣ ихъ всегда какой-нибудь недостатокъ, и при мебели, обитой щегольскою матеріею, непремѣнно найдутся два кресла, обтянутыя парусиною. При всякомъ дѣловомъ вопросѣ, они всегда обращаются къ своему прикащику, даже если бы случилось имъ продавать что-нибудь изъ сельскихъ продуктовъ. А предложите имъ какую нибудь сдѣлку позамысловатѣе: они не поймутъ васъ, какъ Маниловъ не понялъ Чичикова, потому что никакая дѣловая мысль и не можетъ свариться въ ихъ головѣ; по добротѣ же и мягкости характера, скоро съ вами согласятся. Поѣзжайте къ нимъ въ деревню,—они примутъ васъ какъ нельзя лучше; но берегитесь за людей вашихъ. Гостепріимство и мягкость господъ отражается и въ образѣ жизни ихъ дворовыхъ людей, которые ужъ непремѣнно напоятъ вашего кучера, какъ это и случилось съ Селифаномъ, кучеромъ Чичикова.

Коробочка—вотъ это совсѣмъ другое дѣло! Это типъ дѣятельной помѣщицы-хозяйки; она вся живетъ въ своемъ хозяйствѣ; она ничего и не знаетъ другаго. Съ виду вы назовете ее крохоборкой, смотря на то, какъ она собираетъ полтиннички и четвертачки по разнымъ мѣшечкамъ; но вглядѣвшись въ нее пристальнѣе, вы отдадите справедливость ея дѣятельности, и невольно скажете, что она въ своемъ дѣлѣ министръ хоть куда. Посмотрите, какой вездѣ у нея порядокъ! На крестьянскихъ избахъ видно довольство обитателей: вороты нигдѣ не покосились; старый тесъ на крышахъ замѣненъ вездѣ новымъ. Взгляните на ея богатый курятникъ! Пѣтухъ у нея не такъ какъ на деревнѣ у Манилова—пѣтухъ щеголь. Вся птица, какъ замѣтно, ужь такъ пріучена заботливою хозяйкою, составляетъ съ нею какъ будто одно семейство и близко подходитъ къ окнамъ ея дома: вотъ отчего у Коробочки только могла произойти не совсѣмъ учтивая встрѣча между индѣйскимъ пѣтухомъ и гостемъ Чичиковымъ. Домашнее хозяйство ея все идетъ полной рукою: кажется, одна только Ѳетинья въ домѣ, а посмотрите что за печенья, и какой огромный пуховикъ принялъ въ свои пѣдра усталаго Чичикова!— А что за чудесная память у Настасьи Петровны! Какъ она, безъ всякой записи, наизусть пересказала Чичикову имена всѣхъ вымершихъ мужиковъ своихъ. Вы замѣтили, что мужики Коробочки отличаются отъ другихъ помѣщичьихъ мужиковъ все какими-то необыкновенными прозвищами: знаете ли почему это? Коробочка себѣ на умѣ: ужь у ней что ея, то крѣпко ея; и мужики также помѣчены особыми именами, какъ птица помѣчается у аккуратныхъ хозяевъ, чтобы не сбѣжала. Вотъ почему такъ трудно было Чичикову уладить съ нею дѣло: она хоть и любитъ продать, и продаетъ всякій продуктъ хозяйственный; но за то и на мертвыя души смотритъ также, какъ на свиное сало, на пеньку или на медъ, полагая, что и онѣ въ хозяйствѣ могутъ спонадобиться. До-поту лица умучила она Чичикова своими затрудненіями, ссылаясь все на то, что товаръ это новый, странный, небывалый. Ее можно было только напугать чортомъ, потому что Коробочка должна быть суевѣрна. Но бѣда, если случится ей продешевить какой нибудь товаръ свой: у нея какъ будто совѣсть не спокойна—и потому не мудрено, что она, продавъ мертвыя души и потомъ раздумавшись о нихъ, прискакала въ городъ въ своемъ дорожномъ арбузѣ, напичканномъ ситцевыми подушками, хлѣбами, калачами, кокурками, крепделями и прочимъ, прискакала за

тѣмъ, чтобы узнать навѣрно, по чемъ ходятъ мертвыя души! и ужь не промахнулась ли она, Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ быть, въ три—дешева.

На большой дорогѣ, въ какомъ-то деревянномъ потемнѣвшемъ трактирѣ, встрѣтилъ Чичиковъ Ноздрева, съ которымъ познакомился еще въ городѣ: гдѣ же и встрѣтиться съ такимъ человѣкомъ, если не въ такомъ трактирѣ? Ноздревыхъ встрѣчается не мало, замѣчаетъ Авторъ: правда, на всякой Русской ярмаркѣ, самой ничтожной, вы ужь непремѣнно встрѣтите хотя по одному Ноздреву, а на другой поважнѣе—конечно по нѣскольку такихъ Ноздревыхъ. Авторъ говоритъ, что этотъ типъ людей у насъ на Руси извѣстенъ подъ именемъ *разбитнаго малаю:* къ нему идутъ также эпитеты безалаберный, взбалмошный, ералашный, хвастунъ, забіяка, задирало, враль, человѣкъ дрянь, ракалія и проч... Съ третьяго раза они говорятъ знакомому *ты*, на ярмаркахъ покупаютъ все, что въ голову ни взбредетъ, какъ напримѣръ: хомутья, курительные свѣчи, платья для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолеты, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, — словомъ—въ ихъ покупкахъ такой же ералашъ, какъ и въ ихъ головѣ...

Въ деревнѣ у себя, они любятъ хвастать и лгать безъ милосердія, и называть своимъ все, что имъ и не принадлежитъ. Не довѣряйте словамъ ихъ, скажите имъ въ глаза, что они вздоръ говорятъ: они не обижаются. Страсть большая у нихъ все у себя въ деревнѣ показывать, хотя и глядѣть не на что, и всѣмъ хвалиться: въ этой страсти выказывается радушіе—черта Русскаго народа—тщеславіе, другая черта, также намъ родная. Ноздревы большіе охотники мѣняться. У нихъ ничто не посидитъ на мѣстѣ, и все должно также вертѣться вокругъ ихъ, какъ у нихъ въ головѣ. Дружескія нѣжности и ругательства въ одно и то же время льются съ ихъ языка, мѣшаясь въ потокѣ словъ непристойныхъ. Избави Боже отъ ихъ обѣда и отъ всякой короткости съ ними! Въ игрѣ они нагло плутуютъ—и готовы драться, если имъ это замѣтишь. Особенная страсть у нихъ къ собакамъ и псарный дворъ въ большомъ порядкѣ: не происходитъ ли это отъ какой-то симпатіи? ибо въ характерѣ Ноздревыхъ есть что-то истинно собачье. Дѣла съ ними никакого сладить нельзя: вотъ почему сначала кажется даже и страннымъ, какъ Чичиковъ, такой умный и дѣловой малый, узнававшій съ перваго разу

человѣка, кто онъ и какъ съ нимъ надо говорить, рѣшился войти въ сношенія съ Ноздревымъ. Такой промахъ, въ которомъ Чичиковъ послѣ самъ и раскаялся, можетъ впрочемъ объясниться изъ двухъ Русскихъ пословицъ, что на всякаго мудреца бываетъ довольно простоты и что Русскій человѣкъ крѣпокъ заднимъ умомъ. За то Чичиковъ и поплатился послѣ: безъ Ноздрева кто бы такъ всполошилъ городъ, и произвелъ всю суматоху на балѣ, которая причинила такой важный переворотъ въ дѣлахъ Чичикова.

Но Ноздревъ долженъ уступить мѣсто огромному типу Собакевича. Здѣсь не можемъ не привести словъ самого Автора, которыя лучше всякой кисти живописуютъ намъ это лицо, если такъ можно назвать чудовищно-животную натуру Собакевича. — «Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча, хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ, хватила въ другой — вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза, и не оскобливши пустила на свѣтъ, сказавъ: живетъ! Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе, и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него изкоса, или когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали «Михайломъ Семеновичемъ». Случается иногда въ природѣ, что наружность человѣка обманываетъ и подъ страннымъ чудовищнымъ образомъ вы встрѣчаете добрую душу и мягкое сердце. Но въ Собакевичѣ, внѣшнее совершенно точь въ точь отвѣчаетъ внутреннему. Наружная образина его отпечаталась на всѣхъ его словахъ, дѣйствіяхъ и на всемъ, что его окружаетъ. Несуразный домъ его; полновѣсныя и толстыя бревна, употребленныя на конюшню, сарай и кухню, плотныя избы мужиковъ, срубленныя на диво; колодезь, обдѣланный въ крѣпкій дубъ, годный на корабельное строеніе; въ комнатахъ портреты съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами; героиня Греческая Бобелина съ ногою въ туловище; пузатое орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ; дроздъ темнаго цвѣта; словомъ все, окружающее Собакевича, похоже на него, и мо— *жетъ вмѣстѣ* со столомъ, кресломъ, стульями, запѣтъ хоромъ и мы—

всѣ Собакевичъ! Взгляните на обѣдъ: всякое блюдо повторитъ вамъ то же самое. Эта колоссальная няня, состоящая изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгами и ножками; ветрушки больше тарелки; индюкъ ростомъ съ теленка, набитый ни вѣсть чѣмъ—какъ всѣ эти кушанья похожи на самого хозяина! А рѣдька варená въ меду—не знаемъ, существуетъ ли гдѣ такое варенье, но оно могло быть выдумано только Собакевичемъ. Вслушайтесь въ слова его за обѣдомъ: «у меня когда свинина, всю свинью давай на столъ; баранина, всего барана тащи, гусь—всего гуся! лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ *душа* требуетъ».—Не правда ли, что выразительно здѣсь слово: душа? Собакевичъ едва ли можетъ имѣть объ душѣ иное понятіе. Взгляните на него, какъ онъ опрокидываетъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку, съѣдаетъ, обгрызываетъ, обсосываетъ все до послѣдней косточки... Или какъ послѣ своего сытнаго обѣда издаетъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою! Здѣсь медвѣжья съ виду натура Собакевича переходитъ въ свинную: это — какой-то Русскій Калибанъ, провонявшій весь свининой; это вся жрущая Русь, соединившаяся въ одномъ звѣрѣ-человѣкѣ. Поговорите съ Собакевичемъ: всѣ высчитанныя кушанья отрыгнутся въ каждомъ словѣ, которое выходитъ изъ его устъ. Во всѣхъ его рѣчахъ отзывается вся мерзость его физической и нравственной природы. Онъ рубитъ все и всѣхъ, также какъ его самого обрубила немилосердная природа: весь городъ у него дураки, разбойники, мошенники, и даже самые порядочные люди въ его словарѣ значатъ одно и тоже съ свиньями. Вы, конечно, не забыли Фонъ-Визинскаго Скотинина: онъ если не родной, то по крайней мѣрѣ крестный отецъ Собакевичу; но нельзя не прибавить, что крестникъ перещеголялъ своего батюшку.

«Душа у Собакевича, казалось, закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности», говоритъ Авторъ. Такъ тѣло осилило въ немъ все, заволокло всего человѣка и ужъ стало неспособно къ выраженію душевныхъ движеній.

Обжорливая его натура обозначалась также и въ жадности къ деньгамъ. Умъ дѣйствуетъ въ немъ, но на столько, на сколько нужно сплутовать и зашибить деньгу. Собакевичъ точь въ точь Калибанъ, въ которомъ отъ ума осталась одна злая хитрость. Но въ изобрѣтательности своей онъ смѣшнѣе Калибана. Какъ мастерски

ввернулъ онъ Елизавету Воробья въ списокъ душъ мужескаго пола! какъ прежде съѣлъ цѣлаго осетра, и разъигралъ голодную невинность! Съ Собакевичемъ трудно было сладить дѣло, потому что онъ человѣкъ-кулакъ; его тугая натура любитъ торговаться, но ужъ за то сладивъ дѣло, можно было оставаться спокойнымъ, ибо Собакевичъ человѣкъ солидный и твердый, и за себя постоитъ.

Галлерея лицъ, съ которыми Чичиковъ обдѣлываетъ свое дѣло, заключается скупцомъ Плюшкинымъ. Авторъ замѣчаетъ, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться.

Здѣсь также, какъ и у другихъ помѣщиковъ, деревня Плюшкина и домъ его рисуютъ намъ внѣшнимъ образомъ характеръ и душу самого хозяина. Бревно на избахъ темно и старо; крыши сквозятъ какъ рѣшето; окна въ избенкахъ безъ стеколъ заткнуты тряпкой или зипуномъ; церковь съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Дряхлымъ инвалидомъ глядитъ домъ; окна въ немъ заставлены ставнями, или забиты досками; на одномъ изъ нихъ темнѣетъ треугольникъ изъ синей сахарной бумаги. Ветшающія кругомъ строенія, мертвая беззаботная тишина, ворота всегда запертыя на глухо, и замокъ—исполинъ висящій на желѣзной петлѣ—все это готовитъ насъ ко встрѣчѣ съ самимъ хозяиномъ, и служитъ печальнымъ, живымъ аттрибутомъ затворившейся души его. Вы отдыхаете отъ этихъ грустныхъ, тяжкихъ впечатлѣній на богатой картинѣ сада, хотя заросшаго и заглохшаго, но живописнаго въ своемъ запустѣніи: здѣсь угощаетъ васъ на минуту чудная симпатія поэта къ природѣ, которая вся живетъ подъ его теплымъ на нее взглядомъ, а между тѣмъ въ глубинѣ этой дикой и жаркой картины вы какъ будто проглядываете въ повѣсть жизни самого хозяина, въ которомъ также заглохла душа, какъ природа въ глуши этого сада. Взойдите въ домъ Плюшкина, все здѣсь разскажетъ вамъ объ немъ прежде нежели вы его увидите. Нагроможденная мебель, сломанный стулъ, на столѣ часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ приладилъ свою паутину; бюро, выложенное перламутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькія жолобки, наполненные клеемъ; на бюро куча исписанныхъ мелко бумажекъ, лимонъ весь высохшій, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ *сургучика*, кусочекъ гдѣ то поднятой тряпки, два пера, запачканныя

чернилами, высохшія, какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ можетъ быть ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву Французовъ... Далѣе картины на стѣнахъ почернѣвшія отъ времени, люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ, куча, разнаго сора въ углу, откуда высовывался отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога,— и одна только примѣта живаго существа во всемъ домѣ, поношенный колпакъ, лежащій на столѣ... Какъ здѣсь во всякомъ предметѣ видится Плюшкинъ, и какъ чудно по этой нескладной кучѣ вы уже узнали человѣка! Но вотъ и онъ самъ, похожій издали на свою старую ключницу, съ небритымъ подбородкомъ, который выступаетъ очень далеко впередъ и походитъ на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей,—съ сѣренькими глазками, которые какъ мыши, бѣгаютъ изъ подъ высоко выросшихъ бровей... Плюшкинъ такъ живо видится намъ, какъ будто бы мы его припоминаемъ на картинѣ Альберта Дюрера въ галлереѣ Дорія... Изобразивъ лицо, поэтъ входитъ внутрь его, обнажаетъ передъ вами всѣ темныя складки этой очерствѣлой души, разсказываетъ психологическую метаморфозу этого человѣка: какъ скупость, свивши однажды гнѣздо въ душѣ его, мало по малу простирала въ ней свои владѣнія и покоривъ себѣ все, опустошивъ всѣ его чувства, превратила человѣка въ животное, которое по какому-то инстинкту, тащитъ въ свою нору все, что бы ему ни попалось на дорогѣ—старую подошву, бабью тряпку, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, офицерскую шпору, ведро, оставленное бабою.

Всякое чувство почти непримѣтно скользитъ по этому черствому, окаменѣлому лицу. Все умираетъ, гніетъ и рушится около Плюшкина... Не мудрено, что Чичиковъ могъ найти у него такое большое количество мертвыхъ и бѣглыхъ душъ, которыя вдругъ такъ значительно умножили его фантастическое населеніе.

Вотъ тѣ лица, съ которыми Чичиковъ приводитъ въ дѣйствіе свой замыселъ. Всѣ они, кромѣ особыхъ свойствъ, каждому собственно принадлежащихъ, имѣютъ еще одну черту общую всѣмъ: гостепріимство, это Русское радушіе къ гостю, которое живетъ въ нихъ и держится какъ будто инстинктъ народный. Замѣчательно, что даже въ Плюшкинѣ сохранилось это природное чувство, не смотря на то, что *оно совершенно* противно его скупости: и онъ счелъ за нужно

поподчивать Чичикова чайкомъ, и велѣлъ было поставить самоваръ, да къ счастію его, самъ гость, смекнувшій дѣло, отказался отъ угощенія.

При Чичиковѣ находятся еще два лица, два вѣрные спутника: засаленный лакей Петрушка въ сюртукѣ, котораго никогда не скидаетъ онъ, и кучеръ Селифанъ. Замѣчательно, что первый, находясь всегда около своего барина, подражая ему въ костюмѣ, и умѣя даже читать, провонялъ, а Селифанъ, будучи всегда съ лошадьми и въ конюшнѣ, сохранилъ свѣжую, непочатую Русскую природу. Выходитъ на повѣрку, что у Чичиковыхъ всегда такъ бываетъ: Петрушка лакей совершенно по герою: это его живой, ходячій аттрибутъ; глубоко замѣчаніе Автора объ томъ, какъ онъ читаетъ все, что бы ему ни попалось, и какъ въ чтеніи нравится ему болѣе процессъ самаго чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое нибудь слово. Кучеръ Селифанъ совсѣмъ другое дѣло: это новое, полное типическое созданіе, вынутое изъ простой Русской жизни. Мы не знали объ немъ до тѣхъ поръ, пока дворовыя Манилова не напоили его пьянымъ, и пока вино не открыло намъ всю его славную и добрую натуру. Напивается онъ пьянъ болѣе для того, чтобы поговорить съ хорошимъ человѣкомъ. Вино разшевелило Селифана: онъ пустился въ разговоры съ лошадьми, которыхъ въ своемъ простодушіи считаетъ почти своими ближними. Его доброе расположеніе къ Гнѣдому и къ Засѣдателю, и особенная ненависть къ подлецу Чубарому, о которомъ онъ надоѣдаетъ даже и барину своему, чтобы его продалъ, взято изъ натуры всякаго кучера, имѣющаго къ своему дѣлу особое призваніе. Похвалился нашъ пьяный Селифанъ, что не перекинетъ, а когда случилась съ нимъ бѣда, какъ наивно вскричалъ онъ: вишь ты и перекинулась!—За то ужь съ какимъ радушіемъ и покорностію отвѣчалъ онъ барину, на его угрозы: «почему-жь не посѣчь, коли за дѣло, на то воля господская... почему-жь не посѣчь?...

Изъ всѣхъ лицъ, какія до сихъ поръ являются въ поэмѣ, самое большее участіе наше возбуждено къ неоцѣненному кучеру Селифану. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ предъидущихъ лицахъ мы живо и глубоко видимъ, какъ пустая и праздная жизнь можетъ низвести человѣческую натуру до скотской. Каждое изъ нихъ представляетъ разительное сходство съ какимъ-нибудь животнымъ. Собакевичъ, какъ мы уже сказали, соединилъ въ одномъ себѣ породу медвѣжью и свиную; Ноздревъ очень похожъ на собаку, которая безъ причины въ одно

и то же время и лаетъ, и обгрызается и ласкается; Коробочку можно бы сравнить съ суетливою бѣлкой, которая собираетъ орѣшки въ своемъ закромѣ, и вся живетъ въ своемъ хозяйствѣ; Плюшкинъ, какъ муравей, однимъ животнымъ инстинктомъ, все что ни попало тащитъ въ свою нору; Маниловъ имѣетъ сходство съ глупымъ потатуемъ, который, сидя въ лѣсу, надоѣдаетъ однообразнымъ крикомъ, и какъ будто мечтаетъ объ чемъ-то; Петрушка съ своимъ запахомъ превратился въ пахучаго козла; Чичиковъ плутовствомъ перещеголялъ всѣхъ животныхъ и тѣмъ только поддержалъ славу природы человѣческой.—Одинъ лишь кучеръ Селифанъ вѣкъ свой прожилъ съ лошадьми и сохранилъ всѣхъ вѣрнѣе добрую человѣческую натуру.

Но есть еще лицо, живущее въ поэмѣ своею полною, цѣльною жизнію и созданное комическою фантазіею поэта, которая въ этомъ созданіи разыгралась въ волю и почти отрѣшилась отъ существенной жизни: это лицо есть городъ N. Въ немъ вы не найдете ни одного изъ нашихъ губернскихъ городовъ, но онъ сложенъ изъ многихъ данныхъ, которыя, будучи подмѣчены наблюдательностію Автора въ разныхъ концахъ Россіи и прошедъ черезъ его комическій юморъ, слились въ одно новое, странное цѣлое. Постараемся изобразить этотъ городъ, какъ одно лицо, соединивъ вмѣстѣ всѣ черты его, крупно разсѣянныя Авторомъ. Оффиціальная часть города N. составлена изъ Губернатора, пренѣжнаго человѣка, вышивающаго по тюли. Прокурора человѣка серьезнаго и молчаливаго, Почтмейстера остряка и философа, Предсѣдателя Палаты—разсудительнаго, любезнаго и добродушнаго человѣка, Полицеймейстера—отца и благодѣтеля, и другихъ чиновниковъ, которые всѣ раздѣляются на толстыхъ и тоненькихъ Неоффиціальная его часть состоитъ, вопервыхъ, изъ просвѣщенныхъ людей, читающихъ Московскія Вѣдомости, Карамзина и проч., далѣе тюрюковъ, байбаковъ и дамъ, которыя своихъ мужьевъ называютъ ласковыми именами кубышки, толстунчика, пузанчика, чернушки, кики и жужу. Изъ сихъ послѣднихъ особенно отличились двѣ: дама просто пріятная и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. У города этого есть и садъ, гдѣ деревья не выше тростника, но въ газетахъ однако объ немъ сказано было по случаю иллюминаціи, что онъ состоитъ изъ тѣнистыхъ, широковѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день... Городъ разъѣзжаетъ въ своихъ особенныхъ экипажахъ, изъ которыхъ замѣчательны дребезжалки и колесосвистки. Нравомъ онъ предобрый, гостепріимный и самый простодушный; бе-

сѣды у него носятъ печать какой то особенной короткости; все семейственно, все за-панибрата и такъ, между собою. Въ карты ли городъ играетъ, у него на всякую масть и на всякую карту есть свои особенныя поговорки и выраженія. Между собою ли разговариваетъ, у него ко всякому имени свое присловьеце, которымъ никто и не обижается. Если хотите имѣть понятіе о особенномъ языкѣ этого города, прислушайтесь къ знаменитому разсказу Почтмейстера, перваго оратора городскаго о Капитанѣ Копѣйкинѣ. Всѣ оффиціальныя дѣла происходятъ также въ быту семейномъ: взятки, какой-то домашній изстари принятой обычай, которому никто и не изумляется. Иные обвиняли Автора въ невѣрности за то, что Коробочка изъ деревни послала довѣренность на имя отца Протопопа; что Плюшкинъ далъ такую же довѣренность изъ деревни же на имя того самаго Предсѣдателя Палаты, который и совершаетъ купчую; что купчія крѣпости на всѣ мертвыя души окончены чудеснымъ образомъ въ одинъ и тотъ же день. Говорятъ обвинители, что это неестественно, потому что противузаконно. Мы совершенно согласны въ томъ съ обвинителями Автора, что оно противузаконно, но какъ же не видятъ они, что все это въ правахъ того фантастическаго города, который созданъ Авторомъ, гдѣ все на домашнюю, особенную ногу, и семейный бытъ совершенно осилитъ бытъ оффиціальный? При всемъ томъ, городъ такъ живъ и естественъ, что мы понимаемъ, какъ только въ немъ, а не въ какомъ иномъ городѣ, Чичиковъ могъ привести въ исполненіе часть своего необыкновеннаго отважнаго замысла. Вотъ матеріалы, которые поэтъ взялъ изъ жизни и перенесъ въ свою поэму! Мы, излагая содержаніе, умышленно обнажили всю эту жизнь отъ прелестей искусства, чтобы удобнѣе дать замѣтить ея значеніе. И вотъ слышимъ вокругъ себя раздающіеся вопросы: что же въ этой жизни? Чѣмъ она привлекательна? Что занимательнаго въ ней? Что за выборъ предмета, героя и лицъ?

Что за выборъ предмета, героя и лицъ? Но знаете ли вы, что ваши осужденія несправедливы, что Поэтъ самъ не воленъ въ избраніи предмета, который одушевилъ его? Какъ объясните вы мнѣ, почему Рафаэлю все снились Мадонны? Почему Теньеръ такъ охотно писалъ пьяныхъ. Почему кисть Поль Поттера изображала только звѣрей, и забывала человѣка? Какъ объяснить, почему въ одной и той же головѣ Гомера въ разныя минуты создались Ахиллъ и Ѳерситъ, Одиссей и Иръ? Или въ головѣ Шекспира явился тогда-то Ромео, въ

другое время Отелло, въ третье Колибанъ или Фальстафъ? Поэтъ истинный, поэтъ по призванію почти также не властенъ въ выборѣ своихъ героевъ и сюжетовъ, какъ Исторія. При рѣшеніи вопроса о выборѣ предмета трудно бываетъ отдѣлить то, что проистекаетъ отъ внутреннихъ, тайныхъ, неизслѣдимыхъ наклонностей самого Поэта, какъ человѣка, оттого что внушаютъ ему самый вѣкъ и взглядъ на жизнь, его окружающую. Тайная наклонность дѣйствуетъ болѣе въ тѣхъ талантахъ, которые ограничены, которыхъ фантазія заключена въ тѣснотѣ ихъ особеннаго характера и въ ихъ личной симпатіи; но въ поэтахъ, съ истиннымъ призваніемъ, многообъемлющихъ, тайная наклонность совпадаетъ съ характеромъ современной жизни. Счастливъ тотъ вѣкъ, въ которомъ видѣнія поэтовъ бываютъ чисты, идеальны, благородны, возвышенны; когда героями въ поэмахъ являются Ахиллы и Одиссеи, Орланды и Годфреды, когда въ творческомъ воображеніи ихъ проносятся величавые и прекрасные образы, одушевительные для юношества, и внушающіе удивленіе всѣмъ вѣкамъ и народамъ! Въ самомъ дѣлѣ, истинныя поэтическія созданія совершаются, какъ сны, въ которыхъ мы не бываемъ властны. Можно даже продолжить это сравненіе. Замѣчено, что сны наши много зависятъ отъ пищи, нами принимаемой, и отъ впечатлѣній жизни внѣшней: такъ и видѣнія Поэта не зависятъ ли отъ той внутренней пищи, которую предлагаетъ ему жизнь современная, его окружающая?—Представьте же себѣ то ужасное состояніе Поэта, когда ему, вмѣсто идеальныхъ видѣній, все представляются страшные кошмары изъ дѣйствительной жизни; когда вмѣсто Ахилловъ, Агамемноновъ, Гамлетовъ, Ировъ снятся ему Лягушки, Осы, Гарпагоны, Донъ-Кихоты, Санхо-Пансы, Чичиковы, Собакевичи и Ноздревы. Куда онъ дѣнется отъ такого рода? Какъ ему развязаться съ своими героями, которыхъ онъ невинная жертва? Какъ согласить ему жизнь съ искусствомъ? Онъ сосредоточится въ глубинѣ своего духа; отсюда будетъ наблюдать видѣнія, его преслѣдующія; наведетъ на нихъ лучи своего неистощимаго юмора; отдѣлается отъ нихъ яркимъ, громкимъ смѣхомъ и тайными слезами,—и найдетъ отдыхъ и успокоеніе или въ торжественныхъ лирическихъ движеніяхъ души своей, или въ ясновидящей фантазіи, которая все объемлетъ, весь міръ воспріемлетъ въ себѣ и возсоздастъ его съ равнымъ участіемъ. Но какъ мы ни оправдывай Поэта, все вокругъ насъ раздаются еще вопросы: что намъ за дѣло до вашихъ кошмаровъ поэтическихъ? Довольно того, что разъ въ

дѣйствительности существуютъ Ноздревы, Чичиковы и Собакевичи: къ чему же еще въ другой разъ повторять ихъ и давать имъ посредствомъ искусства бытіе долговѣчное, нескончаемое? Согласитесь, что если бы вамъ случилось напередъ узнать, что вы въ такомъ-то мѣстѣ непремѣнно встрѣтите одно изъ этихъ трехъ лицъ, то, конечно, вы лучше поѣдете въ объѣздъ и сдѣлаете тридцать верстъ крюку, чтобы только не встрѣтить какого-нибудь Ноздрева или Собакевича. Какая же охота знакомиться съ ними въ вашей Поэмѣ? Мы согласимся съ тѣмъ только, что замѣчаніе ваше чрезвычайно остроумно и мѣтко, но извините насъ, если не согласимся съ нимъ въ его сущности. Въ немъ тѣ же двѣ стороны, какія и во всемъ вопросѣ, нами рѣшенномъ: сторона жизни и искусства. Раздѣлимъ ихъ порознь, чтобы лучше разобрать въ чемъ дѣло. Спачала объ жизни. Вы говорите: довольно того, что весь этотъ міръ существуетъ на дѣлѣ, къ чему еще переводить его въ міръ искусства? Но безъ поэта, знали ли бы вы, что онъ точно существуетъ на дѣлѣ. А если бы и знали, понятно ли бы было для васъ все его глубокое значеніе, вся его тайная, невидимая, съ перваго взгляда незамѣтная связь съ міромъ, васъ окружающимъ? Развѣ не любопытно, даже не необходимо вамъ знать, что Собакевичи, Ноздревы, Чичиковы, Коробочки—ваши соотечественники, ваши земляки, члены того же народа и государства, къ которому вы принадлежите; что вы съ ними составляете одно слитное, нераздѣльное цѣлое, что они необходимыя дѣйствующія звенья въ огромной цѣпи Русскаго царства, что ихъ сила электрически дѣйствуетъ непремѣнно и на васъ? Что за странное не только не-Христіанское, даже не Русское чувство, заключающее васъ въ вашемъ спокойномъ и самодовольномъ одиночествѣ, въ тѣснотѣ вашего свѣтлаго и избраннаго круга, который вы себѣ идеально и по вашему вкусу составили!

О нѣтъ! выдьте, выдьте скорѣе изъ вашей заключенности для блага вашихъ ближнихъ, вашихъ соотчичей, вашей Россіи, и благодарите Поэта за то, что онъ силою своего могучаго воображенія вызвалъ вамъ изъ какого-то отдаленнаго захолустья нашей отчизны такихъ земляковъ, такихъ странныхъ собратій вашихъ, о существованіи которыхъ если вы и имѣли кой-какія подозрѣнія, то позабыли вовсе въ своихъ великолѣпныхъ суетахъ и заботахъ! Кромѣ того, вглядывайтесь въ видѣнія Поэтовъ, прислушивайтесь къ ихъ тайнымъ, многозначительнымъ вѣщаніямъ. У нихъ чудная, пророческая сим-

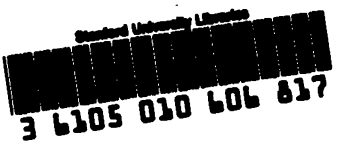
пятія съ жизнію; они донесутъ вамъ о томъ, чего вы ни отъ кого не узнаете; они не даромъ именовались всегда учителями жизни — и предложатъ вамъ объ ней такіе глубокомысленные уроки, какихъ вы ни отъ кого не услышите. Лишь бы глаголъ ихъ былъ свободенъ и открытъ: онъ не опасенъ никому, ибо доносится безъ всякихъ предубѣжденій, изъ одного глубокаго чувства истины. Да, повсюду важна связь искусства съ жизнію, но особенно важна она у насъ, какъ народа практическаго, не способнаго къ отвлеченностямъ. Только то произведеніе тронетъ у насъ за живое и возбудитъ участіе всѣхъ, въ которомъ существенная основа тѣсно связана съ корнемъ нашей жизни, въ хорошую ли, въ дурную ли ея сторону. Всѣ истинные Поэты нашего отечества постигали это необходимое соединеніе; во всякомъ живомъ произведеніи Поэзіи Русской вы непремѣнно его найдете,—и вотъ почему на всякомъ образованномъ Русскомъ належитъ обязанностію изучать произведенія Поэта въ отношеніи къ жизни и не брезгивать никакою истиною дѣйствительности Русской, если только она возсоздана вѣрно, полно, живо, могучею фантазіею Поэта. Скажемъ теперь мимоходомъ, предоставляя себѣ впередъ сказать о томъ же поболѣе, что одна изъ важнѣйшихъ задачъ Русской критики состоитъ именно въ томъ, чтобы рѣшать вопросъ объ отношеніи Словесности къ жизни; что мѣстный характеръ ея долженъ отсюда опредѣлиться и соотвѣтствовать назначенію искусства въ нашемъ отечествѣ; что критика, теряющаяся въ однѣхъ пустыхъ отвлеченностяхъ, ничего дѣльнаго и вѣрнаго никогда не скажетъ объ Русской Словесности; что критика у насъ должна необходимо совмѣщать взглядъ на жизнь со взглядомъ на искусство, мирить возрѣніе Французовъ съ возрѣніемъ Нѣмецкимъ: тогда только достигнетъ она вполнѣ своего назначенія. Но остановимся, не увлекаясь далѣе этимъ занимательнымъ эпизодомъ, въ которомъ невольно выразилась любимая наша мысль. Изъ сказаннаго прежде нами ясно, почему неправы тѣ, которые или величаво и гордо брезгаютъ содержаніемъ Поэмы Гоголя, стороною жизни дѣйствительной, или считаютъ за ненужное обращать вниманіе на содержаніе его Поэмы, восхищаясь отвлеченно однимъ только его искусствомъ. Мы совершенно не раздѣляемъ этихъ мнѣній, весь этотъ странный міръ сельскихъ и губернскихъ героевъ, открытый фантазіею Гоголя, міръ, о которомъ мы имѣли какое-то смутное понятіе, какъ во снѣ, но который теперь такъ ясно и живо, какъ будто на яву, совершается въ очахъ нашихъ—по нашему об-

разу мыслей, имѣетъ весьма глубокое и великое современное значеніе. Обратите вниманіе даже на яркую противоположность этого міра съ тѣмъ, который васъ такъ великолѣпно, такъ плѣнительно окружаетъ. Собакевичи, Ноздревы, городъ N, наши деревни, яркія картины внутренняго быта Россіи, представъ вамъ ясно середи вашего пышнаго сна, разрушаютъ много свѣтлыхъ очарованій, низведутъ васъ изъ міра мечтаній высокихъ въ міръ голой существенности и направятъ вниманіе ваше на такіе вопросы, которые безъ того не раздались бы, можетъ быть, въ умѣ вашемъ! Вникайте далѣе. Сдѣлка, соединяющая Чичикова съ лицами Поэмы и составляющая главное содержаніе, главное дѣйствіе, въ ней развиваемое, подаетъ поводъ ко многимъ комическимъ сценамъ, въ которыхъ неистощимый талантъ Автора съумѣлъ такъ искусно представить одинъ и тотъ же мотивъ, разнообразя его по характерамъ тѣхъ лицъ, съ коими сходится Чичиковъ. Предметъ сдѣлки весьма затѣйливо придуманъ комическою фантазіею Поэта, въ немъ ничего нѣтъ такого, что бы наружно съ перваго взгляда насъ отвращало—это было бы и противно самымъ требованіямъ искусства—но по мѣрѣ того, какъ вы сквозь смѣхъ и игру фантазіи, проникаете въ глубь существенной жизни, вамъ становится грустно, и смѣхъ вашъ переходитъ въ тяжкую задумчивость, и въ душѣ вашей возникаютъ важныя мысли о существенныхъ основахъ Русской жизни. Обратите вниманіе на всѣ эти села, которыя по очереди предстаютъ передъ вами со всѣми ихъ помѣщиками: какъ въ каждомъ изъ нихъ отражается всѣми чертами характеръ хозяина! А размышленія Чичикова надъ купленными душами! Сколько въ нихъ глубокихъ наблюденій надъ Русскою жизнію! А вся пустая безсмыслица въ дѣйствіяхъ города N! И въ ней не мало значительной правды... Да, чѣмъ глубже вглядитесь вы въ эту Поэму, тѣмъ важнѣе представитъ вамъ ея съ виду забавное содержаніе—и вы послѣдуете совѣту, который Авторъ предлагаетъ вамъ на одной изъ послѣднихъ страницъ своей Поэмы: исчезнетъ смѣхъ, утомившій уста ваши, и глубокая, внутренняя, дума смежитъ ихъ, и оправдаются надъ вами другія слова Автора, сказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ: «веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоятся передъ нимъ, и тогда Богъ знаетъ, что взбредетъ въ голову».

Пора, пора уже намъ отъ блестящей жизни внѣшней, которая насъ слишкомъ увлекаетъ, возвратиться ко внутреннему бытію, къ дѣ*ятельности собственно* Русской, какъ бы ни казалась она ничтожна

и отвратительна намъ, увлекаемымъ незаслуженною гордостію чужаго просвѣщенія,—и потому каждое значительное произведеніе Русской Словесности, напоминающее намъ о тяжелой существенности нашего внутренняго быта, открывающее тѣ захолустья, которыя лежатъ около насъ, а намъ кажутся за горами потому только, что мы на нихъ не смотримъ, каждое такое произведеніе, заглядывающее въ глубь нашей жизни, кромѣ своего достоинства художественнаго, можетъ по всѣмъ правамъ имѣть достоинство и благороднаго подвига на пользу Отечества. Русская Словесность никогда не чуждалась этого практическаго назначенія, а всегда призывала народъ къ сознанію своей внутренней жизни, и Правительство наше (честь и хвала ему) никогда не скрывало отъ насъ такихъ сознаній, если только совершались они талантами истинными, съ искреннимъ чувствомъ любви къ Россіи и съ увѣренностью въ ея высокомъ назначеніи. Въ пышномъ вѣкѣ Екатерины Фонъ-Визинъ вывелъ передъ нами семейство Простаковыхъ, и раскрылъ одну изъ глубокихъ ранъ тогдашней Россіи въ семейномъ быту и воспитаніи. Въ наше время тотъ же подвигъ совершенъ былъ Гоголемъ въ Ревизорѣ, и совершается теперь въ другой разъ въ Мертвыхъ Душахъ. Отъ самыхъ временъ Кантемира до нашихъ, Словесность связывала свои произведенія съ существенностію Русской жизни—и только одни кроты въ современной критикѣ, не постигающіе въ слѣпомъ бреду своемъ ни Россіи, ни ея литературнаго развитія, не видятъ той глубокой внутренней связи, какая была искони у насъ между жизнію и Словесностію. Заключимъ же: наша Русская жизнь своею грубою, животною, матеріальною стороною, глубоко лежитъ въ содержаніи этой первой части Поэмы, и даетъ ей весьма важное современное, съ виду смѣшное, въ глубинѣ грустное значеніе. Поэтъ обѣщаетъ намъ представить и другую сторону той же нашей жизни, разоблачить передъ нами сокровища Русской души: конецъ его Поэмы исполненъ благороднаго, высокаго предчувствія этой иной, свѣтлой половины нашего бытія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его грядущихъ вдохновеній: да низойдутъ они на него скорѣе, но и теперь благодаримъ его за вскрытіе многихъ внутреннихъ тайнъ, которыя лежатъ въ основѣ Русскаго бытія и доступны только проницательному взгляду Поэта, одареннаго могучимъ ясновидѣніемъ жизни.

С. Шевыревъ.



Stanford University Libraries
3 6105 010 606 817

.Zs.M
v.1

V.1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S JUN 30 1997
MAY 30 1997
JUN 1 1997
F/S JUN 30 1997
JAN 1 9 2000
JAN 1 9 2000